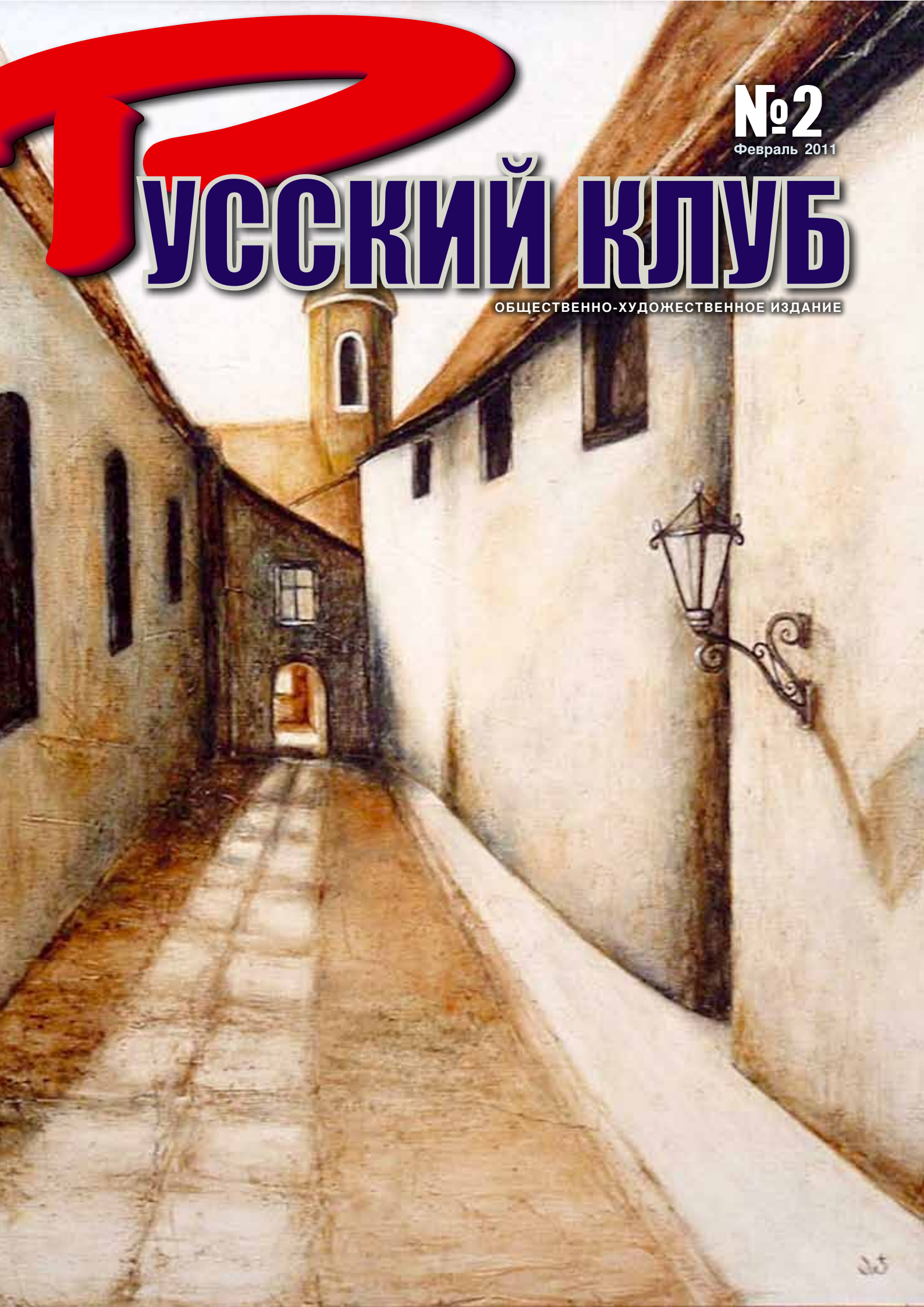

№2

Февраль 2011

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДАО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Кандалаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№2 (64)
Февраль 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	ПОЭТ И ЕГО АКЦЕНТ	6
	ЧТО БЛИЖЕ НЕ БЫВАЕТ...	10
ТРАДИЦИЯ	КАРДИОГРАММА ЛЮБВИ	12
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	С ВЕРОЙ В НАСТОЯЩЕЕ	17
О, СПОРТ!	НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ	20
ПАМЯТЬ	ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ДЭВИ	24
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ЭТА ТРУДНАЯ ДОЛЖНОСТЬ – БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ...	26
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	НЕОКОНЧЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ	30
ТВОРЧЕСТВО	В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ	34
ВЕРНИСАЖ	«О, ЭТИ КЛАДБИЩА ИСКУССТВА! О, ЭТИ СВАЛКИ ИСТОРИИ!»	36
ОБЪЕКТИВ	СИГНАХИ	39
ПЕРЕВОДИМ	ВОРОНА	40
ПРИЗНАНИЕ	ДЖАЗ ЗЕЛЕНОГО ЦВЕТА	44
ПАЛИТРА	ЭТАЖИ ЛЮБВИ	46
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ЕСЛИ МНОГОЕ ДАНО...	50
КИНОКЛУБ	ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ	52

На обложке - фрагмент картины А.Джикия «Старая улица»

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полканина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ТЮХ-ТЮХ-ТЮХ. РАЗГОРЕЛСЯ НАШ УТЮГ.

Вы, конечно, заулыбались, вспомнив забавную песенку из фильма «Веселые ребята». Почему утюг тех времен пыхтел, как он был устроен и чем отличался от наших современных, мы сейчас с вами вспомним, ибо **10 февраля 1636 года** документально было засвидетельствовано появление первого утюга. В книге расходов русского царского двора было записано: «Кузнецу Ивашке Трофимову выдано 5 алтын, а он за те деньги заделал в царицыну палату утюг железный». Остается непонятным, что означает «заделал» - купил в лавке у Немецкой слободы заграничный экземпляр или изготовил отечественный аналог, совершив акт промышленного шпионажа? Но в этом случае цена 5 алтын – непомерная. По-русски было бы проще: «Вот тебе пятак на водку, и пошел отсюда прочь», как в филатовском Федоте-стрельце. А если без шуток, то история столь привычного нам домашнего устройства уходит в глубокую и седую древность. Самым первым утюгом был плоский нагретый камень, на котором раскладывали влажные изделия и придавливали их другими камнями. Кстати, и сейчас в Китае таким способом глядят самый драгоценный шелк. Еще за 400 лет до н.э. греки плиссировали широкие накидки горячими железными прутьями. В России же, как и во всей восточной Европе, более полутысячи лет гладили при помощи толстой скалки и рубеля – специальной доски с зазубринами.

ВЫЙТИ В ПАПЫ РИМСКИЕ...

«А в мамы взять, естественно, тебя» - мог петь такую песенку своей очередной избраннице златокудрый английский король Генрих VIII? Естественно, мог. Он был очень музыкальный молодой человек – хорошо играл на лютне и даже сочинил, говорят, знаменитые «Зеленые рукава» - самую популярную английскую песенку до появления в XX веке «Битлз». Но при чем здесь Папа Римский? А развода не давал он любвеобильному монарху. Генрих был представителем очень модного политического течения того времени - абсолютной монархии, и авторитет и нравоучения Римского Папы были ему в тягость. Тем более что Понтифик норовил влезть не только в метаморфозы любовных приключений короля, но и в его политику, что не очень нравилось последнему. Вот и пришлось решать все по-тирански. Король он был крутого нрава: за свое правление казнил не менее 70 000 подданных – Иван Грозный вместе с Петром I были по сравнению с ним просто мягкосердечными гуманистами. Но в истории Англии он остался как король, который **10 февраля 1530 года** объявил разрыв с католической церковью и Римским Папой лично, создал англиканскую церковь и назначил себя ее главой. Для чего? Наверное, только для того, чтобы развестись с Катериной Арагонской и жениться на Анне Болейн... Всего жен у него было шесть, и он с ними не церемонился: надоела – развод или плаха - за что и прослыл в Европе «Синей Бородой». «Развелся, казнил, умерла. Развелся, казнил, пережила». Так английские школьники на манер «Каждый охотник желает знать...» запоминают на уроках всех шестерых жен Генриха VIII.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РОДНОГО ЯЗЫКА

В 1999 году на 30-й сессии ЮНЕСКО постановили отмечать эту важную для культурного наследия всего человечества дату. И день был выбран не случайно: **21 февраля 1952 года** в Бангладеш при разгоне демонстрации от полицейских пуль погибло несколько студентов столичного университета. Они требовали признать государственным свой родной язык - бенгали. Осознав актуальность проблемы, мировая общественность решила объединить усилия для сохранения многочисленных малых языков. Парадоксально, но на 6000 существующих ныне языков разговаривает менее 5 процентов населения Земли, а все остальные – всего на нескольких десятках. Малые языки повсеместно вымирают – приходится признать. В Советской России, например, в год умирало по два языка – ну, не находилось ста тысяч разговаривающих на них! Эта цифра, как говорят ученые, - необходимый минимум языкового выживания.

Мы живем в эпоху информационного взрыва и бурного развития электронных коммуникаций. Людям, представляющим национальные меньшинства со своим языком, все труднее его сохранить – крупнейшие государственные теле- и радиокomпании вещают только на главных языках своих стран. Ситуация в интернете еще более удручающая – мировая глобализация выдвинула всего несколько языков в качестве основных. У молодежи из национальных меньшинств нет стимула изучать и сохранять язык своих предков. Фактически происходит самая настоящая и жесткая культурно-языковая оккупация. Этому способствуют многочисленные СМИ, блоги, из языка в язык свободно переходят единые новые термины, профессиональные обозначения и даже жаргон. Есть опасность, что скоро из этого появится некий громоздкий и в то же время упрощенный всеобщий язык-мутант. Однако история показывает, что вслед за слиянием следует обратный процесс – дифференциация.

САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ PORSCHE

15 февраля 1936 года в фашистской Германии было принято решение о выпуске «народного автомобиля» - Volkswagen или попросту «Жука». К слову сказать, эта горбатая, неказистая, но очень практичная машинка была изобретена одним из величайших автомобильных конструкторов в истории - Фердинандом Порше. То есть, все, кто десятилетиями ездили на необычайно долговечных «жуках», были на самом деле счастливыми обладателями самого настоящего Porsche.

А «жука» «жуком» назвал сам создатель – герр Фердинанд, который решил поступить так же, как его великий американский коллега Генри Форд. Тот, как известно, не дождался народного творчества и сам давал клички своим автомобилям: например, «тин Лиззи» - «жестянка Лизи», или «бакит» - «ведро».

ПОРД В ФУТБОЛЬНЫХ БУТСАХ

1 февраля 1915 года родился Стэнли Мэтьюз – великий английский футболист.

В мире самой любимой игры человечества – в футболе – болельщики и журналисты всегда выбирали каких-нибудь монарших особ. Король футбола – Пеле, кронпринц – Эйсебио, кайзер Франц – Беккенбауэр. Но был еще один футболист в очень давние годы. Называли его сэр Стэнли Мэтьюз. И это не было простой вежливостью – в отличие

от всех остальных, лордом он был самым что ни на есть настоящим. Английская королева Елизавета II возвела его в рыцарское достоинство за беспорочную футбольную службу. Этот человек играл на высшем уровне долгие тридцать лет и три года и ушел в отставку в возрасте 50 лет. Да-да, этот легендарный футболист начинал играть еще в 30-х гг, а закончил в 1965-м. Дважды он был признан лучшим игроком Англии, а однажды даже получил Золотой мяч лучшего футболиста Европы. И это при том, что за пределами туманного Альбиона его мало кто видел. Английскому футболу был присущ некоторый снобизм – с 1928 по 1946 г. английские игроки отказывались играть с командами остального мира, предпочитая вариться в собственном соку. Пик славы Мэтьюза пришелся именно на те года.

140 ЛЕТ ПЕСЕ УКРАИНКЕ

У каждого народа есть свой родной - кровь от крови, плоть от плоти поэт. И не важно, кем он был, из какого сословия происходил и на каком языке общался в быту. А бывают и такие феномены, когда чужак, вдруг как птица начинает петь на его языке.

И так случилось, что самым ярким, самым эмоциональным и поэтичным носителем украинского языка стала худенькая, болезненная девушка, происходившая из боснийско-польской семьи – Лариса Петровна Косач-Квитка, известная на весь мир Леся Украинка. Она родилась **25 февраля 1871 года** в городе Новоград-Волынский. Ее отец, зажиточный помещик, и мать, известная украинская писательница, сделали все, чтобы девочка, рожденная в богатой усадьбе, не кичилась своим панским происхождением и не ощущала границ с окружающим миром. В крестьянском вышитом сарафане и венке из полевых цветов, она бегала с крестьянскими детьми. И

с самого детства впитала в себя певучесть «украинской мовы». Не стоит думать, что в итоге она превратилась в какого-то узколобого националиста. Леся, как ее называли в семье, знала в совершенстве с добрую дюжину языков, переводила с французского, польского, английского, итальянского и греческого, писала оригинальные статьи по-русски, могла объясниться по-арабски и даже знала грузинский язык. Памятник ей установили в самом центре прекрасного Киева, в городском саду. Надо сказать, что Леся Украинка очень любила Грузию, многократно бывала здесь и даже умерла в Сурами.

105 ЛЕТ АВТОРУ ЗАЙКИ, БЫЧКА И НАШЕЙ ТАНИ

17 февраля 1906 года в Москве родилась Агния Барто.

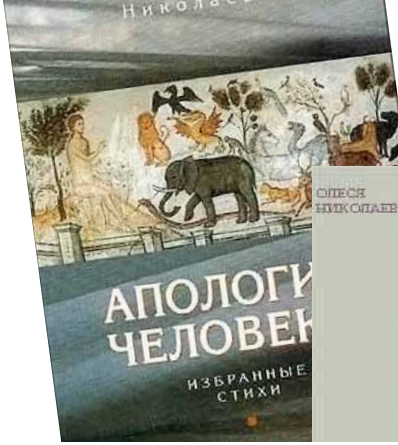
Очень умный, энциклопедически образованный, талантливый и всепризнанно авторитетнейший Корней Иванович Чуковский - однако, скажем честно, не самый мягкий человек на свете – по ее поводу, говорят, ехидничал: «Где у нее романтизм, где героизм и приключения, столь необходимые молодому неокрепшему уму? Одна сплошная сиротская песня». «Сиротскими песнями» называли жалостливые куплеты, которые распевали в гражданскую беспризорники – вроде «У кошки четыре ноги». Мнение маститого писателя и критика было не очень справедливым и немножечко отдавало профессиональной ревностью - и Агния Львовна, и Корней Иванович с его «От двух до пяти» считались знатоками детской души. И оба написали блестящие образцы детской поэзии, легко ложащиеся на слух и запоминающиеся юными слушателями.

А если серьезно, то Агния Барто писала гениальную поэзию для самых маленьких людей, и делала это с чувством, с любовью и в высшей степени сердечно. И мы – тогда еще совсем маленькие, это понимали и ценили.

Роб АВАДЯЕВ

ФЕСТИВАЛЬ

ОЛЕСЯ (ОЛЬГА) НИКОЛАЕВА - ПОЭТ, ПРОЗАИК, ПЕРЕВОДЧИК, ЭССЕИСТ. РОДИЛАСЬ В МОСКВЕ В СЕМЬЕ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВА. ОКОНЧИЛА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. ГОРЬКОГО, СЕМИНАР ЕВГЕНИЯ ВИНОКУРОВА. СОЗДАТЕЛЬ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ – АКЦЕНТНОГО СТИХА. ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ. ЧЛЕН ПЕН-ЦЕНТРА. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОЛЕСИ НИКОЛАЕВОЙ ПЕРЕВЕДЕНЫ НА МНОГИЕ ЯЗЫКИ МИРА. УЧАСТНИЦА МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ И КОНГРЕССОВ ВО ФРАНЦИИ, США, МЕКСИКЕ, ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ, ИТАЛИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ. НАГРАЖДЕНА ПУШКИНСКОЙ ПРЕМИЕЙ-СТИПЕНДИЕЙ АЛЬФРЕДА ТОПФЕРА (1998), ПРЕМИЕЙ ИМЕНИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА (2002), ПРЕМИЕЙ «ЗА ЛУЧШУЮ ПРОЗУ ГОДА» ЖУРНАЛА «ЗНАМЯ» (2003), ПРЕМИЕЙ «ANTOLOGIA» — «ЗА ВЫСШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ» (2004), ДИПЛОМОМ «МОСКОВСКИЙ СЧЕТ» (2004), РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕМИЕЙ «ПОЭТ» (2006). ПРЕПОДАЕТ ЛИТЕРАТУРНОЕ МАСТЕРСТВО В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ ИМ. ГОРЬКОГО. АВТОР БОЛЕЕ ПЯТНАДЦАТИ СБОРНИКОВ СТИХОТВОРЕНИЙ, ПРОЗЫ И ЭССЕ. ОЛЕСЯ ИЗ РАЗРЯДА ТЕХ СОБЕСЕДНИКОВ, КОТОРЫХ БОЛЕЕ ХОЧЕТСЯ СЛУШАТЬ, НЕЖЕЛИ ХОТЬ ЧТО-ТО ГОВОРИТЬ САМОМУ. ОНА ТЕМПЕРАМЕНТНА И ЭМОЦИОНАЛЬНА, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНА И ПРИНЦИПИАЛЬНА. ОНА САМА «АКЦЕНТНА», КАК И ЕЕ СТИХИ, И НЕ ПРОСТА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ТОЛЬКО ТЕМ, КТО ХОЧЕТ ПОВЕРХНОСТНОГО ПОНИМАНИЯ. В НЕЙ НЕТ НИ ВЫСОКОМЕРИЯ, НИ СНОБИЗМА, НИ ЛОЖНОГО ПАФОСА. ВПРОЧЕМ, ПАФОСА В НЕЙ НЕТ ВООБЩЕ. ОДНАКО В ОЛЕСЕ ПОСТОЯННО ЧУВСТВУЕТСЯ КАКАЯ-ТО ОТСТРАНЕННОСТЬ. ДУМАЮ, НЕ ПОТОМУ, ЧТО ОНА РАВНОДУШНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЛИ ЧЕЛОВЕК, ОБИТАЮЩИЙ В ИНЫХ МИРАХ. ВИДИМО, ОНА ОЧЕНЬ ИЗБИРАТЕЛЬНА В ТОМ, НА ЧТО ЕЙ РАСХОДОВАТЬ СВОИ ВРЕМЯ, ЭНЕРГИЮ И СЛОВА. ПОЭТОМУ, КСТАТИ, КОГДА С НЕЙ РАЗГОВАРИВАЕШЬ, НЕ ОЩУЩАЕШЬ НИКАКОГО ДАВЛЕНИЯ, И ДЫШИТСЯ ОЧЕНЬ ЛЕГКО. И ЯСНО ПОНИМАЯ, ЧТО ПЕРЕД ТОБОЙ ГЛУБОКО, ИСКРЕННЕ И УМНО ВЕРУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК, ТЫ ВДУГ ЧУВСТВУЕШЬ, ЧТО ВЕРА – ЭТО НЕ КАРАЮЩИЙ МЕЧ, НЕ ПЕРСТ УКАЗЫВАЮЩИЙ, НЕ СТРАХ И НЕ НАКАЗАНИЕ, А ПРОСТО СВЕТ – РОВНЫЙ И ОЧЕНЬ ЯРКИЙ. ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА – СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК. ЭТОТ ТОТ СЛАВНЫЙ СЛУЧАЙ, КОГДА ФОРМА УДИВИТЕЛЬНО СООТВЕТСТВУЕТ СОДЕРЖАНИЮ. ВО ВСЕХ СМЫСЛАХ.

Современная культура и Православие

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА 500 Стихотворений

Дорогие читатели, создатели
и авторы "Русского клуба" —
радости и благодарности
Вам!!!
Олеся Николаева

ПОЭТ И ЕГО АКЦЕНТ

- Как вы думаете, каково значение поэтических фестивалей вообще и русско-грузинского, в частности?

- Такие фестивали нужны, потому что во время этих фестивалей обсуждаются проблемы, которые касаются культуры, поэзии, взаимоотношения культур, мы встречаемся с грузинскими поэтами, узнаем их в лицо, слушаем их стихи, общаемся... И начинается дружба, которая может потом остаться на всю жизнь. Безусловно, это очень важно, и это работает против любого изоляционизма и чрезвычайно расширяет контекст и жизни, и творчества.

- Хотя вы Грузию знаете давно и не понаслышке...

- Я в Грузию еду с семнадцати лет. Первый раз меня пригласила семья Михаила Лохвицкого, русский-язычного писателя, который жил в Грузии и был ее невероятным патриотом. Он стал для меня крестным отцом в смысле моего отношения к Грузии. С тех пор я очень полюбила Грузию, сама стала грузинской патриоткой, привозила сюда очень многих поэтов. Мне настолько здесь все нравится, все близко... Мне кажется, в Грузии было и есть то, чего не хватает в России – высокий уровень национальной культуры, который у нас во времена советской власти был совершенно утерян. И подтверждением этому были замечательные фестивали поэзии, которые проводил Вахушти Котетишвили. Он по деревням находил народных поэтов, может быть, совсем необразованных, с нашей точки зрения, но людей невероятной природной поэтической одаренности. И они в филармонии читали свои стихи. Вахушти сам вел эти вечера, и это было необыкновенно. Он нам много рассказывал об этих поэтах, с листа переводил удивительные, насыщенные поэзией тексты. «Вы должны почувствовать этот аромат, этот колорит», - говорил он, и мы действительно это чувствовали, тем более, Вахушти был очень талантливый переводчик, он же еще и с немецкого переводил, и с персидского, и вообще хорошо знал это дело. Я сама переводила Отара Чиладзе, с которым у нас были очень теплые и тесные отношения, настолько, что, несмотря на разницу в возрасте, мы с ним перешли на «ты». Я переводила Анну Каландадзе, Бесика Харанаули. Поэзия Бесика Харанаули, например, на меня повлияла.

- Каким образом?

- Стихи Бесика я смогла понять, познакомившись с ним, послушав его речь, проникшись к нему доверием. Он пишет верлибром, и у него стих, в котором очень сильно природное, народное начало, иррациональное, с неожиданной оптикой. И это оказало влияние на мою поэтику, строфику. Я вдруг стала неожиданно для себя писать верлибром, который выглядит очень экстравагантно на русском языке. Ведь обычно по-русски верлибром пишут те люди, которые не умеют как следует рифмовать, и кажется, что это куски какой-то плохой, недоделанной прозы. А тут я поняла эту форму. В ней должно быть что-то, что компенсирует отсутствие рифмы и ритма. В верлибре есть свой ритм, совершенно иной, не такой, как в регулярном классическом стихе.

- Вы говорили об уровне культуры...

- Грузия – это удивительная страна, к которой и Россия должна стремиться. В Грузии есть высокий общекультурный уровень, который поддерживается, конечно, сохранением народных традиций, например,

грузинского танца. Он чрезвычайно выразителен, он читается, как стремление человека к небу – это вставание на цыпочки, эти тонкие, delicate и очень художественные движения... В отличие, скажем, от русской пляски с ее присядкой, или от гопака. Это, конечно, и грузинское пение, в котором есть своеобразный, непохожий ни на что мелос. В Грузии все уникальное – и песни, и музыка, и танцы, и поэзия. И, конечно, бытовая культура, которая, слава богу, до сих пор сохраняется. Это те скрепы, на которых держится нация – почтение к старшим, уважение к старикам, невероятные любовь и умиление по отношению к детям, сохранение преемственности. Почтение бога, которое здесь не прерывалось даже во времена советской власти. Я помню, что мы ездили в Грузию, в Зедазени, в Светицховели, как в паломничество, когда у нас, в России царил страшный атеизм.

- Здесь атеизм как-то не привился...

- Не привился. Потому что он здесь совершенно не

Олеся Николаева

получился. Здесь жили старцы в маленьких монастырях, например, мамао Торнике в местечке Моцамети, под Кутаиси. Мы приезжали к нему, слушали его наставления. Году в 80-м, когда я приехала в Тбилиси и по совету моего духовника посетила отца Антония Гулиашвили, он дал мне в сопровождение монахиню Аскетрию, с которой мы отправились в монастырь святой Ольги. Мы взяли свечи, купили хлеба, какие-то припасы, потому что монастырь в горах, недалеко от Мцхета, и очень бедный. В монастыре была потрясающая настоятельница, очень хорошенькая, хотя и старушка. И было видно, что в молодости она была просто ослепительна. Она рассказывала, как хотела выйти замуж, но вдруг ей было откровение, чтобы она пошла неизвестно куда, и господь ее привел в монахини в

этот монастырь... Эти удивительные истории в Грузии очень органичны. А в России, к сожалению, советская власть многое разрушила – институт семьи, отношения между поколениями. Поэтому в трудном подростковом возрасте дети начинают порывать отношения с родителями и делают что-то совершенно противоположное тому, чему их учили, если их вообще чему-то учили... Конечно, Грузия – страна обетованная, любимая и заветная. Мне кажется, все дело в непонимании тех людей, которые здесь никогда не бывали и для которых Грузия – такая же страна, что и множество других. А ведь у нее особый колорит именно потому, что это страна древнейшей христианской культуры. Наша церковь гораздо позже была организована. У вас – в IV веке, когда святая Нино крестила Грузию, у нас – в X веке.

- Вы были на послушании в одном из монастырей. Что послужило мотивом для этого шага и что это вам дало? Или это очень личный вопрос?

- Нет, это совершенно не личное. Я очень хотела креститься, с детства, и мама моя хотела, но как-то все не получилось... Да и церковью было очень мало. Когда я крестилась, мне было 22 года. После крещения я случайно попала в удивительное место к старцу, который служил в храме на границе Белгородской и Харьковской областей. Это был архимандрит Серафим Тяпочкин, человек с очень сложной судьбой. Он просидел чуть ли не 20 лет в лагерях, и когда вернулся домой, его не узнала родная мать. Когда он пришел в этот храм, там было полное запустение – снег падал на алтарь. И он все восстановил. Он был настоящий чудотворец, к нему стал стекаться народ. Служение было его главным делом. Он очень много молился, у него были невероятно длинные службы – они длились по 8-9 часов. Там, на этих службах, я вдруг увидела совершенно другой мир, другую Россию, другую веру... И мое вхождение в церковь произошло через монашеский скит, через очень строгие правила, через невероятную аскезу.

- Было в радость, а не в тягость?

- Было тяжело стоять, было холодно. На мне были, помню, резиновые сапоги. Начало апреля, пол ледя-

в наиболее узком его виде... Потом ко мне приехал мой муж, и мы какое-то время там находились вместе. Старец умер при нас. На его похороны съехалось огромное количество монахов, настоятелей монастырей, священников, его духовных детей. Это несчастье нас всех как-то очень сблизило. После этого у нас началась совершенно другая жизнь. Знаете, есть притча о том, как человек уходит из дома, и ему кажется, что его не было три дня. Но он возвращается, и оказывается, что прошло 70 лет, и все изменилось. Так и у нас – за недолгий срок переменялось все. Мы обрели духовника – монаха, очень строгого, жили аскетично, по монашескому уставу, ездили летом на далекие приходы, в деревни, я там пела, читала на клиросе. А потом мой духовник послал меня в Пюхтицкий монастырь, он считал, что мне будет полезно пожить в монастыре. И я была на послушании – кормила паломников, таскала уголь, полола грядки. Это была школа духовной жизни, потому что, с одной стороны, ты должен исполнять все предписания, а с другой – не человек для субботы, а суббота для человека. Понимаете, это очень тонкое внутреннее делание, и если ты начнешь идти напролом, у тебя может быть ловушка в виде гордыни. И, конечно, человеку, который вступает на этот путь, очень помогает Господь. Такая помощь, такое количество чудес! Господь показывает, что он тебя слышит каждую секунду, что он тебя знает гораздо лучше, чем ты себя знаешь сам, и он тебе подсказывает ответы на твои вопросы...

- А задавать вопрос надо с верой?

- Он милосерден и отвечает любому человеку. Но вся штука в том, что мы очень невнимательно живем, очень многое пропускаем, не учимся читать текст жизни, в котором все осмыслено, как в гениальнейшем художественном произведении, где нет ничего случайного, где все детали работают на центральный сюжет, которым является спасение человека. Это чтение, по мере того, как человек входит в Церковь, становится все труднее и труднее, а письмо – все тоньше и тоньше. Но для новоначального человека Господь это проясняет.

- На каком этапе этого пути вы сейчас находитесь?

- Мне трудно это определить... За время, пока ты живешь церковной жизнью, ты приобретаешь огромное количество братьев и сестер во Христе. И вы молитесь друг за друга. Иногда я чувствую, что расслабилась в духовном отношении, но ощущаю молитвы за меня. Понимаете? И я говорю: «Господи, спаси меня по молитвам любящих меня людей, которые за меня молятся». И это очень выручает.

- А как вы воспитывали ваших детей – словом или личным примером?

- Дети, конечно, воспитывались в церковном лоне. Мы ездили по монастырям, и в этом не было никакого диктата, мы их не заставляли. Они ездили в монастыри с большим удовольствием. А сын мой просто жил в мужских монастырях мальчиком – там в пять утра начиналось богослужение, нужно было раздуть кадило, делать угольные таблетки... Ведь на самом деле дети любят подвиг, что-то экстремальное. Это было упоительно, и очень ему нравилось. И, по счастью, не было никакого разрыва между их жизнью и церковной реальностью. Они в церкви чувствовали себя, конечно, как дома. Фундамент был прочный, и все мои дети сохранили это чувство. С другой стороны, я им читала русскую классику – «Героя нашего времени», «Мертвые души», Достоевского...

- А поэзию?

- Немного меньше. Мне хотелось, чтобы они усвоили и читали русскую классику.

- А что же для вас поэзия?

- Ох. Для меня с девяти лет было все понятно – у меня было откровение, что я должна писать стихи. И

О. Николаева с группой литераторов

ной. Ноги просто отмерзали, но у меня была мысль, что я должна выстоять и не должна сходить с места. Хотя можно было отойти и сесть, отдохнуть. Но, видимо, новоначальный человек должен ступить на этот путь

это случилось до того, как я их начала писать. Дело в том, что для того, чтобы нас вразумить, господь не обязательно должен посылать нам с неба ангела с огненными перьями... Большая ошибка думать, что именно таким образом совершится откровение. Иногда это бывает через слова какого-то случайного человека, которые в нас западают, и мы понимаем, что это обращено к нам. У меня было именно так. Я была в пионерском лагере, и моя подруга мне сказала: «Давай, мы ночью с тобой выйдем из корпуса, и я тебе скажу свою тайну». И мы ночью вышли, и она мне сказала: «Я пишу стихи». И меня как будто громом поразило, молния сверкнула и все озарила, у меня дыхание участилось. У меня было ощущение, что произошла какая-то трагическая ошибка, что это я должна писать стихи, а не она. И что все пропало... И с тех пор у меня было это потайное знание. Я очень хорошо знала, что это мое призвание, и я к этому шла напролом, пробивалась все время, я писала и не могла без этого жить. Это была форма существования, жизни. И если я не писала какое-то время, я безумно страдала и чувствовала себя калеккой.

- *Сейчас также?*

- Точно также. Хотя в моей поэтике происходили перемены. Сначала это была русская классическая традиция, потом, когда я познакомилась с Бесиком Харанаули, я вдруг поняла, что и так тоже можно писать. Потом, когда я пошла в церковь, узнала литургическую поэзию, псалтирь, читала на клиросе и каноны, и часы, и шестопсалмие, я была совершенно взята в плен внутренний. И у меня померкла вся светская поэзия. Я не могла на языке поэзии Серебряного века выразить то, что я чувствую. У меня начался слом строки, и она стала приближаться к псалмической.

- *Тот самый акцентный стих.*

- Да. Он пошел именно из псалтири. И, конечно, моя поэтика менялась. А когда мне было уже 32 года, я вдруг почувствовала, что должна написать роман про одного монаха, которого знала. И я сразу села его писать. Причем мой муж был категорически против, он говорил, что у меня не получится, я никогда не писала прозу, у меня мышление не прозаика, я только зря потрачу много сил... Это было ужасно – он меня тянул в одну сторону, а внутренний диктат – в другую. Но я все-таки решила этот роман написать. А ведь роман очень много сил требует – это не стихотворение за ночь написать. В общем, я засела писать, и у меня было какое-то маниакальное состояние. Я не спала, не ела, я все время сидела и писала. Я понимала, что слишком долго это не может продлиться – у меня трое детей, мамаша ничего не делает, не убирает, не готовит, продуктов не покупает, в доме полный развал, а она сидит и, как сумасшедшая, пишет. Поэтому роман «Инвалид детства» я написала за месяц. Этот месяц был ужасным, но роман перевернул мою жизнь. Его сразу напечатали, перевели во Францию, по нему написали пьесу... Я поняла, что могу писать прозу, и мое поле литературное чрезвычайно расширилось. А в 1988-м году произошел перелом, началась церковная свобода, и пришло очень много неопитов, которые крестились, но ничего не понимали. Был обскурантский перевес, казалось, что культура и церковь – это несовместимые вещи, что культура воспеваает порок, грех. А я в какой-то момент поняла, что культура, творчество и церковь – едины, что человек призван к творчеству богом, что творчество – это призвание человеческое. Я решила написать оправдание творчества, и написала книгу «Православие и современная культура». И сфера моей деятельности еще более расширилась.

- *Легче стало или тяжелее?*

- Конечно, легче. Во-первых, легче со стихами, потому что я стихи пишу запоем, сразу много, и вхожу в какое-то состояние, когда могу написать, о чем угодно. Но из меня это очень много сил вытягивает.

- *Как вы думаете, это вы пишете стихи или они написаны, и их нужно только записать?*

- Это я плюс что-то еще. То есть и «плюс» есть, и «я» есть. Я – со своими чертами характера, фобиями, маниями, обстоятельствами жизни, любовью, дискомфортом, нелепостью, глупостью. И плюс к этому, конечно, что-то еще. Потому что ты выходишь из стихотворения не таким, каким ты входишь в него. Я вхожу туда и должна дописаться до того, чтобы почувствовать себя хозяйкой в этом пространстве, чтоб я могла писать так, как хочу, то есть, как бог на душу положит. Я физически изнемогаю, я хую за это время, но приходит очень много радости. И тогда я могу переключиться на прозу, на другой язык.

- *Вам важен читатель?*

- Да, важен. Но я, когда пишу, о нем не думаю. Я думаю о каком-то идеальном собеседнике. А когда написано, мне читатель очень важен. Для меня интересно, что среди моих читателей существуют невероятные разногласия, то есть им нравятся или не нравятся совершенно противоположные мои вещи. Мне это очень ценно. Вот, например, Евтушенко прочитал мою книгу «500 стихотворений и поэм» и написал статью обо мне, в которой он называет гениальным стихотворение, в котором я сомневалась и вставила в сборник только для контекста. А его зацепило... Это ужасно интересно.

- *И все-таки поэт сам себе судья?*

- Я сама прекрасно знаю, что чего стоит. Если я чувствую, что написала настоящее, меня никто с этого пути не сможет сбить. А что касается других стихов – это контекст. Ну, вот растет розовый куст, а вокруг трава – эта трава тоже должна быть. Но, конечно, если я читаю стихи и не получаю отклика, или он совершенно неадекватен, то это ужасная ситуация. Такая ситуация была в 90-е годы, когда у всех поехала крыша на постмодернизме, и была абсолютная глухота. И тогда мой друг, замечательный поэт Николай Кононов – у него в Питере было маленькое издательство – издал мою книгу «AMOR FATI». Это действительно очень хорошая книжка, но она ушла куда-то в пустоту. И только лет пять назад я стала получать отклики на нее.

- *Дело было во времени?*

- В восприятии, в рецепции стихов. Постмодернизм – это вчерашний день. Более того, выяснилось, что огромное количество людей начали подражать моему акцентному стиху. Кроме того, напустили огромное количество персонажей с именами – я так писала в 80-е годы, когда у меня появлялись персонажи, у которых были имена, они взаимодействовали, были немножко нелепыми, напоминали картины Пирросмани по своему нарочитому примитивизму. И вот в какой-то момент я обнаруживаю, что только ленивый не пишет акцентным стихом, и мне пришлось с этой моей территориой сходить – получилось, что это уже отработанная делянка, поле, на котором уже все засеяно, и нужно находить что-то другое. В этом случае мне помогает проза.

- *Как вы оцениваете состояние современной поэзии?*

- У нас упадок критики, аналитики, совершенно нет хороших исследователей, кто написал бы цельную картину современной поэзии, поэтому все бесценное и замечательное, что появляется, не осмыслено. Есть прекрасные поэты, но никто не может вписать их в картину. К тому же эта картина затушевывается тем, что очень легко доступ к печати, любой человек может приехать на поэтические чтения, попасть на фестиваль, получить премию. Огромное количество бесталанных, очень активных людей. В этом море трудно разобраться, что оригинально, а что – эпигонство. Я прекрасно понимаю, как это можно сделать, но я себе в какой-то момент сказала, что критиком я никогда не стану, не хочу, не буду – потому что я дружу с поэтами.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

«ПЕРЕВОД - ЭТО
СМЫСЛОВОЙ КАМЕРТОН
ЗВУКА. ЭТО ВНУТРЕННЕЕ
СТРЕМЛЕНИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ГОВОРИТЬ
НА ЕДИНОМ ДУХОВНОМ
ЯЗЫКЕ, ВОПЛОЩАЯ ЕГО
ЗВУКАМИ РОДНОЙ РЕЧИ,
ЭТО БОЖЕСТВЕННЫЙ
ПРОМЫСЕЛ
ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВСЕЯ
ЖИВОЙ ТВАРИ» ПОД
ЕДИНЫМ НЕБОМ В
ЕДИНОМ МИРЕ».
ТАК СЧИТАЕТ ПОЭТ
И ПЕРЕВОДЧИК ЕЛЕНА
ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ

ЧТО БЛИЖЕ НЕ БЫВАЕТ...

- Любый поэт хочет звучать там, где его еще нет. Я не понимаю грузинского языка. Но что-то мне может понравиться на слух. В этом году меня заинтересовали молодые грузинские поэты. Я очень люблю, когда мне русскими буквами пишут грузинский текст. Таким образом сохраняется размер, ритмика. У нас - русских и грузин - есть духовное сходство, одна религия, что очень важно. Сложилось так, что наши поэты больше всего переводили своих грузинских собратьев по перу. Поэтому продолжать это просто необходимо. Я убеждена, что ваши фестивали – это спасение наших двух культур. Ну а я по следам поэтических фестивалей с удовольствием перевела много стихотворений Маквалы Гонашвили. И даже посвятила ей такие строчки: «И юность общая так кажется близка,/Что ближе не бывает ... и не надо».

- Расскажите о себе вне поэзии?

- Я по профессии архитектор. Занимаюсь проектированием. Иногда, очень редко, делаю дизайн квартир для друзей. Кстати, я довольно долго работала с инвесторами из Грузии, с которыми мы построили торговый комплекс возле метро «Новослободская». Потом его купили китайцы и назвали «Дружбой». В благодарность за успешный проект меня пригласили в Грузию. Это

был 1999 год. Это был период, когда «Иверия» стояла с выбитыми стеклами, не было газа и света. А потом нас повезли в Батуми. Впечатление было страшноватенькое. В следующий раз я попала в Грузию на поэтический фестиваль в 2008 году, и очень порадовалась, когда увидела, что в стране все меняется в лучшую сторону.

- Если архитектура – это профессия, то поэзия ...

- Жизнь. Да, именно. Если в моей жизни не будет поэзии, я умру. Так. Надо сказать, что работа мне очень мешает. Я читаю меньше, чем хотелось бы. Ваш фестиваль для меня уже третий за два месяца.

- Как в России сегодня развивается поэзия?

- Поэзия развивается, но со зрителями плохо. У нас мало ходят слушать стихи – ходят на имена. Мало читают. Толстые журналы плохо продаются, потому что их читают только профессионалы или большие любители. Хотя поэтов очень много – хороших, разных, талантливых, молодых, ярких.

- О чем было ваше первое стихотворение?

- Это было еще в школе. Я сочинила стих про космонавтов.

- Актуально по тем временам.

- Тогда было нормальное время. Люди хотели стать врачами, учителями, инженерами, космонавтами. А сейчас я не знаю, кем они хотят стать.

- Можно научить писать стихи?

- Писать стихи можно, научить быть поэтом нельзя. Человека всему можно научить. Писать стихи – это ремесло. Но понять, как стать поэтом – невозможно. Это загадка, это тайна, ответа на которую я не знаю. И никто не знает. Где, когда, как это происходит...

- Вы могли бы сказать, что на ваше творчество оказал влияние какой-то определенный поэт?

- Нет. Наверно, все оказали понемногу. Я постоянно читаю стихи. Постоянно. У меня, как правило, открыты два-три поэтических сборника, и я по несколько стихов из каждого читаю. Однажды я прочла всего

уже был бы гением.

- У вас наверняка есть самые любимые поэты?

- Любимые есть, конечно. Тютчев. Цветаева. Лет десять назад начала читать Ахматову. У нее очень много зашифрованных смыслов. Люблю Заболоцкого. Среди современных поэтов знаковые имена – Чухонцев, Ахмадулина. Она – выше моего понимания. Она гениальным пальчиком ткнула в прошлое время, и в нем живет и пишет. Так, что все превращается в созвучия. В женская поэзии появляется много имен.

- А бывает поэзия мужская и женская?

- Бывают мужчины и женщины. Кто-то, например, не хочет называться поэтессой. Я считаю, что это искусственно. Есть вещи общечеловеческие. Есть женская лирика. А поэтесса – это женский род от слова поэт. Русский язык так устроен.

- Олег Басилашвили в интервью сказал, что есть моменты, когда человек искусства должен отложить лиру, и стать гражданином. Вы согласны с этим утверждением?

- Не согласна. Лире невозможно отложить. Механизм ее подключения и работы мне тоже неизвестен. Я сейчас с вами разговариваю и у меня нет того состояния, когда я пишу стихи. Я сейчас и двух строчек не зарифмую. Как люди искусства не могут быть гражданами, не имея гражданской позиции. Я, например, не выношу, когда обижают братьев наших меньших и призываю всех бережно относиться к бездомным животным, потому что они не могут без нас. Разве это не гражданская позиция?

- У вас есть домашние животные?

- Есть. Мало того, два раза в неделю мой водитель покупает на рынке обрезки, и я уже много лет кормлю бездомных собак в четырех точках Москвы. Кстати, когда мои грузинские инвесторы показывали мне Грузию, я подобрала котенка, и они его взяли в свой дом в Кутаиси. Я кормлю собак, помогаю собачьему приюту, сама я туда ездить не могу, у меня сердце кровью обливается смотреть на собачье житье, поэтому я посылаю туда водителя. В разное время и по разным поводам я подбирала бездомных животных, и теперь у меня живет 10 кошек, четыре в Москве и еще шесть или семь, точно не помню, на даче и еще четыре собаки.

- Кто за ними ухаживает?

- У меня об этом есть такой стих: «И куда упадет, там построю я дом, не для всех./ А для кошек, собак да еще для их няньки бродячей/ Бессарабской, крикливой». Пока меня нет на даче, там живет женщина, которая ухаживает и за домом, и за животными. Ее зовут Нелли.

- Вы счастливый человек?

- Нет, я не чувствую себя счастливой.

- Что, по-вашему, счастье?

- Это состояние покоя, радости. Вероятно, эта несчастьность у меня из детства. В стихах очень часто я себя вижу девочкой в возраст от 10 до 12 лет, и я не могу из него выйти. Не знаю, почему так получается, но я себя так ощущаю. Казалось бы, мама жива, дочка вышла замуж, у меня муж хороший. Ну что тебе еще. Я побаиваюсь людей и ощущаю себя одиноким подростком. Пытаюсь бороться. Я все равно не чувствую себя счастливой. Для меня поэзия – это форма борьбы с этой маленькой девочкой. Странное состояние.

Н.Свентицкий и Е.Иванова-Верховская

одну строчку Н.Некрасова, ослабела и неделю вообще ничего не могла читать. Строчка такая – «Помнишь ли труб заунывные звуки/ Брызги дождя, полусвет, полутьму?». И все. Бывает, у кого-то прочтешь строчку и перенасыщаешься. Мне нравится это состояние – увидеть, замереть. Например, у Блока так. Если бы он написал только «Девушка пела в церковном хоре», он

В той фигурке, потерянной, темной
умещаюсь. И время не в счет...

Я себя по-другому не помню.

Снег идет.

Снег идет.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Юрий Рост

КАРДИОГРАММА ЛЮБВИ

МЫСЛИ, НАВЕЯННЫЕ СТАТЬЕЙ ЮРИЯ РОСТА

Недавно я просматривал «Дилис газеты», где мне попала статья Юрия Роста. «Почему ты так почителен со мной?» – спросил однажды Отар Иоселиани у своего нового знакомого Юрия Роста, и послужившая непосредственному общению эта странная сама по себе фраза врезалась в память Юрия настолько, что спустя годы именно ее использовал он в качестве заголовка к своему очерку об Отаре Иоселиани.

Не думайте, будто я собираюсь обсуждать статью Юрия Роста. Просто прочитав ее я вдруг ощутил, как в эти морозные дни повеяло теплом на мои дремлющие воспоминания, оживило их, освежило и побудило многим, из услышанного мной от друзей, поделиться и с взыскательным читателем «Дилис газеты».

Для нас уже стало привычным, что мембрану человеческой сущности Юрия Роста более всего волнует грузинская тема. Недаром при упоминании о нем наша пресса не забывает употребить эпитет «друг нашей страны». Но отмечая это, к тому же вполне справедливо, следует помнить людей, которые благодаря многолетней, искренней дружбе сумели поместить в плоть Юрия Роста столь чувствительную к грузинской душе мембрану. Я имел в виду Гоги Харабадзе и его окружение, способствовавших гармоничному, достойному слиянию Юрия Роста с грузинским миром. И, надо сказать, они не ошиблись. Истинная дружба сама собой вызывает уважение, но до какого-то времени бывает локальной и становится интересной для всех лишь тогда, когда в основе ее верное видение, а ощущение от увиденного острое. Именно верное видение и острота ощущений в избытке у господина Роста. Видение, которое помечает все, а возвышенное фиксирует. Свои ощущения он не запирает в себе, а в той или иной форме делится ими и с другими. Мне это всплеск ощущений особенно интересен, так как автор его – человек, выросший в обществе с совершенно иным менталитетом, на протяжении лет упорно пытается и безуспешно вывести многих из состояния равнодушия и объективно показать им нашу страну.

Нам, как говорится, остается только благодарить его, но это не тот случай, когда можно ограничиться одной благодарностью. Ведь человек предлагает нам любовь и не ждет благодарности. На любовь можно ответить только любовью.

Упомянув Гоги Харабадзе и его друзей, не утаил я и того, что именно их «открытием» является Юрий Рост и что именно они способствовали его сближению с грузинским миром. Мне хотелось бы добавить и то, что в репертуаре того самого грузинского мира время от времени оказывались и мы – члены ансамбля «Грузинские голоса».

Позвонит бывало нам Гоги Харабадзе: Юра, мол, приехал, может соберемся... Одна из таких встреч всплыла у меня в памяти и не дает мне покоя.

Лето. День накален зноем и жаром общения. Мы в Натахтарском заповеднике. Редкий лес, и за столом у нас тоже не густо. Зато изобилие прекрасных речей и песен. Как обычно неутомимы два Гоги – Гоги Харабадзе и Гоги Долидзе. Гармонично дополняющие друг друга их рассказы и напевы kloчочут водопадом и мощным потоком несутся к Натахтари. И кажется, если бы путь к нему не преграждал, подобно дамбе, своим дородным телом Юрий Рост, то стаканы в перегретых квартирах тбилисцев вместе с водой наполнились бы напевами и стихами.

Юрий, по обыкновению, молчит. Изредка что-то произносит, да и то лишь тогда, когда поднимает бокал. Это его стиль – слушать, наблюдать, видеть и чувствовать.

Гоги Харабадзе помянул ушедших из жизни. Тбилиси в то время скорбел по поводу кончины всеми любимого журналиста Резо Двалишвили. Ну и мы, конечно, тепло его вспомнили. Кое-что из розыгрышей батони Резо рассказали и Юрию. Хочу вспомнить сейчас одну из рассказанных тогда историй. Возможно многие ее знают, но, думаю, они нас простят.

Туристическая группа советских журналистов прибыла в тогдашнюю Западную Германию. Батони Резо в составе этой группы. Туристов привели в один из старинных кабачков. Этот кабачок был включен в туристический маршрут только потому, что некогда в нем пообедал Гете и, по преданию, не заплатил за обед. Об этом знаменательном факте свидетельствовала табличка на стене, на самом видном месте – здесь, мол, в таком-то году, такого-то числа отобедал Гете, не расплатился за обед и долг этот числится за ним и по сей день... Когда гид неизвестно который раз рассказал это, батони Резо изъявил желание встретиться с хозяином этого кабачка. Тот улыбаясь вышел к советским журналистам. Когда

гид сказал ему кто с ним желает побеседовать, он остановился перед Резо Двалишвили, готовясь внимательно его выслушать.

— Вы, быть может, помните меню Гете? — спрашивает его Резо.

— Что вы за народ, журналисты, все-то вам надо знать, никому до сих пор не пришло в голову этим поинтересоваться, мы учтем ваше замечание и добавим в табличку меню Гете. Здесь оно известно каждому официанту, ничего в нем особенного не было, — отварная свиная ножка и кружка пива, — пояснил хозяин кабачка.

— А если я закажу то же самое, во сколько мне это обойдется? — не унимался батони Резо. Хозяин просто-душно называет цену. Как известно, советские журналисты в то время не особо располагали деньгами, которых едва хватало бы на две маленькие свиные ножки и на одну-две кружки пива. И, тем не менее, батони Резо достал из кармана кошелек и сказал, вот, мол, я оплачу вам долг Гете и очень прошу вас снять со стены эту табличку, а то как-то неловко.

Остальное может дополнить ваша фантазия. Представляю, как бы отреагировал хозяин кабачка, ведь весь его бизнес был основан на неоплаченном долге Гете.

Вот эту историю рассказали мы Юрию Росту в Нахтахи. Позднее, когда застолье подошло к концу, он отвел меня в сторону и спросил, то, что, мол, вы рассказали о долге Гете произошло на самом деле или это плод вашей фантазии. Сперва я улыбнулся гостю, собираясь ответить полушутливо, отметив про себя как он был задумчив, я понял, что мой ответ был очень для него важен. Я, конечно, не был свидетелем погашения долга Гете, эту понравившуюся мне историю я слышал от других и возможно в иной интерпретации, не исключено и то, что долг выплатил кто-то другой, а приписали это батони Резо, как любителю подобных проделок. И такое часто бывает, но в одном я глубоко уверен и, наверное, и вы со мной согласитесь, что этот факт вполне соответствует характеру грузина, подобное поведение для нас естественно. Не знаю, как у вас, но в моем окружении можно насчитать человек 20-30, способных на такой же поступок. Поэтому я без колебаний ответил Юрию, что именно так и было. Он же, неизвестно за что, поблагодарил меня и, глядя куда-то вдаль, погрузился в собственные мысли, а потом, очнувшись, сказал мне:

— Дело в том, что я пишу книгу о Грузии, то есть о грузинах, странный вы все-таки народ, трудно до конца постичь эту странность, откуда она берется или, вообще, зачем она. Порой теоретические рассуждения страниц

на сто могут быть сведены на нет одним таким живым примером. Да это же истинный шедевр. Хм! Долг Гете, надо же такое придумать! Дело ведь не только в деньгах, я и сам не скуп и, возможно, среди тех журналистов тоже нашлось бы несколько щедрых людей, но сколько бы раз не посетили мы тот кабачок, вряд ли кому-то пришло бы в голову погасить долг Гете. Как звали того человека? Батони Резо, не так ли? А вот он до этого додумался. Да, вы действительно странный народ. Главное, видно натура. Натура и настрой. Впрочем наверное и настрой обусловлен натурой, кто его знает. Одно скажу наверняка — эта история поможет мне в написании моей книги. Люблю я бывать с вами, но в то же время не терпится вернуться в Москву и сесть за работу, пока горячо.

Написана эта книга или нет? Знаю, и вас интересует, но точно на это ответить не могу. Одно скажу, несколько высокопарно, — книга эта пишется и писалась всегда. Не Юрий Рост ее начал писать и не он ее закончит. Вчера ее писал один, позавчера другой, сегодня продолжит Юрий Рост. Его очерк об Отаре Иоселиани, другие его статьи или согретье грузинской темой его удивительные фотовыставки — страницы этой вечной книги. Более того, мы и сами должны писать ту книгу, причем ежедневно, поскольку это не просто книга, это отданная любви дань.

И то, что вы уже прочли здесь и что прочтете дальше, прошу зачесть мне, как вклад в эту вечную книгу.

Юрий Рост беседует с нами о необычайной простоте характера Отара Иоселиани. При встрече с ним любой нормальный человек понимает, что беседует с избранным и испытывает при этом какое-то почтительное напряжение, какое овладевает обычно человеком при общении с людьми такого полета, однако Отар за какие-то доли секунды выведет вас из этого состояния. Возможно даже спросит: «Почему ты так почтителен со мной?» и если ты продолжишь общение с ним в том же «почтительном» духе, то постепенно станешь для него неинтересен. Почему? Да потому, что в непосредственность взаимоотношений он не играет. Он так живет. Его величие в его простоте.

Неужели это из-за того, что король не чувствует, что он король? Неужели и в самом деле трудно осознать свои возможности и свою исключительность? Неужели он сам же пытается ограничить беспредельность своего таланта? Неужели истинному мастеру действительно трудно оценить собственное творчество? Неужели оценка сопровождается постоянными сомнениями и ощущением неудовлетворенности? Не знаю, смею ли я говорить об этом, эта тема для меня сакральна, поскольку принадлежит элите мыслителей. Мы же вправе лишь сомневаться и еще рассказывать истории, оставляющие за нами право предположений. Во всяком случае, те необычные примеры, которые хочу предложить вам, на что-то все-таки проливают свет — я бывал свидетелем тому, как гиганты мысли зачастую ни во что не ставящие дифирамбы известных критиков, радовались вдруг случайному признанию так, как если бы утром их разбудило теплое прикосновение щеки внука.

Мы находимся в Париже. По рекомендации Отара Иоселиани французский кинорежиссер, энергичный Паскаль Обье пригласил нас на съемки своего художественного фильма. Не совсем ясно представлял нашу функцию, мы не особо беспокоились, поскольку опять-таки нас успокоил Отар, никаких, мол, сложностей не будет, никакой актерской игры, будете, говорит, делать то, что вы обычно делаете в жизни, то будете кутить, то петь, объяснил он с оттенком иронии.

В первые дни съемок мы не видели Отара, он позвонил, сказал, что занят. Одну-две сцены уже успешно одолели, то есть пропели, прокрутили, когда появился Отар. Под вечер звонит мне в номер ассистент режиссера и спрашивает на английском:

— Georgia Voices?

– Да, это «Грузинские голоса», – отвечаю я ей на своем «превосходном» английском.

– Отар Иоселиани говорил с вами?

– Да! – коротко отвечаю я.

– Когда? – также коротко спрашивает она, но я по сей день не знаю, для чего ей понадобилось это уточнение, я ведь уже сказал, что он со мной говорил, что же ей еще нужно было? Но раз она поинтересовалась, то надо было ответить, она ведь не была Отаром Иоселиани, который требовал почтения к себе, и тут я, как говорится, попал впросак. Дело в том, что те два слова, одно из которых необходимо было мне для ответа для таких как я «англоязычных» звучали совершенно одинаково – я имею в виду «час» и «год». Я их перепутал и вместо того, чтобы сказать 6 часов тому назад, я ответил, что говорил с ним 6 лет тому назад. Конечно же, я не догадался о своей оплошности и довольно долго изумленно слушал, как заливалась смехом моя собеседница. Видимо, она восприняла мой ответ как шутку, поскольку даже поблагодарила меня и весело со мной распрошталась. Позднее я и сам осознал абсурдность моего ответа и тоже от души повеселился. Сегодня же моя невольная ошибка мне кажется символичной, поскольку Отар Иоселиани не 6 лет назад, беседовал со мной, а беседует с того дня, когда я увидел на экране его первый фильм. Сначала «Листопад», потом, как песнопения «Жил певчий дрозд» и позднее навевающая грусть «Пастораль».

Не хочу показаться хвастливым и не скажу, что в том возрасте, в котором я был, когда впервые увидел эти фильмы или хотя бы сейчас в моем нынешнем возрасте, я до конца осмыслил задумку режиссера, разделил его философское виденье. Сказать по правде, это и необязательно. Ведь никто не знает, о чем гудит огонь в очаге, но мы не можем отвести от него глаз и он же нас и греет?! А главное это. Главное, что со мной беседуют с экрана, что я живу и беседую со мной об этой моей жизни. Полтора часа сижу я в затемненном зале и вместо того чтобы уйти от повседневности, расслабиться и отдохнуть, понимаю, что меня вынуждают активно жить, и здесь в этом темном зале, даже еще активнее, чем снаружи, при ослепительном свете дня, поскольку я прекрасно осознаю – мысль это активная жизнь и меня вынуждают именно мыслить. А это нежданное «насилие» доставляет мне удивительное наслаждение. И я начинаю думать, думать не как критик или хотя бы простой оценщик, а как человек, для которого уже неважно, почему так печальны его мысли.

Так я узнал Отара Иоселиани, но в то время я даже представить не мог, что этого чародея увижу воочию и даже смогу пожать ему руку и благодаря его мягкому, теплому характеру время от времени буду оказываться рядом с ним.

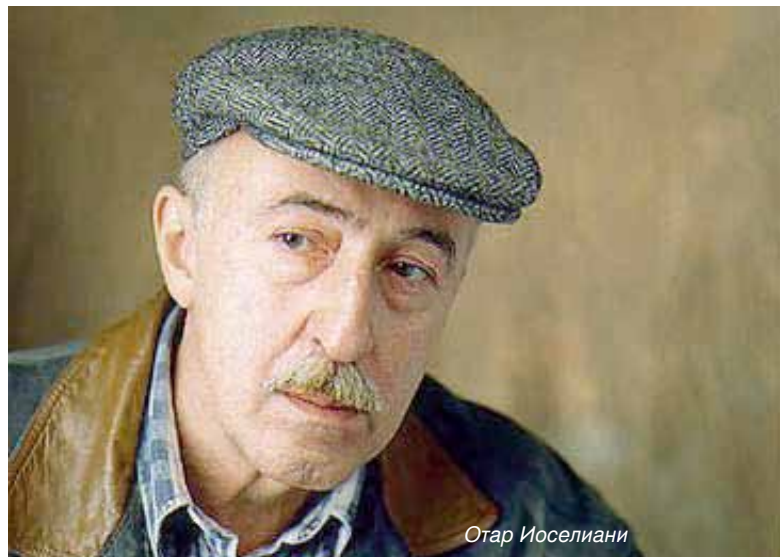
Впервые эта встреча состоялась на корабле в Черном море. На теплоходе «Шота Руставели» проводился фестиваль телевизионных фильмов. Отар был председателем жюри, а наш ансамбль был приглашен для проведения концертов. На второй же день он вошел в музыкальный салон и спрашивает: «Ребята, вам не помешаю, если поприсутствую на репетиции?» Получив наше согласие, он устроился прямо на полу и до окончания репетиции не проронил ни слова. Помню, мы страшно волновались, шуточное ли дело, Отар Иоселиани нас слушал. Лишь позднее мы узнали, что с ним не о чем было волноваться, просто надо быть естественным и совсем необязательно было быть «почтительным».

С того импровизированного концерта-репетиции началось наше сближение. Стоило найти ему свободное время, как он тут же мчался к нам и дарил нам праздники непосредственного общения. Потом было несколько встреч в Париже и вот мы вернулись и к съемкам фильма. Словом, не 6 лет назад, а 6 часов тому назад говорил со мной Отар, справился о ребятах и сказал, что

завтра повидается с нами на съемочной площадке.

Появление Отара Иоселиани поначалу слегка взбудоражило Паскаля Обье, но потом он срочно вызвал отлучившегося на обед оператора и попросил нас повторить ритуал встречи с Отаром. Хочу, говорит, заснять вашу встречу и если, мол, можно, встретитесь друг с другом заново. Все выжидающе уставились на Отара, кто бы решился ответить без его согласия, он согласился без всяких колебаний и даже предложил свой вариант, чтобы, мол, лучше зафиксировать кадр, считаем, что знаком я только с Гией (с Гией Чиракадзе у него и в самом деле были многолетние взаимоотношения), а он, говорит, познакомит меня с остальными. Когда подошло время представить меня, Отар протянул мне руку, прищурившись, будто что-то припоминая, сказал, я, мол, откуда-то вас помню. Не долго думая, я в тон ему ответил, мы, дескать в Цеви кутили вместе. Это нас развеселило.

Когда съемка закончилась, опять же Гия отозвал меня и Зураба Лолодзе в сторону: Ребята, сказал он, Отару неловко обратиться к вам с просьбой и поручил это мне. Тут неподалеку какой-то магазин, что-то он хочет им вернуть или на что-то обменять, я так и не понял, но он просил, чтобы мы все трое пошли с ним. Пусть в память о пирушке в Цеви не отказывают мне в этой просьбе. Мыслимо ли было отказать ему. К тому же мы восприняли эту просьбу, как должное, человеку, видно, нужна была поддержка или же не хотелось идти туда одному. Сели мы в почти антикварный, линияльный «Рено» Отара и двинулись. Дорогой Отар нам объяснил ситуацию. Месяца два назад, говорит, я на свое несчастье купил музыкальный центр, и что-то в нем не так, а может, и вовсе я сам его испортил, не могу нормально прослушивать ваши диски, накладывается какой-то фон, короче говоря, хочу обменять его, чек я, конечно же, куда-то выкинул. Зная их скупость и педантичность, не надеюсь, что без чека мне его обменяют, к тому же прошло уже два месяца, будут ли они помнить, по тысяче человек туда заходит в день. Когда я туда войду, вы тоже войдите и когда я заговорю с продавцом, стойте

Отар Иоселиани

вблизи с суровыми лицами. Может, он примет нас за арабов из Алжира. Им все кажутся арабскими террористами, испугается и обменяет, – ознакомил нас Отар с режиссурой. Тут невозможно удержаться от смеха – я, Зура да и сам Отар еще куда ни шло, возможно могли бы сойти за арабских террористов, но как быть с Гией, лицо которого, можно сказать, выражает «избыток» интеллекта? И тогда мы решили для большей эффектив-

ности не проходить в глубь магазина, я и Зура стояли бы ближе к дверям, а Гия чуть впереди, изображая таким образом своего рода интеллектуального шефа нашей новоиспеченной организации, говоря языком мафиози, мозгового центра. Отар соглашается, при этом смеется. Тем временем мы доехали до магазина и легко нашли место для парковки. Отар предусмотрел и детали, протянул нам всем троице темные очки, наденьте, мол. Не знаю, преобразились мы от этих черных очков в террористов или нет, но Гия чуть было не ослеп. Взяли мы его с Зурой с двух сторон, и мы, четыре грузина, пожелавшие казаться арабами, ввалились в магазин. Ни одного покупателя вокруг, какие там тысяча человек. Отар направился к прилавку, мы же, как договаривались, поставили Гию чуть впереди себя и стоим по бокам от него с застывшими лицами, как два сфинкса. Глаз не сводим с Отара, навстречу которому с улыбкой поспешил молодой человек, бедняга принял его за клиента, ему и невдомек, что «арабы» готовят на него нападение.

Гоги Долидзе

Беседа с Отаром слишком затянулась. Сначала говорил Отар, потом заговорил тот парень. Заговорил и уже не остановился. Отару лишь изредка удается вставить коротенькие фразы. К тому же беседа ведется на французском, и нам ничего не понятно. Уж лучше говорили бы на арабском! Правда мы бы и тогда ничего не поняли, зато сочли бы этот язык родным. Замечаем, что дела плохи, уж очень затянулся их разговор. Лица у нас постепенно темнеют, мы входим в образ. Вот-вот лопнет терпение, шепчу Зуре, сквозь зубы, чтоб, говорю этот сукин сын не позвонил в полицию. А что мы такого сделали, отвечает он, стоим, говорит себе спокойненько... Да, говорю, ты прав, но уж очень мы по-арабски стоим. А сами еле сдерживаемся, чтоб не расхохотаться, лица у нас от напряжения раскраснелись.

Наконец Отар обернулся и направился к нам. Выражение лица у него задумчивое, по всему видно, что операция у нас провалилась. Я снимаю очки и спрашиваю – не удалось запугать этого сукиного сына?! Нет, нет, – будто выйдя из забытья говорит Отар, все в порядке, он согласился поменять. И тем не менее лицо его свидетельствовало о противном. В какой-то момент я даже подумал, что он скрывает от нас правду для нашего же спокойствия. А то ведь подготовили целый спектакль, даже, как говорится, поработали и в кулисах, не говоря уже о том, что дошли до того, что притворились террористами, так если нам не отказали обменять, что ему стоит хотя бы улыбнуться? Мы не понимаем, что так опечалило Отара. Конечно, нас гложет любопытство, но

опять же из-за этой набившей оскомину почтительности мы молча, но вопрошающе уставились на него. Наконец, он сжалился над нами и будто колеблясь, сказать или не сказать, начал в замедленном темпе, – знаете, что он мне сказал, ребята: говорю это только вам и никому больше. Объяснил я ему все по порядку, так, мол, и так, два месяца назад в вашем магазине приобрел, говорю, вот это, но работает оно плохо и вы должны мне это поменять. Слушает он меня и как заведенный повторяет с приклеенной к лицу улыбкой: «Уи, месье! Уи, месье!», что касается любезности, они в этом вымуштрованы. Словом только я закончил говорить, как вместо объявления приговора, он вдруг спрашивает – вы ведь кинорежиссер? Я подтвердил, а сам удивился, откуда, мол, он это знает, но то, что он добавил потом, заставило меня призадуматься. И что мне от вас скрывать, даже немного взволновало. Я, говорит, узнал вас, вы режиссер, но не рядовой, а великий, после кончины Феллини его наследником и новым маэстро именно вас признала Европа. Для нас большая честь ваше появление здесь, но зачем вы так беспокоились, можно было прислать кого-нибудь. К сожалению, я не видел ваших фильмов, а потому считаю кощунственным осмелиться просить у вас автограф. Что же касается замены аппаратуры, это не проблема, оставьте адрес и в удобное для вас время к вам придет наш представитель, заберет старую и заменит новой. Я был поражен. Разумеется, и для нас оказался неожиданным такой финал, но меня поразило другое. Именно тогда возникли у меня эти вопросы, когда великий Отар Иоселиани пересказывал нам свою беседу с простым продавцом французом, а я в это время вглядывался в его лицо.

– Эх! Что было, то было! – отмахнулся от навязчивых мыслей Отар. – А сейчас пойдем что-нибудь выпьем, позвоню одной моей приятельнице, я вечно хвастаю перед ней грузинскими песнями и вами. Ей будет приятно с вами познакомиться. Она, между прочим, аристократка, происходит от Бурбонов, предками ее были пятнадцать или шестнадцать Луи. Не станем же мы ее приглашать в дешевое кафе, есть у меня немного денег на счету, арабами мы уже побывали, а сейчас офранцузимся и отведаем устриц, к ним подойдет белое вино, а если вы еще и споете, то сегодняшний день я посчитаю счастливым.

Когда мы направлялись к госпоже Бурбон, Отар спросил нас: «Да, кстати, а вы устриц пробовали?» – «Как же, – отвечаю ему, – в Цева мы только их и заказывали...» На это Отар смеется и, смеясь же, предупреждает нас: «Вообще-то к ним не сразу привыкаешь, их приносят живыми, наполовину раскрытыми на льду. Надо выжать на них лимон... Не есть их надо, а всасывать. Если преодолеть отвращение, почувствуешь вкус, словом постараемся не оконфузиться перед потомком Бурбонов».

Вскоре мы познакомились с этой Бурбон. Минута «Мулен Руж» и обогнув площадь Пигаль, подъехали к ресторану. В огромном аквариуме раскачивались, лениво шевеля клешнями, пучеглазые раки, разглядывая нас угрожающе, подобно арабским террористам.

Встретили нас там радушно. И с устрицами мы прекрасно справились, и на белое вино налегли как следует. Слегка захмелев, мы уже не помнили ни арабских террористов, ни французозов, а Отар Иоселиани, неожиданно даже для нас, затянул мощным голосом «Чарирама». Секунда изумления, а затем, что и говорить, мы разом подхватили это пение. Не хватало лишь небольшой потасовки, чтобы почувствовать себя в Цеве. Едва доходящее до нас с малюсенькой сцены ресторана и без того чуть слышное пение скрипки, при звуках нашей песни смолкло совсем, предоставив нам, грузинам, полную свободу. Ни до ни после Отар с нами никогда не пел. Это произошло лишь в тот день, когда он вместе с нами

решил обменять свой поврежденный музыкальный центр, а после сам же посчитал тот день счастливым. Что же его обрадовало? Знаю, о чем вы сейчас подумали, но отнюдь! Не так это просто объясняется. Замена музыкального центра тут не причем. Больших мастеров нередко подстерегает радость и неизвестно, где и когда встретится она им на пути.

Там же на Пигаль распрощались мы с Отаром и следницей шестнадцати Луи. Хочу вновь вернуться к старому знакомому Юрию Росту и даже взять на себя смелость вступить с ним в небольшой спор, хотя Юрий сам же знает и, возможно даже, лучше меня, что нас привлекает не нация в целом, а необычные люди. Да я согласен с ним, что у различных народов и размах различный, различная амплитуда, но ведь это достигается именно численностью этих необычных людей, а то кучка никчемных или, напротив, достойных не представляют нацию? Дарована тебе Господом и предками способность быть человеком? А дальше будь ты хоть башмачником или великим мастером, это уже неважно. Это и есть начало, у которого нет конца. И не стоит уже докапываться до национальности. Или если тебе необходимо выяснить происхождение того или иного человека, назови его страну страны добрых людей. Именно такую страну ищет здесь Юрий Рост и таких людей и, надо сказать, находит на радость нам. Но ведь они есть и в других местах. Да и сам Юрий Рост прекрасный тому пример, однако это мое долгое блуждание по этим страницам хочу завершить рассказом об еще одном необычном поступке.

Тенгизу Абуладзе должны вручить Ленинскую премию. По его деликатной и обходительной просьбе мы тоже отправились вместе с ним в Москву. В первый и, наверное, последний раз прошли мы через Спасские ворота Кремля. Затем поздравления и традиционный банкет. Если мне не изменяет память, в небольшом банкетном зале Дома литераторов сидим мы, несколько московских друзей батони Тенгиза, люди искусства и его близкие из Тбилиси. Веселье было уже в разгаре, когда кто-то чуть не сорвал дверь с петель. Все разом повернули в том направлении головы. В дверях стоит улыбающийся, но возбужденный Евгений Леонов. Запыхался так, будто только что прибежал с «Осеннего марафона». В руках у него огромный букет сирени, который

обмотан длиннющей лентой кардиограммы. Не белой бумагой, не целлофаном, не хотя бы старой газетой, а серпантинном из кардиограмм, да к тому же в большом количестве. Можно было подумать, что он только что ограбил кардиологический центр, вместе с «джентльменами удачи». Словом, сильно поразили нас эти ленты, но мы не показываем своего удивления, приписывая эту выходку одной из очередных, которые присущи творческим людям. Вот ты, оказывается, где?! Как только Евгений Леонов зафиксировал, что публика готова к его появлению, направился к батони Тенгизу и прямо с порога начал свой, нигде не сохранившийся, но забываемый монолог: лежу я в больнице, дорогой Тенгиз, мне сказали, что у меня инфаркт и что мне нельзя даже шевельнуться. И в это время узнаю, что ты здесь, и, конечно же, и то, по какой именно причине ты здесь. Черт бы побрал все, решил я, пойду к нему, обниму его и поздравлю. Ведь даже если не сделаю это, все равно умру?! И какое это имеет значение? Вот я и сбежал оттуда. Взял в охапку мои кардиограммы и этот букет, который ты видишь, обернутый в мое сердцебиение и я хочу его преподнести тебе. Говоря это, он приблизился к побледневшему Тенгизу Абуладзе и обнял его. Возможно ли было равнодушно наблюдать эту пронзительную сцену, когда один корифей предлагает другому корифею любовь, обернутую в собственное сердцебиение?!

Скажи-ка мне сейчас, друг мой Юрий, разве для этого нужно быть грузином, чтобы сделать то, что сделал Евгений Леонов для грузина. Думаю, нет, надо быть просто человеком и обладать талантом любить. Да, я согласен с тобой, что немало и к тому же нелегко и все-таки ведь происходит подобное и оно ведь нас радует?

Эти ветки сирени, не будь они обернуты серпантинном кардиограмм, увяли бы за неделю, если не раньше и были бы выкинуты. А биение сердца подарило им вечность. Сделало символом братства, поклонения, уважения, почтительности, согретых любовью взаимоотношений. Кто знает, где сегодня те ветки сирени, однако настоящие отпечатки настоящего сердца Евгения Леонова безусловно стали реликвией этой любви. Так что запомним, друзья! Если мы способны радоваться чужому доброму таланту, то и любовь посетит нас непременно и на ней, несомненно, отразится и наше сердцебиение.

Это так, прошу вас – не надо возражать!

Темур ЧКУАСЕЛИ
Тбилиси, январь 2000 г.

С ВЕРОЙ В НАСТОЯЩЕЕ

Отец и сын Капицы

Воистину февраль – счастливый для науки месяц. 8 февраля 1724 года Петр Первый подписал указ об основании в России Академии наук. В честь знаменательного события в этот день празднуется День российской науки. 14 февраля отмечает день рождения Сергей Капица, гордость и украшение физико-математической науки. А 24 февраля – день первого появления в эфире легендарной телевизионной программы «Очевидное-невероятное», бессменным ведущим которой С.П.Капица является с 1973 года и даже внесен в Книгу рекордов Гиннеса как телеведущий с самым долгим стажем ведения программы.

Недавно, с неожиданной оказией, в редакцию нашего журнала из России, из знаменитого дома в Подмоскowie на Николиной Горе прибыл ценный подарок – Сергей Капица презентовал нам свою книгу «Мои воспоминания» с автографом: «Редакции журнала «Русский клуб» на память о прошлом, с Верой в настоящее и Надеждой на будущее. Ваш Сергей Капица». Удачлив журналист, если его читателем хотя бы раз станет личность такого масштаба и дарования! Это не только радует, но и волнует, не только льстит, но и обязывает.

В Грузии отношение к династии Капиц издавна отмечено особой теплотой и привязанностью. Не столько потому, что Капица – немного грузины (мать Петра Леонидовича, Ольга Иеронимовна, урожденная Стебницкая, родилась в Тифлисе, где ее отец служил главным картографом и геодезистом Кавказа). Но больше потому, что настоящая привязанность, как известно, бывает только взаимной.

Академик Академии наук Грузии Элевтер Андроникашвили, чье столетие со дня рождения мы отмечаем

недавно, оставил интереснейшие мемуары «Воспоминания о жидком гелии» и «Начинаю с Эльбруса» - книги документальные, научно достоверные и художественные. Он несколько лет работал в Институте физических проблем, и в этих книгах много эпизодов, где автор вспоминает Петра Капицу как ученого, руководителя научного института, своеобразную личность. А еще – как человека, которого очень любила Грузия и который отвечал ей тем же.

Предлагаем читателям несколько фрагментов из воспоминаний Э.Л.Андроникашвили.

ВОТ ТАКОЕ «МИМИНО»

- Все хочу поехать к вам в Тбилиси, да боюсь, - сказал Несмеянов.

- Чего же вы боитесь?

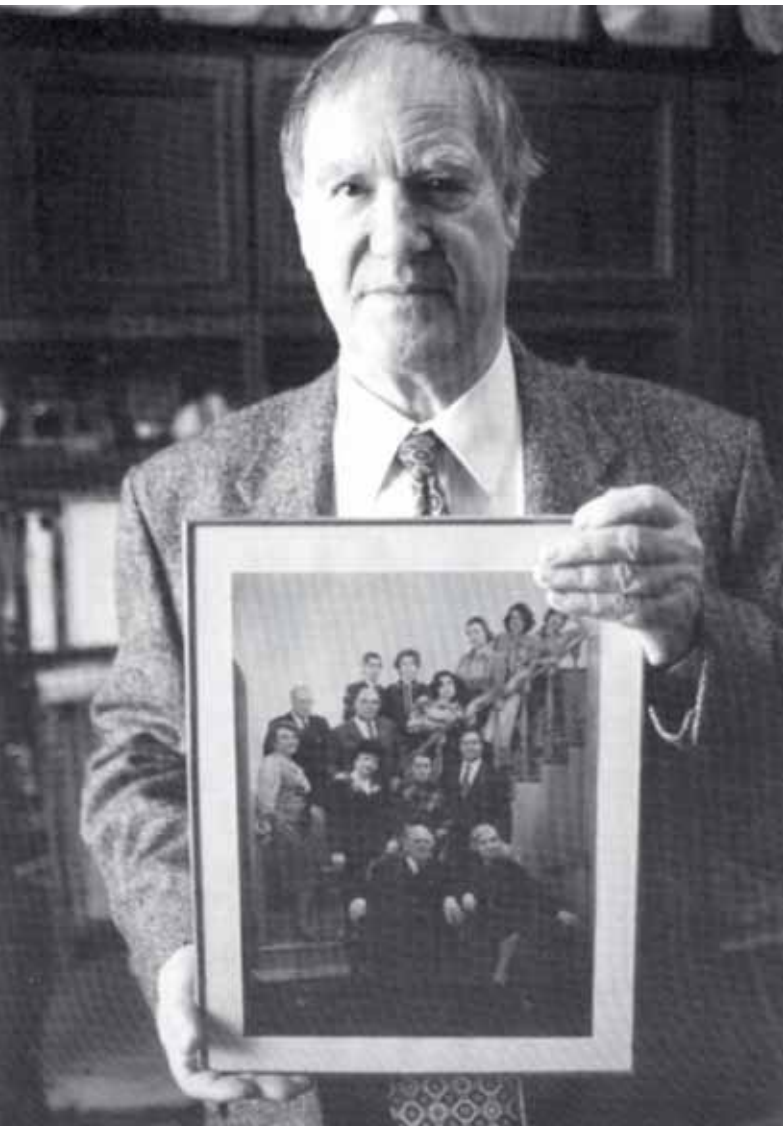
- Да у меня там родственники некие Капанадзе, вот и опасаясь, что обкормят и опоят. Я ведь совсем не пью.

- У Капицы бабушка тоже грузинка – Чавчавадзе. Но он в Грузию ездить не боится. Впрочем, другая бабушка была армянка – Завриева, - заметил я.

- А! Теперь я понимаю, почему Петр Леонидович так ершист. Просто внутри у него грузин с армянином никак не могут ужиться.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Передо мной в огромном кабинете со стенами, на одну треть обшитыми деревянными панелями, за огромным столом сидел мужчина лет сорока пяти, широкий в плечах. Рот его был напряженно растянут, углы губ опущены, в особенности левый, в котором он держал миниатюрную трубку, все время раскуривая ее. Пол-

Сергей Капица

ную противоположность напряженной нижней части лица представляли глаза. Очень светло-голубые, почти бесцветные, они рассеянно блуждали в пространстве, и даже тогда, когда они останавливались на собеседнике, то и тогда Капица их фокусировал за стоящим перед ним человеком, как бы просматривая его насквозь.

Грузно поднявшись из кресла, Капица обошел стол, подтягивая молнию на коричневой замшевой куртке. Равнодушно и некрепко пожав мою руку, он снова сел в свое кресло. Бросалось в глаза, что он довольно массивен и что торс его, отнюдь не сутулый, наклонен вперед относительно нижней части тела.

Прошло немало времени, прежде чем он решился прочесть вслух по складам и неправильно мое имя и отчество.

- Вы грузин?

- Да, грузин.

- Вы живете в Тбилиси? (Он именно так и сказал – «Тбилиси»)

- Так точно. Я живу там вот уже пять лет после того, как поработал в Москве года два.

- Сколько вам лет? Двадцать девять? Где учились? В Ленинградском политехническом институте...- рассеянно повторял он мои ответы с интонацией, ниспадающей к концу фразы.- А у меня в родстве тоже были грузины – Чухчавадзе. Они тоже были родом из Тбилиси. Дело в том, что мой дед генерал Стебницкий долго работал начальником Кавказского картографического управле-

ния,- произнес Капица, глядя сквозь меня.

- Да, Чавчавадзе – это очень знаменитая наша фамилия, жена Грибоедова, между прочим, была из семьи Чавчавадзе.

- Вы правы,- сказал Капица, не принимая моей правки,- Чухчавадзе – это очень известная у вас фамилия. Мы были всегда близки с Завриевыми, которые приходятся мне троюродными братьями. Вы их знали?

- Безусловно, я знаю Кирьяка Самсоновича, Давида Христофоровича Завриевых, но, по правде говоря, я не знал, что они родственники Чавчавадзе.

- Да, я тоже не знал...- процедил Петр Леонидович, намереваясь, по-видимому, опровергнуть свое родство с грузинами, раз он был в родстве с армянами, и вовсе не родственниками Чавчавадзе.

- Ну, расскажите о себе,- обратился он в мою сторону, снова раскуривая миниатюрную трубку, перешедшую потом в мое владение. Несколько движений левой руки, нащупавшей движок молнии на коричневой замшевой куртке, движение правой рукой, прихлопнувшей волосы, идущие к правому уху от пробора над левым ухом, и Капица приготовился слушать, сфокусировав взгляд на мне...

КАПИЦА В ТБИЛИСИ

Однажды мне позвонили из Еревана, от Артема Исааковича Алиханьяна.

- Элевтер Луарсабович, у нас Петр Леонидович и Анна Алексеевна Капицы и Лев Андреевич Арцимович. Хотите поговорить с кем-нибудь из них?

В ответ я издал радостное восклицание, и к телефону подошла Анна Алексеевна.

— Анна Алексеевна! — завопил я в трубку, — неужели может случиться так, что вы не заедете в Тбилиси?

— Может случиться, а может и не случиться. Это зависит от вас. Если вы хотите нас видеть, то мы с удовольствием приедем.

— Еще как хочу! — закричал я снова, хотя в крике и не было нужды: слышимость была отличная.

— Ну, прекрасно. Мы завтра выезжаем из Еревана и вечером будем у вас,— ответила Анна Алексеевна совершенно спокойным голосом, безо всякого напряжения, как если бы она говорила в той же комнате. — Артюша знает, где вас там найти в Тбилиси?

— Знает, знает! Жду вас!

Я очень обрадовался этому звонку, так как за несколько месяцев до того между Капицей и мною на одном из заседаний Всесоюзного совещания по физике низких температур публично произошел, казалось бы, полный и невозстановимый разрыв. Эта размолвка была вызвана несправедливым выступлением Капицы по моему адресу и моим резким и непочтительным ответом на глазах восьмисот участников совещания. Но не ответить было нельзя.

Ночью (было часов 12) прибыли машины. За ужином все клевали носом, и только воспоминания об одном из армянских городов, поголовно вырезанном турками в первую мировую войну и сожженном ими дотла, так что в пострадавшем районе и сейчас можно было найти куски оплавленного стекла, заставляли Капицу и Арцимовича то и дело обмениваться печальными впечатлениями.

Петр Леонидович захотел ознакомиться с учебными и научными лабораториями университета и Института физики и выразил свое полное одобрение.

— В вашем университете, Элевтер, очень разнообразно представлены физические явления во всех студенческих лабораториях. На редкость разнообразно. Есть даже такие, которых я нигде не встречал, например опыт Лебедева по определению давления света. Вы и сотрудники Тбилисского университета продавали огромную работу. Но эта работа выдержана в немецком

стиле. Немцы всегда старались давать студентам готовые эксперименты, чтобы расширить их кругозор. Так как каждая такая задача требует меньше времени, следовательно, их можно поставить больше. Но англичане поступают как раз наоборот. Они не дают готовых задач и заставляют самих студентов собирать установки. Иногда студент мастерит учебный прибор из консервной коробки. И этот метод больше приучает к самостоятельности. Но и немецкий подход имеет свои преимущества.

В науке у вас здесь тоже много чего делается: и физика низких температур, и космические станции. Реактор вот вы затеяли строить, физику твердого тела развиваете. Теперь принимаетесь за биофизику. Но запомните мой совет, Элевтер! Когда у вас что-нибудь не будет получаться, имейте смелость отказаться от этого. Успех достигается не только стремлением вперед, но и умением ретироваться. Без этого успех на таком широком фронте невозможен.

«Статс-дамой» при Анне Алексеевне состояла сотрудница криогенной лаборатории университета Женя Жужунашвили, камер-юнкерами при Петре Леонидовиче — Джелил Цакадзе и Георгий Гамцемлидзе. Заместители директора института Хито Гачечиладзе и Ваню Цабадзе были все время с нами.

— Больше всего хочу посмотреть горы. Я никогда не бывал в горах. Моя мама долго прожила в Грузии и всегда, всю жизнь, вспоминала свое путешествие по Военно-Грузинской дороге, — говорил Капица.

И мы поехали по Военно-Грузинской дороге. Но поехать по этой дороге и не повидать Джвари (что по-русски означает «крест»), не повидать стоящего над слиянием Арагвы и Куры монастыря, который описан в лермонтовском «Мцыри», — нельзя. Этот храм, положивший начало всей грузинской церковной архитектуре, построен на стыке VI и VII веков нашей эры. Окруженный остатками крепостной стены, небольшой храм Джвари является величественным памятником замечательной древней культуры. Художественный вкус каждого грузина воспитан на архитектуре именно этого типа. Святое место.

И это святое место произвело глубокое впечатление на Капицу.

По дороге на север заехали в Сагурамо, имение Ильи Чавчавадзе, знаменитого грузинского писателя и общественного деятеля конца XIX - начала XX века, злодейски убитого недалеко от Мцхеты по указу царской охранки.

Типичное поместье грузинских князей очень понравилось Капице. Он даже попробовал объявить себя наследником этого имения, поскольку его предки были в родстве с Чавчавадзе. Но не получилось: имение досталось писателю как приданое его жены.

Осмотр крепости с монастырем в Ананури, расположенном в 65 км от Тбилиси, закончился тем, что нас угостила компания тбилисских студентов, кутившая во дворе церкви, и нам пришлось осушить по чайному стакану доброго вина.

Но дальше, дальше в горы, скорее в горы. И мы мчимся в «Победе», за рулем стареющий Ваню Вардидзе — один из первых шоферов Грузии, и Анна Алексеевна говорит с удивлением:

— Послушайте, Элевтер, ведь он не сбавляет скорости на самых крутых поворотах, и тем не менее вы их не чувствуете. Такое впечатление, что дорога выпрямляется перед машиной, а потом, за вашей спиной, она снова сгибается на повороте. Ведь скорость-то девьяноста!

Другая машина осталась где-то между Пасанаури и Млети, там должны были приготовить еду и наловить рыбу.

Мы вымахиваем на Крестовый перевал, и машина останавливается. Капица выходит на дорогу, идет к снежным полям, ходит по снегу, трогает его руками. Со-

всем как маленький. Будто никогда снега не видел.

— Я хочу увидеть Дарьяльское ущелье. Мне мама всегда рассказывала про Дарьяльское ущелье.

И мы снова в машине, теперь скользим вниз, в ущелье Терека, встречаем всадников, поражающих Капицу красотой и осанкой, пролетаем селение Казбеги и спускаемся в Дарьял.

Он хочет видеть как можно лучше, как можно больше. Он просит меня поменяться с ним местами, и хотя любит ездить на заднем сидении, пересаживается вперед. Но и это не удовлетворяет его, он все время останавливает машину и выходит из нее, повторяя:

— Незабываемое зрелище! Незабываемое зрелище! — И всматривается в ревущий Терек, волны которого отражаются от нагроможденных вдоль русла камней так, что порой он кажется текущим в обратную сторону.

Но пора и назад. Уже вечереет, и мы голодны просто ужасно. Снова Казбеги, снова гора Крестовая, ужасающий спуск к Млети в долину Арагви, и наконец в уже абсолютной темноте мы видим свет костра. Сворачиваем с дороги, садимся на землю в полной тишине, какая бывает только в горах, и протягиваем руки к хрустящему грузинскому хлебу, к свежееваренной рыбе, шашлыкам, вину, зелени, фруктам, арбузу.

Джелил Цакадзе затягивает застольную песню, остальные дают втору и басы — и негромкое трехголосье, сливаясь со звоном цикад, с почему-то усилившимся шумом горной реки, сливаясь с природой, заполняет тебя покоем и уверенностью в правильно и разнообразно прожитой жизни.

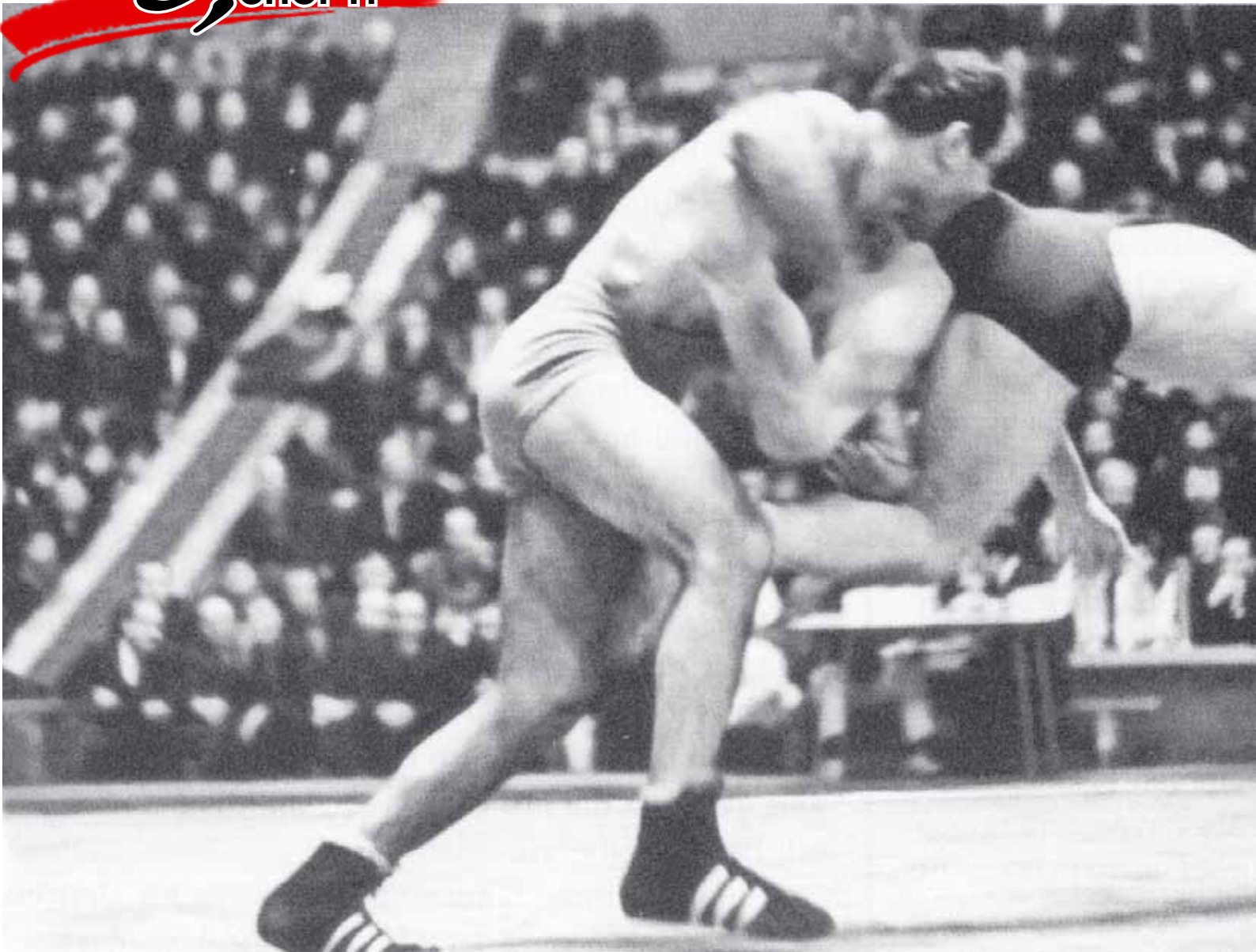
Материал подготовила Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакция журнала «Русский клуб» сердечно поздравляет Сергея Петровича КАПИЦУ с днем рождения и желает ему здоровья и благополучия!

В кругу семьи

Редакция журнала «Русский клуб»
по телефону с информацией
с Варей в космополит
и надеждой на будущее
Ваня Сидоров
15 октября
2010
Кавказская Гора

Атака - стихия Зарбега Бериашвили

НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

Победитель не получает ничего. Это название книги рассказов Эрнста Хемингуэя напомнило ситуацию на олимпийском турнире борцов вольного стиля в Токио 1964 года. Зарбегу Бериашвили для выхода в финал надо было выиграть у болгарина Еню Вылчева и обязательно на туше.

Ни в одной весовой категории не было такой жестокой конкуренции, как среди легковесов. На победу претендовали турок Махмут Аталай, японец Ивао Хариучи, иранец Ардабали Мовахед, болгарин Еню Вылчев, наш Зарбег Бериашвили. Первых трех Вылчев положил на лопатки и с двумя штрафными очками лидировал среди соискателей олимпийских медалей.

У Бериашвили пять штрафных очков, и угроза получить еще одно означала для него исключение из соревнования, заставляла бурно атаковать. Стремясь к чистой победе, он добился огромного преимущества в той схватке, шести выигранных баллов, но до полного счастья, ой! как далеко.

Болгарин уберег свои лопатки от касания ковром. Проиграв по очкам, он вышел в финал, где его легкой добычей стал немец Карл Рост, удостоенный серебряной медали. Бериашвили один из соревнующихся нанес поражение олимпийскому чемпиону, но эта радость с горчинкой – он шестой.

На Олимпиаде в Мехико, рассказывает Зарбег Иванович, я был пятым. В первых двух встречах был вынужден довольствоваться ничьей – с американцем Вейном Велсом, будущим олимпийским чемпионом в Мюнхене, и Вылчевым.

Болгарский боец, проиграв тбилисцу дома в Софии, на чемпионате мира-63, на этот раз избегал риска и отбил его атаки.

Так у одного из фаворитов Олимпиады Бериашвили стало четыре штрафных очка. Отступить некуда. И он бросает на лопатки румына Иону Енаке и побеждает по очкам чемпиона мира Хариучи. И снова роковой расклад. Его устраивает только чистая победа над Данзадаром Сэрэтэром. Монгольский борец, физически очень сильный, проиграл по очкам. В финале он третий. А его победитель Бериашвили, проведший турнир без единого поражения – пятый. Таковы grimасы несовершенных правил.

По результатам пятого, самого драматичного круга выбыли не претендующие на победу в турнире. Первая схватка свела неоднократного чемпиона мира Мовахеда и представителя Индии Удея Чанда. После поражения Чанд выбывает. Вылчев побеждает Роста. Рост присоединяется к зрителям. Велс обыгрывает Хариучи. Американец – четвертый. Вылчев не прочь стать дву-

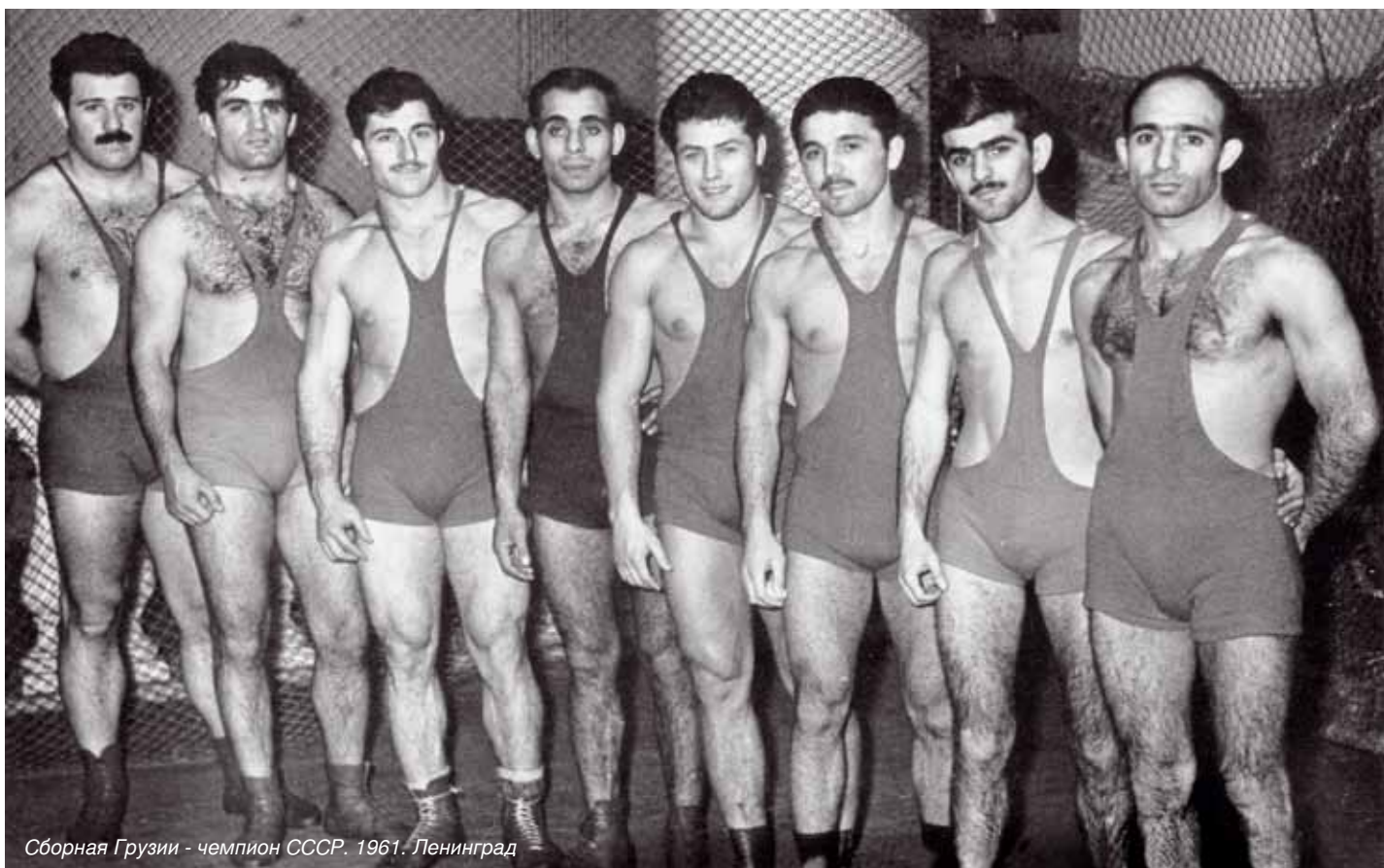
кратным олимпийским чемпионом, но Мовахед – против. Заработав два выигрышных балла, он становится победителем Игр.

Было от чего Бериашвили впасть в уныние. Но он не становится в позу обиженного, не жалуется на судьбу – на мировой арене наивысшие титулы обходят его стороной.

Долгие годы, не зная отдыха, не давая себе передышки, Бериашвили шел к своей вершине, как тот герой стихотворения Генри Лонгфелло, а она, казалось, совсем близкая, каждый раз отодвигалась от него.

Послушаем мнение трехкратного олимпийского чемпиона Александра Медведя о его грузинском друге – лидере советской сборной в течение одиннадцати лет. Он считал: если бы современные правила борьбы действовали в то время, Зарбег Бериашвили оставался бессменным чемпионом мира и Олимпийских игр. Речь идет о снятии борцов с ковра за пассивность.

Конкуренция в легком весе у борцов-вольников в ту пору была на редкость высокой. Бериашвили через годы прокладывал путь к цели, побеждая выдающихся борцов, сам таковым являясь, – болгарина Вылчева, турка Аталая, иранца Мовахеда, японца Хариучи, американца Велса, немца Роста, монгола Сэрэтэра, шведа Карлссона. Каждому из них было по силам стать

Сборная Грузии - чемпион СССР. 1961. Ленинград

чемпионом мира и Олимпийских игр или их призерами. И они ими становились. Заслуженно. И не очень.

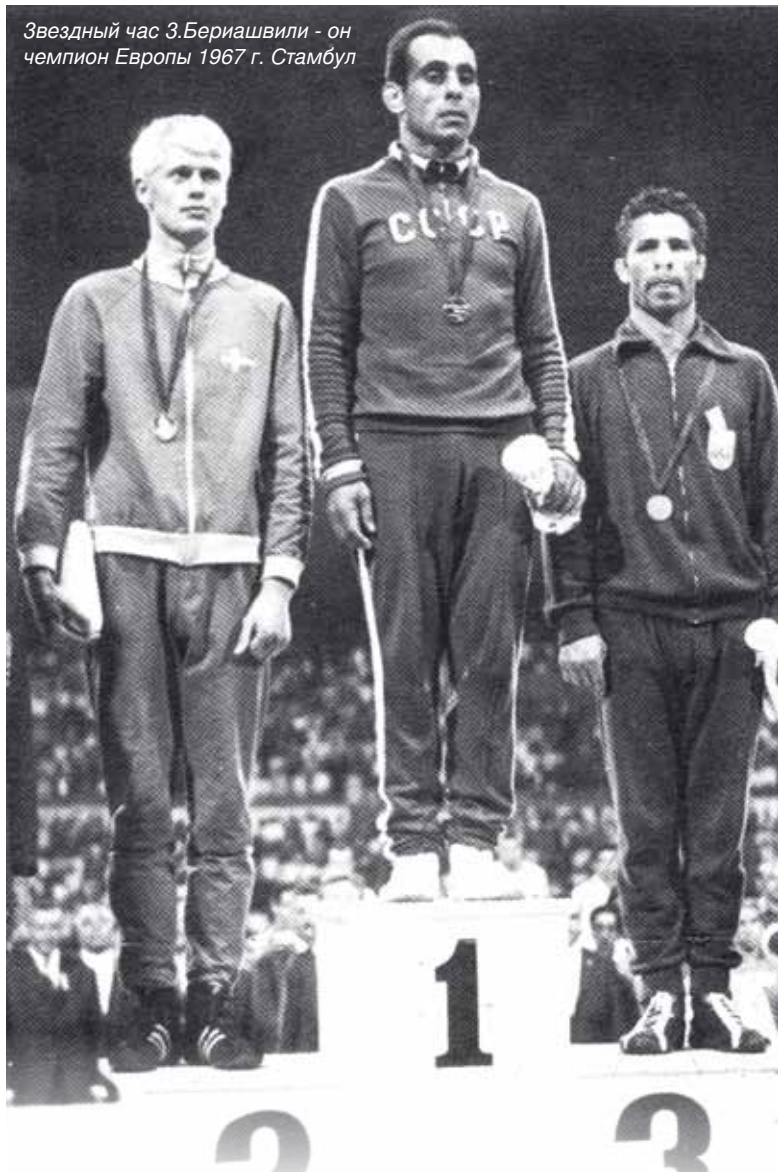
Бериашвили в 1961 году, в бытность студентом Грузинского политехнического института и воспитанником выдающегося тренера Георгия Ростиашвили, метеором ворвался в круг сильнейших борцов-легковесов страны. Здесь лидировали чемпионы мира Владимир Синявский и Алимбек Бестаев, чемпион СССР Роберт Джгамадзе и Юрий Гусов. И долго, одиннадцать лет, удерживал первенство в своем весе. Первых трех Зарбег победил на туше в дебютном для него чемпионате страны. Не делал поблажки и Гусову.

Заслуженный мастер спорта, чемпион мира Юрий Гусов вспоминал: «На четырех чемпионатах страны всего один шаг отделял меня от успеха, но получил только однажды серебряную медаль и трижды бронзовые. Каждый раз к золоту меня не подпускал Зарбег Бериашвили. Он находил в моей защите единственное незащищенное место и всегда точно бил в цель. Думаю, что он знал меня лучше, чем я сам себя знал. А когда я, наконец, научился у него выигрывать (на чемпионатах СССР 1968, 1970 гг. – А.Е.), мы оба уже «ехали с ярмарки»

На международных соревнованиях Бериашвили дебютировал в предолимпийском, 1963 году, и сразу попал в самое пекло, на чемпионат мира в Софии. Победил тогда на туше трех соперников, а сильнейших в весе – чемпиона мира Вылчева и Аталая – по очкам. Вышел в финал с пятью победами, у Хариучи их только три. В решающей схватке за золото японец устал от ковра, спасаясь от захватов, а потом поймал усталого Зарбега на ошибке и выиграл один балл. Удерживая преимущество, продолжал антиборьбу. Судьи никак не реагировали на его неспортивное поведение. И объявили чемпионом мира. Бериашвили – второй.

Второй он и через два года на чемпионате мира в Манчестере. Среди шестерых побежденных им сопер-

Звездный час З.Бериашвили - он чемпион Европы 1967 г. Стамбул

ников были олимпийский чемпион Токио Вылчев, Хариучи и очень сильный шведский борец Ян Карлссон. Но Бериашвили – второй. А победителем стал Мовахед, который с Зарбегом не встречался.

На этом злоключения не кончились. После окончания чемпионата мира 1967 года в Дели заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Арменак Ялтырян сказал: «Зарбег Бериашвили был сильнее всех легковесов мира. Но у него не было того, что нужно и сильным борцам и неплохим тренерам – не было немножко счастья... Когда в Дели с ним это случилось, я заплакал. Очень больно стало за него. Борцы меня поймут».

А события на ковре, в самом деле, удивляли. У Бериашвили с Мовахедом перед решающей схваткой по три штрафных очка. Но у Бериашвили две чистые победы, у иранца таковых – ни одной. Ничья в личной встрече сделала Зарбега победителем, и он легко ее добился. Стал чемпионом мира. Судья-информатор объявляет его чемпионом, но не спешите его поздравлять.

Начинается борьба за пределами ковра. Подается протест на схватку Вылчева с японцем Сато, закончившейся вничью. Вылчев становится третьим финалистом и получает право бороться с Мовахедом, которому он по очкам проигрывает и выводит на первое место. Зарбег снова второй. В том году Бериашвили праздновал свой звездный час. На чемпионате Европы в Стамбуле он стал сильнейшим, опередив Карлссона и Вылчева.

Другой удивительный рекорд им установлен уже на трудовом поприще – он четыре десятка лет руководит автотранспортным предприятием, являя пример высокопрофессионального командира производства.

Бериашвили – шестикратный чемпион СССР и победитель Кубка страны 1970 года, трехкратный чемпион Европы, победитель открытого первенства Японии 1968 года, крупнейших международных турниров, только однажды позволил себе пожаловаться на судьбу – в разговоре с Гурамом Сагарадзе: «Неужели так и не достигну цели? Отказываюсь в это верить. Уж очень несправедливо будет».

Долгожданный успех и слава сильнейшего борца в мире пришел к нему в самом конце спортивной карьеры. В 1969 году в Мар-дель-Плата, за два круга до окончания чемпионата мира он принимал поздравления. Победены Вейн Велс (США), Стоян Бимбалов (Болгария) и другие чемпионы. В решающей схватке за золотую медаль Бериашвили за 2 минуты 17 секунд припечатал лопатками к ковру финна Поикалла.

Счастливым для грузинского богатыря чемпионат мог завершиться трагически. Рядом с гостиницей, в которой разместились советская команда, был огороженный сеткой пляж. Рано утром Зарбег Бериашвили, Гурам Сагарадзе и Тариел Алибегашвили решили искупаться в океане. Заплыли за какие-то проволочные сетки.

Выскочил из гостиницы служащий и кричит на них. Вылезли из воды наши борцы и спрашивают у аргентинца по-грузински: «Ты что это раскричался? Океанов мы что ли не видели?»

Аргентинец слушает их и крутит указательным пальцем у виска, дескать, чокнутые вы, что ли. Пошли друзья завтракать.

Бериашвили вспоминал: когда через час они снова вышли на пляж, то увидели туши двух огромных акул – каждая почти с тонну весом. Их поймали полчасу спустя, как борцы вылезли из воды, где были крючки с приманкой.

Гурам Сагарадзе смотрел на страшные акулы зубы и вдруг как закричит: «Кто из вас первый в воду полез и меня позвал?» Все молчали, потрясенные. Аргентинца того обнимали, чуть не задушили, все имевшиеся сувениры подарили... К пляжу больше не подходили.

И чемпион, и командир производства

«Смотри кто пришел, – сказал участник двух Олимпиад жене, принимая меня в своем доме, – друг детства».

Таких встреч, к сожалению, все меньше. «Где ты был до сих пор?» – упрекнул меня олимпийский чемпион Хельсинки. «В самом деле, где был?» – переспросил Зарбег Бериашвили, которому я рассказал про этот неожиданный упрек.

Нас, коренных тбилисцев с Авчала и Соллаки, действительно многое связывает, в чем я убедился в разговоре за двумя бутылками ледяного шампанского, стоившего мне легкой ангины. В разговоре с членом Президиума Федерации борьбы Грузии, обладателем Большой золотой медали ФИЛА Зарбегом Бериашвили.

Он один из самых любимых борцов из когорты выдающихся мастеров ковра. На его поединки, искрометные, темповые, насыщенные головокружительной акробатикой, шквалом приемов, мы шли как на театрализованные представления.

Арсен ЕРЕМЯН

Дэви Стура

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ДЭВИ

11 февраля исполнилось бы 80 лет видному политическому, общественному деятелю, ученому, поэту, писателю и публицисту Дэви Стура.

Дэви Георгиевич относится к числу талантливейших и интереснейших людей своего времени.

Судьба распорядилась так, что он очень рано был выдвинут в высшие эшелоны власти Грузии и много лет был одним из ведущих ее руководителей.

Необыкновенно разносторонний, с широкими общественными интересами Дэви Георгиевич всей своей деятельностью сыграл важную роль в политической жизни республики, оставил глубокий след в грузинской истории бурного XX столетия.

Незаурядная личность Дэви Георгиевича формировалась в семье, в общении с друзьями родителей – лучшими представителями интеллигенции той поры; в Тбилисской N1 школе, во Дворце пионеров – в среде грузинской интеллектуальной молодой поросли, в потоке передовых идей, которыми жил Московский государственный университет и его факультет журналистики в 50-е годы прошлого века.

С той поры он привык смотреть на жизнь глазами передовых людей своего времени.

Вернувшись в Грузию в 1954 году, Дэви Георгиевич,

работая в республиканских газетах «Заря Востока» и «Коммунисти» сразу же обратил на себя внимание не только профессионализмом и журналистским мастерством, но и необыкновенной своей человеческой сущностью; счастливым даром любви к людям и умением приносить им радость.

Ему не было равных и по эрудиции, и по силе интеллекта, которые он щедро привнес в деятельность аппарата Центрального комитета компартии Грузии, работая помощником Первого секретаря ЦК, заместителем заведующего отделом науки и культуры, заем заведующим. А с сентября 1961 года секретарем ЦК партии по идеологии

Дэви Георгиевичу тогда было всего 30 лет. На том же сентябрьском пленуме ЦК Компартии Грузии секретарями ЦК были избраны наделенный блестящим организаторским талантом 34-летний Георгий Андреевич Гегешидзе и 32-летний автор этих строк.

Мы были единомышленниками. На нас лежала огромная ответственность. Мы глубоко осознавали ее, и не отягощенные прошлым, трепетно относились к своей высокой миссии – неустанно, честно и преданно служить своей стране и народу.

Время в республике было сложное, полное больших свершений, борьбы, иллюзий и надежд.

Но вместе с тем это была эпоха идеалов, еще не похороненных застоем и перестройкой; эпоха активных поисков и конкретных действий.

В духе времени Дэви не «восседал» в сановном кресле секретаря ЦК, а практически делал очень многое из того, чего не могли сделать и не делали его предшественники и преемники.

Первым долгом, он вдохнул новую жизнь в безликую идеологическую деятельность партийных организаций республики, всеми силами противостоял идеологической ереси и диктату партийных и советских вельмож в сфере культуры. При нем, как никогда, стала поощряться свобода творчества, смелость мысли, забота о культурном наследии; подпитка национальной идеи и национального самопознания, идеи единения и дружбы народов, населяющих Грузию.

Он был умен и высоко образован, был прост и доступен. «А с умным все как-то лучше...» (А.С.Пушкин). Всегда было интересно общаться, обсуждать, просить, требовать, спорить, убеждать, доказывать, находить решение в самых сложных, порой тупиковых ситуациях. Умел ценить людей одаренных и деятельных, чтит образование и науку, лелеял национальные институты и деятелей литературы и искусства. У Дэви было много друзей в среде талантливых грузинских ученых, писателей, музыкантов, кинематографистов, актеров и художников.

Он встречался с огромным количеством истинно великих людей своего времени в стране и за рубежом.

Общение с ним для каждого было сродни творчеству; обаятельный облик, благородство, большое литературное искусство и особое красноречие покоряли всех без исключения.

Дэви Георгиевич никогда не искал слоев и фраз. Мысли и доводы являлись сразу. Он всегда изящно и колоритно одарял собеседника и аудиторию сокровищами своих глубоких и блестящих знаний.

Что и говорить, – он очеловечил образ партийного босса!

Его уважали и ценили, потому что у него были свои взгляды, и он им не изменял.

Внутренний покой, достоинство, никакой суеты, чувство юмора, принципы чести и долга – были неотъемлемой частью его творческой природы.

Дэви всегда действовал, исходя из политических и деловых соображений, а не личных, а тем более – карьерных.

Он никогда не уходил от решения острых проблем, всегда поддерживал молодых талантливых деятелей ис-

куств в их новаторских исканиях, а иногда и в их противостоянии господствующей эстетике и художественной стратегии.

Мудрой позиции Дэви Георгиевича в борьбе молодых за обновление грузинского театрального творчества обязан своим современным содержанием, любимый народом и почитаемый во всем мире Тбилисский государственный театр им. Руставели, неизменно возглавляемый признанным мэтром режиссуры Робертом Стуруа.

С именем Дэви Георгиевича связаны создание Руставского театра, молодежного театра «Метехи», Ахалцихского драматического театра в Месхет-Джавахеги да и в целом необычайно динамичная духовная жизнь республики. Печать новизны, смелых и нестандартных решений носило каждое культурное событие.

Интереснейшие научные форумы, насыщенные пафосом Дни культуры и искусства Грузии в Москве и за рубежом; Дни культуры Москвы и Дни украинской литературы в Грузии, пышные государственные праздники по разным поводам, ошеломляющие своими глубиной и великолепием юбилейные торжества 800-летия Шота Руставели и 150-летия Николоза Бараташвили всколыхнули небывалый интерес мировой общественности к великой грузинской культуре и ее историческим традициям.

То были истинно высокие времена озарения. Ученые, писатели, композиторы, деятели театра и кино, живописцы, ваятели и архитекторы – каждый вносил свой талант в сокровищницу национальной культуры.

На многих языках народов мира издавались антологии грузинской поэзии и прозы, блистательные переводы шедевра мировой литературы, поэмы «Витязь в тигровой шкуре», многие труды выдающихся грузинских ученых.

Делалось очень многое для того, чтобы Грузия на равных правах присутствовала в мировом культурном пространстве.

Используя свой высокий авторитет, Дэви Георгиевич дал жизнь Грузинской Советской Энциклопедии; санкционировал издание свода памятников архитектуры Грузии, выступил инициатором создания Республиканской комиссии по установлению норм грузинского литературного языка при Совете Министров, учреждения Государственных премий им. Ш. Руставели в области науки, литературы и искусства.

Кто из его современников не помнит, какую огромную роль сыграл Дэви Георгиевич в строительстве новых корпусов Тбилисского государственного университета, Академии художеств, Телерадиоцентра, киностудии «Грузия-фильм», Концертного зала грузинской государственной филармонии, Домов творчества, музеев, научных учреждений, спортивных комплексов и др.

Человек умный и понимающий, он нередко помогал обходить неприемлемые для республики законы, порядки и указания свыше. При этом ответственность за их несоблюдение всегда брал на себя.

Помню, как, не колеблясь, поддержал Дэви Грузинскую Православную Церковь в тяжелый период ее упадка, когда в 60-е годы один за другим стали закрываться церкви из-за отсутствия настоятелей. Правительство тотчас же отреагировало принятием специального распоряжения об открытии семинарии в Мцхета при Светицховели, о наделении Патриархата издательским правом; тогда же были изданы Библия, церковные календари, молитвенники, учебные пособия, об освобождении церквей от уплаты земельной ренты и налогов от производственной деятельности, вызвав гнев и упреки руководства.

Его принципиальная позиция практически спасла от слияния Консерваторию, Театральный институт и Академию художеств в единый Институт культуры.

Без обращения в верха в вузах создавались новые, нужные республике специальности. направлялись важные научные экспедиции за рубеж, приобретались

уникальное оборудование и установки для цветного телевидения, которое в Грузии появилось раньше всех в СССР.

Великодушный и сердечный Дэви делал много добра людям, щедро дарил им свое тепло. В нем не было спеси, жестокости и пренебрежения к подчиненным.

В народе хорошо понимали все его совершенство и лишь недоумевали, – каким образом такой недюжинный человек в свои 40 лет, в расцвете сил и на пике успеха, мог стать неудобным.

Даже на научной работе Дэви вновь оказался неудобным. В 90-е годы уже ставшая независимой Грузия, измученная войнами и уставшая от политических коллизий, голодная, разворованная и потерявшая ориентиры страна, встречала третье тысячелетие полным драматизма «демократическим раем» и «рыночной экономикой»: утраченные территории, разруха, униженный, обнищавший, сбитый с толку пещерным бытом и духовным опустошением народ; беззаконие и произвол, коррупция, массовая безработица, сломленные человеческие судьбы сотни тысяч трагически загубленных молодых жизней...

Дэви, верный своему призванию, продолжал надеяться, бороться и дерзать. Он постоянно выступал как глубокий исследователь сложных событий девяностых годов, старался доподлинно разобраться в лабиринтах истории, давал совершенно неординарные оценки явлениям современной и прошлой эпохи.

Я бесконечно признательна судьбе, одарившей меня не просто многолетней совместной работой и добрым сотрудничеством с Дэви, но и большой человеческой дружбой, преданностью, радостью общения и братской опекой.

Он всегда был рядом в моей чрезвычайно трудной, внешне очень благополучной жизни.

Мне всегда досадно вспоминать, как много времени расточал Дэви на подготовку бесчисленных деловых писем, докладных записок и справок для ЦК партии и Правительства. Предназначенные мне, он неизменно сопровождал лирическими приложениями. Это были собранные им мысли мудрых людей, не менее прекрасные собственные стихи, размышления и зарисовки, исполненные мастерски отточено, ярко и образно. Особый жанр его творчества составляли забавные юморески, которыми он веселил своих друзей на уморительно скучных многочасовых заседаниях и собраниях. Это бесценное эпистолярное богатство я не просто бережно храню, но очень часто обращаюсь к нему, как и к другим, опубликованным недавно его произведениям «Мой Пушкин», «Сталин, Хрущев, Брежнев», да и к прекрасной книге о нем «Дэви Стуруа», в которой память собрала лучших людей эпохи, самые яркие события тех лет, маленькие шедевры самого Дэви, с блеском передающие гордый дух его личности, жажду истины и хранимые в душе идеалы любви и красоты, волнительные воспоминания друзей и сподвижников и, наконец, совершенно изумительные фотоиллюстрации – свидетельства огромной любви и признания, сопровождавших Дэви по жизни, которую он прошел достойно и счастливо вместе с блистательной и красивой женщиной Маквалой Илуридзе-Стуруа – мудрым и верным другом и светом его бытия, и прекрасными сыновьями Георгием и Сосо, внуками Анной и Дэвиком.

Дэви до конца дней своих оставался знаковой фигурой нашего времени, сохранил добрую славу в народе, был узнаваем, как теперь принято говорить. На улице его часто останавливали прохожие, чтобы пообщаться, водители, чтобы выразить свои симпатии, обласкать и обслужить по высшему классу. И это ему было очень приятно.

Прошло 10 лет без Дэви. Осталась навечно яркая жизнь памяти о нем и о том очень непросто времени, когда он был рядом и радовал нас своими духовными изысками.

Виктория СИРАДЗЕ

ЭТА ТРУДНАЯ ДОЛЖНОСТЬ – БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ...

Роман Фин

Я долго не могла взяться за материал о Роме Фине, хотя знакомы мы давно и мне уже доводилось писать о нем. Не знаю, в чем причина – наверное, в необычности, многогранности этой личности.

Вспоминаю первое знакомство и первое впечатление: подтянутый, стремительный, с осязаемым «зарубежным» акцентом, специфическими манерами человека «оттуда». Тогда Роман только приехал в Грузию. Приехал с деловыми целями. Правда, достичь успехов на этом поприще «за хребтом Кавказа» ему тогда так и не удалось – в силу объективных причин, зато личное счастье он здесь обрел. А позднее поселился в Тбилиси надолго, соединившись узами брака с грузинкой Мариной Мачавариани – человеком тоже интересным, образованным. Вот с той самой поры мы и подружись, как говорят, семьями...

И Роман при каждой нашей встрече стал открываться мне с новой, неожиданной стороны. Теперь он уже, конечно, не казался мне только деловым человеком, бизнесменом. Скорее оставлял впечатление гуманитария, философа, но тоже действенного, энергичного, живо интересующегося всем, что происходит вокруг. Я много узнала о его жизни, непростой, подчас драматичной. Оценила, что в этом человеке есть крепкий нравственный стержень, сильна духовная потенция...

Потом поняла, что это закалка из прошлого, ведь Роман принадлежит к той особой породе людей-бунтарей, которых именуют диссидентами. Некоторые сегодня пытаются дискредитировать диссидентское движение, подвергнуть критике его представителей, обвинив их в конформизме, политической близорукости и прочих смертных грехах. Это я слышала на одном из заседаний тбилисского литературного объединения «Арион», когда Роман представлял программу

о времени и о себе, о своих товарищах-диссидентах, поэтах и прозаиках. Хулителям диссидентского движения Фин ответил так: «Диссидентское движение - это было прежде всего демократическое движение, движение за права человека, за достоинство человека, за духовную свободу. Это был протест души против зла. Не ставилась задача сломать режим, не было попыток организовать вооруженное восстание или уничтожить советский строй демократическим путем! Диссидентство не профессия. Может, оно в чем-то призвание. Диссидентами рождаются. Это может быть очень высоким званием. А на деле просто образ жизни, воли и чувства».

Душа Романа спустя годы опять протестует против зла – в этом он несколько не изменился, не стал равнодушнее или циничнее... Он также эмоционально, страстно реагирует на все происходящее в мире, готов с головой окунуться в бурлящий поток жизни, бороться против несправедливости мироустройства. Выступает с публицистикой на самые разные темы. Его тревожат судьбы России и Грузии. И всего мира...

Вот отрывок из его статьи «Россия плачущая». В ней он опять размышляет о диссидентской культуре, которая, по его словам, «покоится на мощном фундаменте истинного знания о том, что случилось, и на личном мужестве ее творцов. Но всего прежде она покоится – в великом потрясении и страдании по погибшим – на бесчисленных могилах бессмысленно, в витийном идеологическом безумстве погубленного огромного числа людей. Это культура демократического правозащитного движения, основанная на нравственном отношении к своему долгу человека и гражданина, ставящая нравственные ценности в основу своего мышления, чувствования и поведения, своего творчества, готовности отстаивать свои убеждения и идеалы, человеческое

достоинство людей, отстаивать человеческие права и духовную свободу. Диссидентская культура, конечно же, не исключала всеобщую мировую культуру и культуру своей страны. Ведь ее творцами были ученый Андрей Сахаров, музыкант Мстислав Ростропович, писатель Александр Солженицын и многие другие, которые не только спасли честь России, русской интеллигенции, но они на деле спасли и то, и другое. Представьте на миг, что диссидентского движения не было бы. Что это была бы за страна? Невозможно представить».

То, что написал о диссидентстве Фин, можно отнести в какой-то степени и к понятию «интеллигент» - если иметь в виду традиционное представление об интеллигенции в России как о совести нации. Таков и есть Роман – русский интеллигент, как мне это представляется. Не зря он написал однажды: «Шприцы соевости страшнее психотропных»...

На том вечере в «Арионе» Роман Фин рассказал об истоках своего диссидентства: «Оно начинается с Мандельштама. Я был насмерть поражен судьбой Мандельштама и судьбами других людей – миллионно, но Мандельштама - прежде всего, и не мог им его простить. Как можно столь зверски убить человека. Я мог простить им себя, свою изломанную судьбу, но не убийство этого небесно высокого человека.

Его страдание и смерть отозвались во мне с такой непереносимой силой, что я душевно заболел, но не в том смысле, в каком определяли наши мучители. Болезнь моей души была не к смерти, а к жизни, к духовному здоровью, к пробуждению. Ибо сказано: кто заболел человеческим горем, не умрет вовек. Горе хочет не быть, но оно было. И был я, когда Мандельштама уже не существовало. И было мне горше горького.

В гостях у Анастасии Цветаевой

Живаго». Для современников и потомков этот роман стал откровением, перевернул многие жизни. Не был исключением и Роман Фин.

Он вспоминает: «1971-й год. Я сидел на софе у себя дома в Пушкино, смотрел перед собой на застекленную книжную полку. Полка была большая, во всю стену, от пола до потолка. Наверно, глаза мои были черны и бездонны. Взгляд уходил сквозь стекло, сквозь книги в бесконечность заповедного за рекой до горизонта леса. Я только что закончил читать «Доктора Живаго», два переплетенных машинописных самиздатовских тома на папиросной бумаге. Была глубокая ночь, такие книжки давались на день-два или на одну ночь. Я был потрясен. Книжка лежала рядом, я протянул руку, как бы желая вернуться или не расстаться, открыл последнюю

А сумасшедший дом – это от лукавого. Я – Мандельштам. Не по гению. По судьбе. И даже не по судьбе, а по сопричастности, по всеобщему горю.

После своей страшной тюрьмы я остался жить. Именем Мандельштама, судьбой Мандельштама, приговором Мандельштама – всем нам в духе стоять, ибо на нас держится мир, и на нас – Божья Надежда. Может, я выжил, потому что он оттуда поддерживал меня».

Мандельштам, Цветаева, Пастернак... «Доктор

страницу. Но что это? Там было не то, что я только что читал. Там оказались стихи, я не предполагал, я их не заметил. Стихи Юрия Живаго. Вот что ждало меня! Вот что взорвало меня и расширило душу до бесконечности. Душа не выдержала... Какая красота! Может, она и вспыхнула во мне волшебным порошком, и душе стало совсем невозможно дышать! Меня сотрясли рыдания. Ох, что это было! Это было заполнившее всю вселенную горе. Горе маленького человека, расширившего

ся до крайних пределов мира. Это было чудо. Что оно сделало со мной! Теперь хоть на плаху! Меня охватило предчувствие беды и необыкновенной радости. Ибо беда та должна была быть не к смерти, а к жизни вечной. С той минуты я никогда уже не был прежним. Но сколько таких минут мне выпало в те дни! Я смотрел сквозь слезы на свои книги и прощался с ними. Все заберут, все пропадет. Какая идет судьба! Через три дня я был арестован...»

Роман в кругу друзей часто возвращается к своему диссидентскому прошлому, к страшным годам заточения в психиатрической больнице:

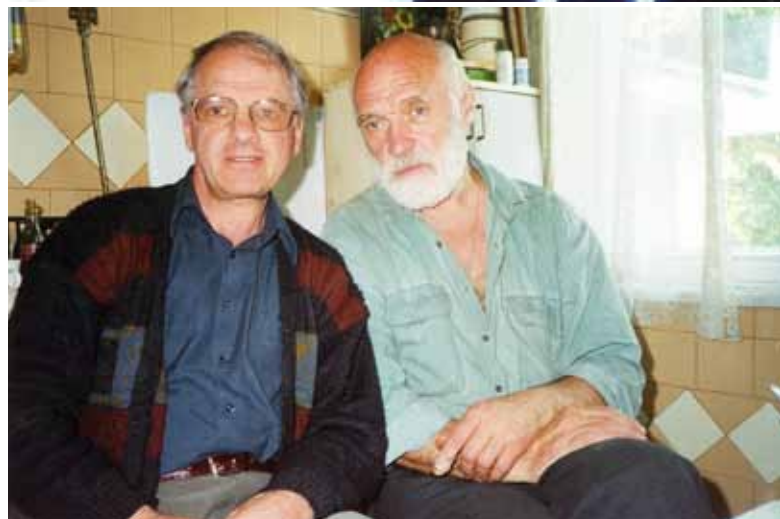
«И было 19 декабря того 71-го года. Меня вывели из карцера. 10 дней окованности. Там был каменный мешок с незакрытой форточкой под потолком, не достать. У меня была лишняя матрасовка и хлипенькое пальтецо. И была наполовину раскуренная прежними сокамерниками биография Пушкина. Согрелся. К тому времени я прошел все этапы посвящения в сумасшедшие. Сначала просто серпуховская тюрьма и Бутырка, следственный процесс. Потом уже положенное 4-ое, политическое отделение Института Сербского и, как следствие соответственного следствия, камеры бутырской тюрьмы. Суд был без меня, на суд сумасшедших не возят. А в карцер я угодил за разбрасывание на прогулке в другие дворики сообщения, что 10 декабря – День Прав Человека. «Болезнь» набирала силу. И вот собирают нас в какую-то камеру. Уже дошлые зеки дознались, что повезут в Орел, на Спец. Я действительно чувствовал себя невменяемым. Меня трясло от холода, голода. Нас привели на вокзал. Но-но-но, - это был вокзал Бутырской тюрьмы, место прибытия и убытия зеков – такое фойе, вдоль стен двери в камеры. Одна из дверей была во врачебный кабинет, где нас проверили со всех сторон. Там было зеркало, и я совершенно ужаснулся, увидев свое отражение: наголо стриженная голова, дикий взгляд безумных глаз, опущенные плечи, не распрямиться. Получаоточный кашель, до сих пор не раскашляться. Нам дали в дорогу хлеба, селедки, и долго возили по Москве в воронке. Заезжали еще в какие-то тюрьмы, собирали этап. Потом какие-то зады какого-то вокзала, овчарки, охрана. Вагонзак, называемый «Столыпин». И надо было исхитриться забраться на верхнюю полку, там было свободней. В Орловскую тюрьму привезли глубокой темной декабрьской ночью. Из камеры на вахте, куда привезли, встав на железную койку, я посмотрел в окно. Там светились два корпуса. Это была юдоль последняя – психиатрическая тюрьма. Орловский каторжный централ. Но мне сделалось легко. Наконец кончилось безвременье, определилась судьба. Это был мой дом, где мне жить, а это очень много значит – дом. Ключевые слова в моей жизни: стена, вокзал, коридор, дверь, дом. А дом тот был – сумасшедший. Сошедший с ума дом, где некоторых здоровых людей надо сделать больными. Да нет же, они больны изначально. У них что-то не в порядке с мышлением: они мыслят собственные мысли. Да-да, диссидентство не инакомыслие. Это только по-английски так. Диссидентство – это МЫСЛИЕ, то есть когда действительно мыслишь. Тогда ты свободен, и это самое для злодейской власти опасное...»

А потом была эмиграция в Канаду, правозащитная деятельность...

В Романе нынешнем живет острое желание всплеснуться, поделиться, рассказать о прошлом – своем, и не только. Часто – через поэзию, музыку. И он несет окружающим творчество литераторов-диссидентов В. Шаламова, Н. Горбаневской, В. Некипелова, В. Гершуни, а также поэтов М. Цветаевой, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака, композитора Петра Старчика – своего близкого друга...

С супругой Мариной Мачавариани

С композитором Петром Старчиком

Когда мы общались, Роман часто говорил о своем намерении написать роман, обобщив в нем опыт собственной жизни. И – написал, вновь удивив своей одаренностью, необычностью, глубиной... Его роман называется «Страсти по Матвею», и это только первая часть задуманного им масштабного сочинения, дилогии.

В образе героя романа Матвее угадываются черты самого Фина, в перипетиях его жизни – судьба автора. Особый интерес вызывают отступления, философские, теософские размышления, мысли о предназначении человека...

О России:

«Его [Матвее – И.Б.] связь с Россией была нутряной, они словно проросли друг в друга, он не мыслил своего существования без нее, вне ее. Он же в нее специально сходил, рождался, в ее землю, промоленную, проплаканную, протраданную, в ее язык, воздух, культуру, в ее народную душу, хотя по крови был евреем. И вдруг сошлось – ни выхода, ни выбора. Отъезд. Это магическое, мистическое, страдальное, судьбинное слово! Это игольное ушко».

О счастье:

«Но извечное человеческое стремление быть счастливым – это не сущностное. Это – мечта. И на самом деле – не цель жизни. Цель жизни в чем-то другом. Которое, когда обретешь, не обязательно сделает тебя счастливым». И далее: «Счастье бывает разное. Для мужчины счастье – когда его принимают, ибо в его природе себя отдавать. Он и на войну идет, чтобы отдать – жизнь. И к женщине он идет не для того, чтобы ее взять, а чтобы ей отдаться...»

О вере:

«А вера истинная – от живого сердца... Возможно ли научное познание Бога? Его живого надо искать в духовном измерении... Но зачем мне он, Бог, нужен? Разве я не могу без Него? А, может, все потому, что Он не может без меня? Зачем мне Бог? Зачем Ему я? Зачем мне любовь? Зачем мне свобода?»

О прощении:

«В прощении большой смысл и сила. Я считаю, что земное прощение равно или даже сильнее небесного. Христос принес новую заповедь любить друг друга, даже врага. И есть еще его заповедь о прощении. Но он отдал это в руки человека».

О сущности и ответственности человека:

«Что есть человек? То, что он о себе знает, о себе думает, как в себе чувствует, мыслит, из себя действует? Или что о нем думают другие, как его воспринимают со стороны, оттуда, говорят, виднее... а Бог нас видит, какие мы на самом деле есть, он нашу суть видит. И все-все-все. А мы себя не видим. Разве самую малость».

«Ответственность быть человеком слишком велика. Самая трудная на свете должность или работа».

В своем многослойном романе, в котором события изложены не в хронологической последовательности, автор размышляет о Любви – всеобъемлющей, сострадательной, самоотверженной, высокой, земной и небесной. По мнению автора, именно в любви – спасение человека.

Многие главы романа посвящены истории драматических, сложных взаимоотношений Матвея и его жены Алины. Невозможно без волнения читать эти страницы с вибрирующими, кровотокающими строками. Это крик души, это исповедь, это бешеная пульсация сердца... Непонимание между Матвеем и Алиной, почти враждебность между ними становятся разрушительными для их семьи.

Рамвн Фин

Но именно в женской любви герой видит свое спасение. Причем в земной любви. «Среди всего этого была область для меня, вероятно, самая заветная. Это – Любовь. Здесь должно было быть главное мое свершение, главный подвиг, и здесь я должен был получить самые драгоценные дары [...] без любви ничто состояться не могло». И далее: «Душа моя вообще, видно, так устроена, что без любви мне жить невозможно. И я всегда инстинктивно искал в мировой толпе, вокруг себя, любимую».

Да, этот роман – о поисках земной любви, но он и об исканиях духа в сложном, полном противоречий, а подчас и уродливом мире. «А просто Матвей приучен был, рожден, чтобы искать смысл, постигать истину», ему «надо было быть хомо советикусом, а он пыжился попасть в хомо человечикус».

В этом стремлении познать истину герой романа поначалу занимался научными изысканиями в области биологии, но его интересовала прежде всего духовная сторона жизни, «еще в университете влекла его тайна мышления, сознания, разума. Тайна мозга. Третий глаз... По его разумению, этими вопросами должна была заниматься философия, медицина, психология»...

А позднее для Матвея открылся источник истины очень высокой – это была правда о его стране... «Вставал вопрос о нравственности, не уходивший потом из его сознания никогда. Родилась работа о нравственных структурах общества, в котором он жил, пошедшая в неподцензурную машинописную печать, сам же и печатал, так и называлось – Самиздат». Все это привело героя романа, как и его автора, к аресту...

На пути мучительных исканий Матвей в какой-то момент готов был принять и другое судьбоносное решение – стать священником... Не случилось.

Потрясают страницы, связанные с пребыванием Матвея в тюрьме, спецпсихбольнице, как она называлась. Им в те страшные месяцы руководило одно желание: не поддаться слабости, страхам, выжить, не сойти с ума, не стать рабом – в условиях, когда это было почти невыносимо!

«Путь человека – в преодолении несвободы, - пишет Р. Фин. - Преодоление несвободы – в выходе в дух, в нравственное измерение, где возможна свобода воли. Несвобода – когда закрывают доступ к духу. Признающие лишь материю и отвергающие дух не знают свободы».

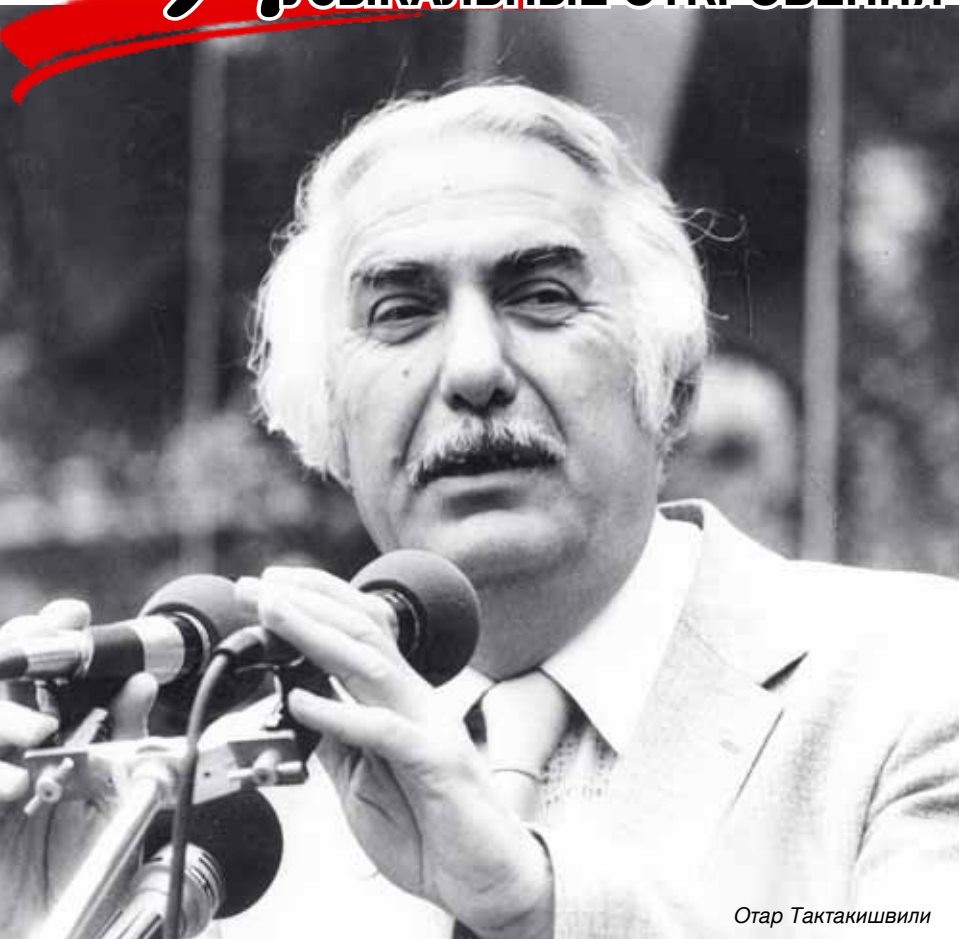
И далее: «И как ни старались все его существо наполнить страхом, до конца его испугать не удалось. Наоборот, но какая ирония или мудрость бытия, припасенная для человека: в тюрьме можно испытать состояние высокой внутренней свободы. Ею и преодолевалось».

Обретенное однажды состояние высокой нравственной свободы Роман Фин сохраняет и сегодня. Смело выражает свое мнение, открыто анализирует, делает прогнозы. Недавно вышел в свет сборник его острой публицистики «Грузия страждущая», в которой Роман Фин размышляет о судьбах страны, ставшей ему родной...

Но вернемся к роману «Страсти по Матвею», вернее, к его причудливой структуре. Он состоит из шестнадцати глав, после каждой идет интерлюдия – в поэтической или прозаической форме. В них писатель размышляет о Свете и Тьме, о том, «чем жив Господь, а может, чем жив человек, чем жив я», о свободе воли, об отношениях мужчины и женщины, об Ангеле Хранителе, который всегда рядом с каждым из нас, о двух целях земного творения – Свободе и Любви, о смысле человеческой жизни - достижении человеком свободы нравственной любви.

Да, Романом Фином задается высокая планка духовности. И ей соответствовать не просто. Но как иначе стать «хомо человечикус»?

Инна БЕЗИРГАНОВА

Отар Тактакишвили

НЕОКОНЧЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ

В конце восьмидесятых, мне, собственному корреспонденту «Комсомольской правды» по Грузии, позвонили из Москвы, из издательства «Молодая гвардия», и попросили подготовить интервью с Отаром Васильевичем Тактакишвили. Известно было, что композитор тяжело болен. Мы встретились у него дома и проговорили часа два-три, вернее, говорил, в основном, он, а я фиксировал его рассказ на магнитофон. Вернувшись в корпункт, я аккуратно, слово в слово, сохраняя стиль и обороты разговорной речи, перенес интервью на бумагу. На следующий день мы должны были встретиться вновь, чтобы продолжить беседу, но встреча так и не состоялась. Мое интервью осталось неоконченным. «Молодая гвардия» от издания сборника отказалась, и он остался в моем архиве. Через некоторое время я узнал, что Тактакишвили умер.

Разбирая недавно свои старые записи, я обнаружил и этот неоконченный рассказ замечательного грузинского композитора о своей жизни. Я счел своим долгом опубликовать его.

- Вокруг меня все были музыкантами. Дядя - Шалва Михайлович был

композитором, а второй дядя, Георгий Михайлович был виолончелистом и директором центральной музыкальной школы. Я часто видел в доме таких людей, как Дмитрий Аракишвили, классик грузинской музыки, фольклорист, одна из центральных фигур в нашей музыке. Он очень любил моего дедушку, они были друзьями. Как

Виктор Долидзе, известный грузинский композитор, общественный деятель, автор оперы «Кето и Котэ», живой, веселый, зажигательный человек. Конечно, в нашем доме бывали и другие люди, музыканты, которые невольно привлекали мое внимание. Дело в том, что еще в пятилетнем возрасте я проявил музыкальные склонности, у меня был острый музыкальный слух, который я даже демонстрировал - поворачивался спиной к инструменту и называл ноты по слуху. Мой дядя Шалва Михайлович достал радиоприемник, и я слушал музыку. Я до сих пор помню, как слушал симфонию Сен-Санса с органом. Перед моими глазами совершенно ясно ощущалось движение голосов, я зрительно это видел. Дома у нас были пластинки, я слушал записи Галли Курчи. Все это было моими горячими детскими впечатлениями, однако я никогда не думал, что стану музыкантом. Меня воспитали дедушка и дядя. Отец развелся с матерью, умер в 1942 году. Отец - Василий Бежанович был известным в Грузии виноделом, сотрудничал с Петре Сараджишвили, знаменитым мастером по винам и коньякам. Моя мать - Елизавета Михайловна Тактакишвили. Я на фамилии матери. В школе был лентяем, учился плохо. С первого класса меня выгнали, потому что порезал бритвой фартук у впереди сидящего мальчика, посмотрев фильм «Путевка в жизнь». Оказалось, что он сын дворника нашей школы, который поднял колоссальный шум, и мама была вынуждена взять меня из школы на некоторое время. Учился я в школе №42, что на улице Барнова. Музыкой начал заниматься у Тамары Васильевны Багратиони в музыкальной школе. Это очень милая женщина, жила в бельэтаже. Приходил всегда с невыучен-

ными этюдами. Она терпела, потом сказала маме: «Найдите ему репетитора, чтобы следил за его занятиями». Семья наша очень нуждалась. Мать служила. Годы были тяжелые, но взяли человека, который сидел со мной. Ему было страшно скучно. И мне. Дома была близорукая бабушка, мы переставляли часы вперед и показывали ей. Он уходил, покупал в хлебной лавке на улице Николадзе хлеб и мы его делили пополам. Репетитора звали Васо. Когда я работал уже министром, он пришел ко мне. Я его узнал. Оказалось, что он в районном городе преподает музыку. Просто так пришел. Я спросил его, может, ему что-нибудь надо? Ничего не надо, ответил он. В конце концов, меня взяли из музыкальной школы, но музыка сидела у меня в голове. Я не помню ни одной пьесы, которую учил и параллельно бы не сочинял для себя другую. На это уходило много времени. Мне тогда было 8-9 лет. Один раз был в опере и слушал «Абесалом и Этери». Дедушка Шалва Михайлович как-то поручил мне передать письмо хористке, я зашел за кулисы, увидел костюмы, декорации. Это на меня произвело большое впечатление. Лето проводил в пионерских лагерях - то в Коджори, то в Квишхети. Там много пел, был залепалой в хоре. Я знал очень много песен - деревенских, пионерских. Музыка меня повсюду сопровождала. Я любил ее слушать. Помню, с ребятами играл на полянке в футбол. Речка, полянка, сзади тополя - удачное место для игры. И вдруг... Я стоял около речки во время перерыва и совершенно ясно почувствовал, что не могу без музыки. Почувствовал физическую необходимость ею заняться. Вот

такое чудо! Я бросил игру, умолил маму отпустить меня раньше времени в Тбилиси. Поехал один поездом. Было лето, жарко. Пришел в свой двор на улице Шио Мгвимели, 8. Дедушка был профессором математики, очень любил растения и всегда поливал их в маленьком садике, очень любил музыку. Поздоровавшись, я пошел прямо к инструменту и стал заниматься. С тех пор не оторвать меня от музыки. За два года я окончил музыкальную школу, поступил в техникум. Как я учился музыке? Занимался по 12 часов в день. Поскольку был один инструмент, то уходил с утра на другую улицу к родственникам и там занимался, потом приходил домой и продолжал заниматься. Купить инструмент мы не могли. Дядя достал какое-то старинное пианино (он был профессором консерватории). Занимался я у разных педагогов. Сначала у Милицы Константиновны Корьюс, польке по происхождению. С ней не так давно встретился. Милая женщина. Трогательно относилась ко мне, занималась со мной (сейчас она педагог музыкального училища №1). С ней я занимался два года. Она водила меня к Анастасии Давидовне Вирсаладзе (бабушке Элисо Вирсаладзе), была лучшим педагогом в Грузии. Помню, как она со мной занималась и учила меня повороту низкого пальца. Анастасия Давидовна была прекрасной пианисткой, целый урок со мной занималась поворотом руки. Она понимала, что я поздно начал заниматься и надо наверстывать. За эти два года прошел программу музыкальной школы и поступил в техникум. Когда я был в девятом классе, началась война. С третьего класса, как начал заниматься музыкой, был отличником, и так дошел до девятого класса. С девятого класса меня забрали в техникум. Репрессии коснулись и нашей семьи. Тетя моя была замужем за сыном Малакия Торшелидзе, который был ректором университета, первым переводчиком «Капитала» Маркса на грузинский язык, настоящим коммунистом, был женат на двоюродной сестре Орджоникидзе Минадоре Ефремовне, Малакия арестовали, потом расстреляли. Минадору арестовали и сослали в Вологду, откуда она вернулась глубокой старухой. Арестовали мужа моей тети - Георгия Торшелидзе, певца оперного театра, убили в тюрьме. Моя тетя до конца в это не верила, просила меня хлопотать, чтобы его выпустили. Второго сына Малакия - Левана, который был моим товарищем, тоже убили. Дочку Сусанну сослали, потом она вернулась, сейчас в Тбилиси. Минадора любила играть в шахматы, когда она вернулась в конце пятидесятых годов, я уже был дважды лауреатом Государственной премии СССР, композитором. Я ей сказал: «Что же тебя наши соотечественники так обидели?» Она ответила: «Не смей говорить плохого слова об этом человеке. Он сделал то, что никто другой не смог бы сделать». Она была фанатично привержена социалистическому строю, и то, что увидела, вернувшись, произвело на нее глубокое впечатление. Это была женщина сильной воли. Я из семьи дворянского происхождения. Дедушка был князем, пошел учиться, давал частные уроки, поступил в вуз, кончил его и был послан в Баку, где основал коммерческое училище, вырастил первые кадры. Тогда была большая грузинская колония в Баку. Свой театр. Там свой первый спектакль сыграл Серго Закариадзе в театре грузинского общества по распространению грамотности. Бабушка также была дворянского происхождения - Ласхишвили. Ее родной брат был лидером федералистов Грузии, был членом партии, министром просвещения при меньшевиках, сидел. Семья голодала. Разумеется, мы боялись, что репрессии дедушки и дяди коснутся нашей семьи, я их очень любил. К счастью, дедушка уцелел, правда, долго не работал, потом стал читать лекции в университете, занимался со мной по математике. До сих пор помню его уроки, я обожал математику. Вначале, несмотря на увлечение музыкой, я внес заявление на физико-математический факультет в Тбилиси и только в последний момент подал в консерваторию.

Странно складывалась моя жизнь. В девятом классе я попал в авиационный техникум, нас обучали монтажу самолетов. Окончил техникум, защитил диплом, работал на 31-м заводе на производственной практике, а параллельно учился в консерватории. Дедушка мне помогал, и я до глубокой ночи занимался. Был страшный голод, а я занимался музыкой. Один раз у меня из носа пошла кровь. В библиотеке, где сейчас 18-я школа. Поскольку дома не было условий для занятий, я занимался в библиотеке. Я потерял сознание по дороге домой, меня нашла мама, которая возвращалась со службы. В техникум брали в военное время ребят. В то время я уже занимался музыкой. Насчет дисциплины было строго. Директор Михаил Артемович Джибути. Были замечательные педагоги: Чихладзе преподавал математику; технические предметы - Капанадзе, аэродинамику - педагог из города Горького Новопавловский, который очень дружил с ребятами. Я видел, как он голодал, хлеб резал на ломтики, похлебка из фасоли. Помню, как один жулик что-то украл из отдела снабжения, и как директор в своем кабинете избил его до полусмерти, а потом сказал - иди и куда хочешь, жалуйся. Однако больше его не видели. Тогда было больше честных и хороших людей. Здесь я подружился с ребятами. Виктор Сокольский закончил МАИ, работает в космонавтике, мы сидели с ним за одной партой. Лева Оников. Никто не мог подумать, что он станет работником аппарата ЦК КПСС. Третий мой товарищ, с которым я очень дружил, Тенгиз Канделаки, сын главного винодела завода вин. Параллельно я учился в консерватории. Поскольку очевидны были способности, меня приняли в класс композиции. Хотел дирижировать.

Я ходил на уроки Александра Васильевича Гаука. Это известный советский дирижер и педагог, учитель Мравинского, у него учились Евгений Микеладзе, Александр Мелик-Пашаев, Вахтанг Палиашвили, Джемал Гокиели, Миша Бахтадзе. Он дал мне первый урок. Я страстно желал учиться, но не смог совмещать с занятиями в техникуме. Фактически профессиональному дирижированию я не учился. Потом Гаук предлагал закончить аспирантуру, но было не до этого. В Москву переезжать не хотелось.

К тому времени я уже много сочинял для души. Дедушка не очень поощрял мои опыты, думал, что лучше бы я стал пианистом. Сочинял пьесы для виолончели и фортепиано, разные картины, был приверженцем программной музыки. Было такое - «Тишина в поле», увлекался импрессионизмом. «Сумеречное настроение» - пьеса. Если учил сонату, сочинял свою сонату, если учил этюд, сочинял свой этюд. Я сам к этому серьезно не относился, но была потребность. Степень увлечения музыкой можно увидеть по такому случаю. Я заболел и вспоминал мелодию из симфонии Дворжак «Новый свет» (Девятая симфония). Я вспоминал мелодию, и настолько она меня захватила, что всю дорогу напевал ее, фантазировал вокруг нее, и пришел домой совершенно не помня, что болен. Видимо, в дороге я пришел в себя, отделался легким недомоганием. Осталось же ощущение, что музыка меня подбодрила. Второй такой случай был позже. Я также был болен, ехал в поезде, услышал грузинский хорал «Ты лоза виноградная» и потерял ощущение времени. Я забыл про болель, в Москве из поезда вышел здоровым. В техникуме в классе Чернявской у меня появились друзья-музыканты. В консерватории в классе композиции моими одно-

С внуком Отаром. 1988

курсниками были Шота Милорава, Резо Лагидзе, Арчил Чимакадзе, Мери Давиташвили. В консерватории тогда преподавали корифеи: фортепьяно – Анастасия Вирсаладзе, Анна Тулашвили, в вокальном классе преподавал и Евгений Вронский и Ольга Шульгина, дирижирование преподавал А.В.Гаук. В консерваторию приезжал очень часто и давал открытые уроки Гольденвейзер Александр Борисович, один из известных педагогов, профессор Московской консерватории Нейгауз Генрих Густавович, профессор Ленинградской консерватории Рязанов, здесь жил Слава Рихтер, жил у моего учителя по полифонии Николая Григорьевича Чигогидзе, жена – Нина Федоровна Козминская – виолончелистка. Это военные годы – 1941-1945. В то время сюда приезжали знаменитые дирижеры. По понедельникам в оперном театре собирался весь город. Давались новинки советской музыки, классики, был чудесный оркестр, руководимый Гауком, состоялось одно из первых исполнений Седьмой симфонии Шостаковича, и Дмитрий Дмитриевич приезжал сюда, и Прокофьев, который переиграл всю свою фортепьянную музыку. Зал делился на поклонников и неприемлющих музыку. Приезжала мать Нины Дорлиак, приезжала и сама Нина, которой аккомпанировал Святослав Рихтер. Это были вечера, равных которым очень мало довелось услышать. Масса тогда не очень тянулась к этому, больше интеллигенция. Сама интеллигенция сейчас увеличилась, но рассредоточилась – техническая, литературная, врачебная. Той интеллигенции, которая соединяла в своем сердце разные отрасли знания и искусства, стало меньше, что говорит о пороках нашего воспитания. Фактически наше общество, по сравнению с теми годами, пошло назад. В этом смысле, видимо, старая закваска – предреволюционная и первых лет революции, была сильна. Но тот факт, что Высоцкий может стать популярнее Анны Ахматовой, говорит о падении. Были прекрасные певцы – Тамара Церетели, но никто не мог сравниться с Иваном Семеновичем Козловским. Были свои кумиры, но кто же мог сравнивать Церетели с Козловским? Сейчас Пугачева популярнее Атлантова или Соткилава. У нас также массовая культура, все ее признаки, средний уровень, т.е. ширпотреб, загордел истинное искусство. Поскольку эти прослойки интеллигенции разошлись по своим специальностям, молодежь мало приобщается к искусству. К сожалению, это так. А то время было изумительным, тогда на концерт по понедельникам в оперу достать билет было просто невозможно. Я пробирался, иногда без билета, сидел на галерке, консерваторских студентов пускали. Когда я был на втором или третьем курсе консерватории, объявили конкурс на создание гимна Грузии. Мы с мамой очень нуждались, и я немного писал. Текст гимна был напечатан в газете. Мама меня утешивала: попытай счастья, напиши. Во время войны был принят Гимн СССР, а до этого «Интернационал», который перевел Акакий Церетели. Я написал музыку как-то одним махом, сдал на конкурс в управление по делам искусств под девизом №9 и совершенно забыл об этом. Моя мать работала художником в оперном театре. Я пришел в театр и услышал, как мой гимн играют вместе с другими. Только тогда понял, что прошел какой-то тур. Второй раз я пришел на последний тур. Тогда и узнали, что я автор гимна. Мой гимн приняли, и я стал автором Гимна Грузии. Меня на его первое исполнение не пустили, я стоял на улице, и когда люди выходили, спрашивал их, как все было. Я был тогда студентом. Защитил диплом в авиационном техникуме и не взял его. Обосновался окончательно в консерватории. Работал очень много. Уже на последних курсах уроков моего педагога по специальности Сергея Васильевича Бархударяна, ученика Анатолия Лядова, профессора Петербургской консерватории, которого я очень любил, стало не хватать, и я стал ходить к Андрею Мелитоновичу Баланчивадзе. По его рекомендации ходил в Дмитрию Шостаковичу. На старших

курсах ходил к Андрею Баланчивадзе по специальности, в конце последнего года – к Шостаковичу и Шебалину. Консерваторский период был сложным для меня. Информации о новом в музыке было крайне мало. Мы фактически воспитывались на классиках – Моцарт, Бетховен, Бах, русской классике, грузинской классике. Это, разумеется, всегда основа всех тенденций, всех обучений, и, наверное, так будет всегда. Но студенческая любознательность выходит за рамки того, что уже создано и ищет новое веяние, новое стремление. Но, к сожалению, информации об этом было очень мало. Тем более нас тянуло к таким личностям, как Шостакович, Мясковский, профессор Московской консерватории, Софроницкий, Прокофьев, Скрябин. Очень мало было литературы о деятельности «французской шестерки» – новое крыло французской музыки. Большую пищу для размышлений давала грузинская народная песня, ее проявление в творчестве Захария Петровича Палиашвили. Каждая талантливая новинка советской музыки была для нас большой радостью, и мы тянулись к этому. Помню исполнение 7,8,9 симфоний Шостаковича, балет «Ромео и Джульетта» Прокофьева, его фортепьянные сонаты, ошеломляющую меня 6 сонату Прокофьева в исполнении С.Рихтера. Но тем не менее мы были оторваны от западной современной музыки. Конечно, то, что к нам проникало, мы знали, но не многое. О Стравинском знали немного, знали немного французского композитора Оливье Месиена, совсем не знали Карла Орфа, крупнейшего педагога и композитора, который в Европе в двадцатые годы завоевал большую популярность. Поэтому эту любознательность мы утоляли в своем творчестве. Я не скажу, что это было плохое время. Нет. Все-таки, такое близкое знакомство с классической музыкой, частое ее исполнение. Это было интересное время, потому что много хороших музыкантов жили в Тбилиси, прекрасные певцы украинской оперы здесь пели в военные годы, к нам приезжали Прокофьев и Шостакович, известные московские пианисты и педагоги. В Москве хотел поступить в аспирантуру и даже показался тогдашнему директору консерватории Виссариону Яковлевичу Шебалину, который согласился взять меня в аспирантуру. Как раз тогда вышло постановление 1948 года о формализме в музыке, по которому Шебалин, один из музыкальных умов, был изгнан из консерватории. Я не поехал в Москву. Я увлекся музыкой Прокофьева, Шостаковича, совершенно не увлекался музыкой Мурадели. Я не поверил в это постановление. Продолжал учиться. Поступил в аспирантуру в Тбилиси, но ездил к Шостаковичу и показывал ему свои сочинения. Благодаря постановлению 1948 года сокрушительной критике была подвергнута группа советских композиторов. Мы, молодые, тогда в это постановление не поверили. Там в основном было об опере «Великая дружба» Мурадели. Были прихвачены Мясковский, Шостакович. В Постановлении ЦК ВКП(б). Жданов проводил совещание. Разные были люди. Некоторые считали, что это правильно, некоторые положения этого постановления выглядели убедительно. Например, народность, красота, изящество. Была фраза, что новой музыке этого не хватает. Потом огульно предавались анафеме. Эта тема очень глубокая. Тогда я над ней задумался очень глубоко. Возможно с точки зрения народности в традиции Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, Палиашвили, Мусоргского они были как-то более широкими. Современное музыкальное направление с точки зрения народности, разумеется, во многом уступает этим авторам и авторам классической венской школы. Но это не причина для такого их отрицания. Во-первых, в творчестве упомянутых композиторов то, что было непонятно 40 лет назад, сейчас стало очень просто, понятно и доступно. Во-вторых, бывали периоды, когда музыка развивалась больше по своим законам для более узкого круга слушателей, для профессионалов, но такие периоды в дальнейшем давали толчок авторам, которые,

использовав эти новации, умели соединить это с народным устремлением. Поэтому охаивание творчества смелых художников, тем более таких гениальных, как Прокофьев и Шостакович, это было невежество. Однако это постановление и вся та аттестация, которая была вокруг этого постановления, были неоднозначны. Тогда стали искать какие-то новые имена, чтобы противопоставить их старым, чтобы доказать, что музыка есть новая, свежая. Возможно, я попал в эту волну. Вскоре после постановления, в 1950 году, я написал первую симфонию, а в 1951 году - Первый фортепьянный концерт, который прозвучал на всесоюзном съезде композиторов и имел громадный успех. Но в другом случае об этом сочинении сказали бы то, что оно заслуживает на самом деле. Это было хорошее сочинение, с большим энтузиазмом написанное, наверное, ярко, пианистически. Все пианисты его переиграли - Иохелес, Оборин и наши грузинские пианисты, и за рубежом играли. Но я попал в эту стезю в поиске новых имен. Дважды был отмечен Государственной премией СССР, и был бы отмечен трижды, уже за Вторую симфонию, которая тогда имела большой успех, но была остановлена выдача Сталинской премии. Мне ее присудили, но не выдали. Так что этот успех был исключительно искусственным, к сожалению. Потому что меня очень хвалили Хренников, Захаров, Коваль, лица, которые нанесли большой урон советской музыке. В тот период я, тем не менее, был горячо поддержан. Много добрых слов высказали в мой адрес и гонимые в то время Шебалин, Мясковский. Они мне сказали прямо о том, что я делал. И я сейчас горжусь тем, что им больше поверил, чем Хренникову и другим. Хотя мнение Хренникова тогда было очень искренним, он очень увлекся моей музыкой. К своей чести должен сказать, что я не клонился в сторону этих людей, остался верен своим прежним симпатиям, хотя мои симпатии были неполными. Я искал в своем творчестве что-то другое на стыке нового и народного. После этого я еще долго это искал. Еще в 1954-1956г.г. я увлекся чисто инструментальной музыкой. Написал Концерт для скрипки по заказу Ойстраха. Как сейчас помню, когда он играл, я сам аккомпанировал, потом сам дирижировал, самый лучший тогда оркестр Всесоюзного радио в Москве участвовал. Но не было у меня полного удовлетворения. Помню, как Шостакович хвалил моего «Мицери», притом хвалил не только в лицо, но я это узнал и от своих коллег-композиторов. Я сохранил о нем самую светлую память. Тем не менее, в этом я не находил полного удовлетворения. И только в 1958 году впервые я по-настоящему серьезно обратился к вокальной музыке. До этого писал кантаты. Песни бывали очень популярны, в Грузии пели мои песни. Но это я писал, как говорится, между делом. А песен было много - и комсомольские, много народных, хоров. Но я в этом не находил полного удовлетворения. По-настоящему вокальной музыкой занялся в 1958 году, и написал первое сочинение, которое мне самому понравилось. Это был вокальный цикл на слова Важа Пшавела, несколько связанных между собой романсов, музыкально связанных. Иными словами, я попытался нарисовать портрет Пшавела в этой музыке. Это было для голоса с фортепьяно. Помню такой случай. Я, как всегда, когда имел возможность, пошел к Шостаковичу и сыграл ему это сочинение. Он был очень чутким человеком и сразу почувствовал, что я ушел в другую сферу музыки. Ему понравилось, он даже попросил подарить ноты музыки, что я и сделал. Я был в 1958 году членом Комитета по музыке. Тогда заседания его были очень бурными, комитет работал часто, не то, что сейчас. Стыдно вспомнить работу комитета сейчас, когда не понятно, каким образом присуждали Ленинскую премию... В первые же годы очень честно работал комитет. Был более узкий состав, в него входили замечательные люди - Г.Уланова, М.Кедров, режиссер, один из братьев кинорежиссеров Васильевых, А.Попов, главный режиссер театра Красной

Армии, честнейший человек, С.Кафтанов, председатель радиокомитета. Комитетом председательствовал Н.Тихонов, человек высокообразованный, перед которым я преклонялся. Комитет по Ленинским премиям в области искусств. Образован в 1856-57г.г. С тех пор я состою его членом, видел все его модификации. Мы присудили всего две премии, остальные восемь остались неиспользованными, до того был строгим этот комитет. Сейчас в список вносят столько людей, сколько премий, а тогда список был большим и ставили на голосование. Но

С.Г.Чиракадзе, И.Чиракадзе и Ириной Архиповой

тот, кто получал премию, получал заслуженно. Можно было сожалеть, что некоторые не получили, но нельзя было сожалеть о тех, кто получил. Государственные органы мало вмешивались в это дело, документ о присуждении премии подписывал Тихонов. Потом жадные руки стали премии прихватывать. Государственные органы дошли до того, что уже зятю Хрущева стали присуждать премию. Так что хрущевское время совсем не было светлым и замечательным. Еще неизвестно, кто совершил большее зло - тот, кто выселил крымских татар или тот, кто эту землю отдал Украине, закрыв тем самым возвращение этих людей. Д.Шостакович забыл мой сборник в комитете, я его прихватил с собой и не сказал ему. Я подумал: если он хватится и если вспомнит, если захочет, отдам сборник. На следующем заседании комитета Шостакович мне сказал, что кажется, забыл ноты, у вас нет другого экземпляра? Я сказал, что эти ноты у меня. Он ноты взял и попросил их надписать. Я надписал.

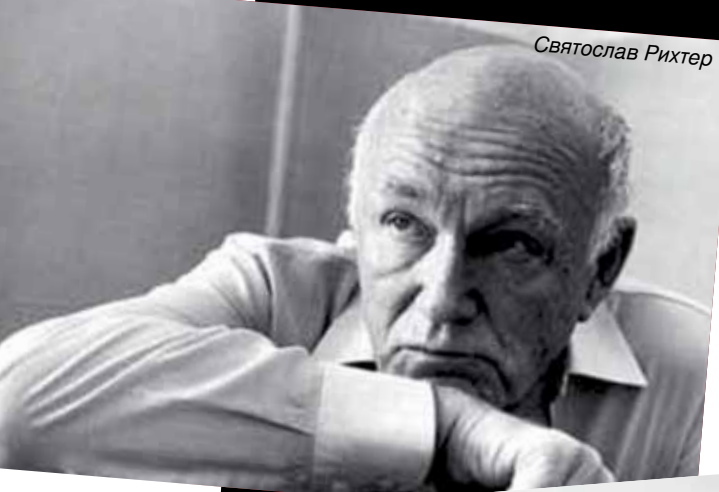
Беседу записал Ника КВИЖИНАДЗЕ
(Окончание следует)

В ШУТКУ

Сальвадор Дали

И ВСЕРЬЕЗ

Святослав Рихтер

Иегуди Менухин

САЛЬВАДОР ДАЛИ

Летом 1966 года мне крупно повезло: я попал в небольшую группу советских музыкантов, возглавляемую Дмитрием Борисовичем Кабалевским и выезжавшей в США на конференцию, посвященную музыкальному воспитанию.

В Нью-Йорке «шефство» над нами взял советский помощник Генерального секретаря ООН У Тана – Виктор Лесиовский. После небольшой прогулки по городу он пригласил нас к себе домой, где-то в районе Уолл-стрита.

Только мы вошли в подъезд, как увидели спускающегося по лестнице человека, которого невозможно было не узнать по его экстравагантным, закрученным вверх усам. Конечно же, это был Сальвадор Дали, который дружил с Лесиовским и, не застав его дома, спускался с третьего этажа.

Лесиовский представил нас знаменитому художнику, но пожать ему руку отважился лишь Кабалевский. Почему? Ни за что не догадаетесь! А дело было в том, что на левом плече у Дали восседал громадный полосатый кот (вернее, дикая кошка – оцелот), который зло смотрел на нас своими зелеными глазами и не проявлял никакого желания познакомиться с нами.

Много лет я тщетно искал в книгах, посвященных С.Дали фотографию с изображением его любимой кошки или хотя бы упоминания о ней. Совсем недавно мне добыли из интернета замечательное фото.

ИЕГУДИ МЕНУХИН

В начале октября 1971 года в Москве проходил VII конгресс Международного музыкального совета при ЮНЕСКО под девизом «Традиции и современность».

Пленарное заседание 6 октября в Колонном зале Дома Союзов открыл президент ММС знаменитый скрипач Иегуди Менухин, которому тогда было 55 лет, хотя он выглядел старше своего возраста. Доклад читал на русском языке, говорил о благородной миссии музыки, дружбе народов и т.д.

Никто в зале, в том числе и «высокий президиум», не мог представить, какой их ожидал сюрприз в конце выступления Менухина. Он поблагодарил хозяев за хорошую организацию конгресса, сказал, что ему доставляет большое удовольствие побывать на родине своих родителей, в стране подарившей миру таких выдающихся наших современников, как Дмитрий Шостакович, Михаил Шолохов, Борис Пастернак и Александр Солженицын.

Эта фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы. Напомню, что к тому времени достигла апогея кампания оголтелой травли Солженицына, завершившаяся его изгнанием из страны.

После окончания доклада раздали жидкие аплодисменты - никто не хотел играть с огнем. Ведь зал наверняка кишел агентами небезызвестной организации.

Я же не удержался, прошел в кулисы и поблагодарил за доклад великого маэстро и благороднейшую личность, каким, без сомнения, был И.Менухин.

Конечно, мой поступок не остался незамеченным – бдительное око органов не дремало, вечером того же дня мне устроили сильный разнос в Союзе композиторов СССР.

Через несколько дней нас ждала встреча с великим музыкантом, на этот раз в его основном амплуа. В Большом зале Московской консерватории Менухин исполнял скрипичный концерт Бетховена. Говорили, что маэстро выступал после длительного перерыва и что он очень волнуется. Вскоре все стало на свое место. Стихия гениальной музыки Бетховена и ее абсолютно адекватная вдохновенная интерпретация буквально околдовали зал. Во время исполнения второй части неожиданно для себя я почувствовал, что по моим щекам текут слезы. Это была чисто физиологическая реакция на чудодействие,

свидетелями чего были все мы, сидящие в зале. Тут мне вспомнились слова Альберта Эйнштейна, после того, как он услышал игру 12-летнего Менухина: «Теперь я знаю, Бог есть!».

Овации не было конца. Зал требовал исполнения на «бис», но маэстро с лучезарной улыбкой ограничился бесчисленными поклонами.

В антракте с большим трудом, благодаря мандату делегата конгресса, удалось протиснуться в артистическую, где выстроилась длинная очередь поздравляющих. Настала моя очередь. Коротко представившись, я поблагодарил музыканта. Ответ его меня изумил: «Спасибо, как поживаете?» неужели вспомнил меня? Это был один из счастливейших дней в моей жизни.

Дополню сказанное сравнительно недавней информацией. Года четыре назад по московскому каналу «Культура» прошла большая передача о Менухине, из которой я узнал, что артист увлекался йогой. Показали его даже стоящим на голове!

Но особенно поразила фраза из выступления Менухина перед многочисленной израильской аудиторией: «Да был еврейский холокост, но ведь были также славянский холокост и цыганский холокост. Не надо об этом забывать». Так мог сказать творец от Бога, каковым был и остается великий Менухин.

СМЕРТЬ ИЗОЛЬДЫ

А теперь хочу рассказать еще об одном сильнейшем эстетическом впечатлении, испытанном тогда же в те забываемые дни.

Гастролировавший в дни конгресса в Москве Венский оперный театр представил в Большом театре оперу Вагнера «Тристан и Изольда», которую я впервые слушал в живом исполнении. Дирижировал прославленный Карл Бем, которому тогда было 77 лет. В течение пяти часов («Тристан» ведь грандиозен и по своим масштабам), Бем, сидя на стуле, скупыми, почти невидимыми движениями руки вел оперу. Из оркестра и со сцены лилась «раскаленная лава» или, если угодно, «огненный поток» звуков.

Когда в финале зазвучала потрясающая трагическая музыка «Смерти Изольды», неожиданно я почувствовал сильный озноб, который все более усиливался. Я начал дрожать всем телом. Естественно, приписал это сырой московской погоде. Так продолжалось до конца оперы. В ожидании худшего я вышел на холодный воздух, но постепенно озноб стал проходить, а вскоре вообще исчез.

КАК «СУДИЛИ» ВЕЛИКИХ

В феврале 1948 года для советской музыки наступили черные дни. Пресловутое постановление ЦК ВКП/б/ об опере В.Мурадели «Великая дружба» надолго отлучило ее от мирового музыкального процесса. Шельмованию подвергся цвет советской музыки, в том числе великие композиторы С.Прокофьев, Д.Шостакович и другие.

Вскоре после постановления эхо громовых раскатов из центра достигло Грузии. В формализме были обвинены Андрей Баланчивадзе, Шалва Мшвелидзе...

Весной 1949 года в Малом зале Тбилисской консерватории состоялось открытое партийное собрание, скорее напоминавшее судебное заседание. «На скамье подсудимых» - Андрей Баланчивадзе и музыковед Владимир Донадзе, посвятивший Первой симфонии Баланчивадзе обширную статью.

Обвинения в основном были стандартные: «формализм», «космополитизм, низкопоклонство». Но звучали достаточно злоешие фразы. Так Донадзе инкриминировалось «преклонение перед маршализованной Европой».

Резолюция собрания предусматривала изгнание из консерватории А.Баланчивадзе и В.Донадзе. В зале

яблоку негде было упасть. Педагоги, студенты, сотрудники консерватории все прекрасно понимали вопиющую несправедливость происходящего, но кто посмел бы выступить против? И лишь, когда Донадзе произнес блестящую защитительную речь, раздалась громогласная овация, повергшая в смущение «судей».

Все это время Баланчивадзе сидел бледный как полотно, лицо же Донадзе покрылось красными пятнами.

Одному Богу известно, чем бы все это закончилось, не появившись в зале в последний момент, наподобие античного «Бога из машины» секретарь ЦК КП Грузии Ростом Шадури, который, похвалив президиум за «партийную бдительность», неожиданно отверг обвинения в адрес Баланчивадзе и Донадзе и квалифицировал их как «честных советских музыкантов». Тут снова разразилась восторженная овация зала.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С РИХТЕРОМ

В сентябре 1943 года я встретил на улице свою учительницу музыки Нину Михайлову (она была тогда замужем за известным поэтом Колау Надирадзе), которая сказала: «Приходи ко мне завтра утром, ты услышишь замечательного молодого пианиста».

Этим «молодым пианистом» оказался 28-летний Святослав Рихтер, который, готовясь к своему первому концерту в Тбилиси, занимался у нее на дому.

На другой день, явившись на квартиру моей учительницы, я увидел худощавого высокого молодого человека, который первоначально привлек меня своими большого размера желтыми ботинками и такого же примерно цвета потертой кожаной курткой.

Вскоре Рихтер приступил к занятию. Мы же с тетей Ниной устроились в другой комнате и приготовились слушать. Почти два часа Рихтер занимался, играл произведения Баха, Бетховена, Шумана. За чаем Слава, как его называла тетя Нина, узнав, что я учусь в музыкальной школе-десятилетке, попросил меня быть «конферансье» на его концерте в Малом зале консерватории. Я, конечно, с готовностью согласился. На концерте Рихтер изумительно играл Прелюдии и фуги Баха, «Фантастические пьесы» Шумана и 28-ю сонату Бетховена, став кумиром тбилисской публики. Много лет спустя Рихтер сделал такую дневниковую запись: «Я впервые выучил и сыграл II том Баха в 1943 году в Тбилиси ... Сначала играл для студентов, потом в концерте ... Это собственно и было началом моей карьеры».

Среди многих забываемых концертов великого пианиста хочу выделить еще два.

Весной 1951 года в Малом зале консерватории для студентов и педагогов Рихтер исполнил сонаты Бетховена, в том числе, «Аппассионату». Зал, затаив дыхание, слушал этот шедевр исполнительского искусства.

Помню, рядом со мной сидел известный музыковед Григорий Чхиквадзе. Когда отзвучал последний головокружительный пассаж гениальной сонаты, мы оба, словно движимые какой-то силой, поднялись с кресел. Обернувшись, я увидел, что стоял весь зал.

Это было одно из самых сильных эмоциональных впечатлений, когда-либо испытанных мною от музыки.

И еще об одном случае. В мае 1966 года Рихтер играл сольный концерт в оперном театре. Последним номером была «Баркарولا» Шопена. После концерта я пошел поздравлять Святослава Теофиловича, поблагодарил его за доставленное громадное эстетическое удовольствие, вспомнил при этом, что «Баркаролу» играл его педагог, забытый Генрих Густавович Нейгауз.

Ответ Рихтера буквально потряс меня: - Да, но он играл лучше!

Эта фраза глубоко запечатлелась в моей памяти. В ней все величие Святослава Рихтера, творца и человека.

Гулбат ТОРАДЗЕ

«О, ЭТИ КЛАДБИЩА ИСКУССТВА! О, ЭТИ СВАЛКИ ИСТОРИИ!»

Если бы где-нибудь в Британском музее была уютная комнатка не больше чем с двадцатью экспонатами, с хорошим освещением, удобными креслами и табличкой, приглашающей закурить, думаю, я бы не выходил из музея.

Джозеф Пристли

Под пронизывающим ветром с Невы, который рвал зонтики из рук, стояла унылая толпа жаждущих приобщиться к высокому искусству, спрятанному в теплых залах и многочисленных анфиладах Эрмитажа. Очередь вытянулась вдоль всего здания и даже завернула за угол, и было совершенно очевидно, что ни на какого Ван Гога мы не попадем или попадем под самое закрытие. «Я поведу тебя в музей, - сказала мне сестра» - недобро сам себе пропел я детский стишок и полпелся в сторону метро, ругая на чем свет стоит музейных монстров с их хронофагией, с их очередями, с их японцами с видеокамерами и экзальтированными дамочками, бегающими от картины к картине с готовым выражением восторга на лице. Кроме Эрмитажа «под раздачу» попали все знакомые мне музеи: и Третьяковская галерея, и Лувр, и Прадо... С тоской я вспоминал крошечный музейчик Ван Гога — кажется, Крелер-Мюллер в городишке Оттерло. Никакой тебе очереди, сухо, тепло, поят кофе. И возникла крамольная мысль — а не распылить ли эти мегахранилища на маленькие, человеческие музейчики. В конце концов, живем в 21 веке, пользуемся интернетом. А интернет приучил к тому, что интересные сайты должны быть узкоспециализированными. В нашем случае, захотел Ван Гога — набери «Ван Гог» в строке поиска, захотел про клозеты императрицы или, скажем, про чистку каминов в великокняжеских дворцах — пожалуйста, будьте любезны... И действительно, если разобраться, как представляется нам современная центральная пешеходная улица в городе? Это кофейни и ресторанныки, сувенирные лавки и бутики и, конечно, частные музеи. Глобализация приучила

нас к понятию «жанра» - специализированного выбора по интересам. Но не все так просто...

Этой теме и посвящен разговор с Валерием Переверзевым, владельцем двух московских частных музеев на территории ВВЦ (Всероссийского Выставочного Центра), одним из руководителей гильдии частных выставок и музеев. Валерий — настоящий профессионал и фанат своего дела. Он совершенно не похож на чопорного директора из обывательского стереотипа. Вот как он сам себя описывает: «Я, обученный офицер, сейчас мало напоминаю человека со строевой выправкой, подстриженного по уставу. У меня волосы ниже плеч, одет вместо всех уравнивающей военной формы в эксклюзивную майку, подаренную самим Гальяно, модные понтовые джинсы с заплатками и дырками. Мое запястье украшают браслеты, и трудно заподозрить, что еще недавно я командовал лопухим солдатикам «Равняйся! Смирно!» или «Два наряда вне очереди!» Я веду светские беседы с VIP-персонами на стильных презентациях, практически не отрываю мобильный телефон от уха, провожу бесконечные переговоры с деловыми партнерами. Короче, как и почти все в наше время, я стал не тем, кем был и честно учусь всему новому не по учебникам».

Думаю, что лучшего собеседника на тему малых музеев не найти.

- Воистину правы мудрые китайцы со своим проклятием «Чтоб жить тебе в эпоху перемен». Привычный, сложившийся за века и десятилетия уклад разрушился, и все мы живем в другом мире, где подчас совсем иные ценности. То, что казалось незыблемым и важным для общества, оказалось на обочине. Это касается и музеев, которые с любовью и тщанием собирали наши отцы и деды. И может быть, именно сейчас стоит поговорить о судьбе музейного феномена и о способах спасения нашего исторического наследия. Появилось такое расхожее мнение, что людям огромные музеи больше не нужны. Они ходят туда, чтобы отметить, поставить галочку, купить сувениры и уйти. Как ты это прокомментируешь?

- Это, мне кажется, становится все более и более справедливым в отношении государственных музеев. Там самое главное — вход или выход через сувенирный отдел. А в частных музеях главное — увидеть все от и до. «А он большой?» «А нам расскажут?» «А мы сфотографируемся?» «А можно потрогать?» У людей появляется блеск в глазах. Здесь они хотят все.

- Почему не везде так? Дело только в том, что масштаб маленького частного музея человек способен охватить за один раз?

- Почему частные музеи? Любой человек, собравший достаточно большую и интересную коллекцию, достойную названия «музея» - это хороший рассказчик и безусловный фанат своего дела. Каждый экспонат найден где-то им самим, а не свалился в руки с неба. У каждого экспоната есть история. Вот заходишь ты в Государственный Исторический музей и висит там, условно говоря, сюртук Петра Великого. И есть стандартная фраза, которую говорит экскурсовод: мол, у Петра были узкие плечи, высокий рост и проч. А спроси у этого экскурсовода — а как этот сюртук попал сюда? Какая ему разница как, попал как-то. А для любого частного коллекционера история странствий этого предмета едва ли не главнее, чем сам сюртук. Как какая разница?! Он тебе расскажет историю на два тома, как он его добывал... До революции это в России практиковалось, и все музеи, в том числе Третьяковская галерея, музей Бахрушина и прочие — это частные коллекции. Они себя зарекомендовали. Но они были национализированы уже в 1917 году.

- Нет, очень многие отдали сами владельцы. Как раз Бахрушин и как раз Третьяков — известные меценаты... Правда, у Щукиных, Морозовых и Мамонтовых их попросту экспроприировали, так скажем. Некоторые обвиняют твоих коллег в излишнем интересе к финансовой отдаче.

Для тебя музей – это, в первую очередь, бизнес или просветительская работа?

- Если бы я был в то время на месте Третьякова, я бы тоже отдал все государству – больше никому. Но самое главное – институт частных музеев был потерян. В области культуры и искусства частных промышленников больше не было. А «наше» - это, на самом деле, ничье. Для меня это и бизнес тоже, поэтому я вкладываю силы и средства в пиар, в развитие, в расширение музея. Работаю с максимальной отдачей. Не прячу экспонаты в ящики. Приехавший ко мне в гости итальянец зевал, гуляя по Историческому музею. А потом я завез его на Вернисаж – так он чуть ли не со слезами на глазах спрашивал меня: «Валера, почему мы сюда пришли только в самый последний день?» Там можно все потрогать, о каждой мелочи услышать целую лекцию. Как и у Федора Шидловского в музее, кстати, экспонаты разрешается трогать руками – это все специально для посетителей. И я тоже ничего не прячу под стекло – пусть все будет видно, пусть все будет близко и выразительно. Изоляция экспонатов способна любой подлинник заставить выглядеть как новодел.

- Одна из функций государственного музея – это научная работа. Привлекаются специалисты, исследователи, прорабатывается тема. А в малых музеях, прости ради Бога, все выглядит очень и очень подозрительно. Скорее звонкий исторический анекдот, чем действительная научная справка. У тебя тоже в своем масштабе проводится какая-то научная работа?

- Подход очень сильно разнится. Попадает вещь в большой музей. Проходит через научный отдел, который ее оценивает, классифицирует, вешает ярлычок – к примеру, «эполет, принадлежал генералу времен Александра III, год такой-то». Лежит этот эполет и, как максимум, висит рядом жалкая табличка с изображением генерала и деталями его биографии. Для Государственного Исторического музея этот эполет – капля в море, пятиллионный по счету мелкий экспонатик. А если бы он попал в мои руки, он стал бы одним из первых экспонатов моего музея. И история бы о нем была совсем другой. Я бы не только собрал о нем всю возможную информацию – я бы адаптировал ее для посетителя. Я не рассказываю с высоты полета кандидата исторических наук. Я рассказываю тебе – посетителю – от лица человека, который сам только недавно обо всем узнал, которому самому интересно. Знаешь, если хочешь научиться делать подъем с переворотом на турнике, то учиться лучше не у олимпийского чемпиона, а у лейтенанта «химзащиты», который позавчера сам научился.

- Точно так же, как операцию аппендицита должен делать обычный дежурный врач, потому что главный хирург – он просто не помнит, как это делается, он это делал на первом курсе... Он все испортит.

- Точно так же как моя мама, которая не просто кулинар – она заведовала трестом ресторанов города, инспектировала, выдумывала новые рецепты – готовит хуже моего отца. Она привыкла готовить на две-три сотни человек. Но не варить супчик одному Валере. Она всегда обижается, когда я говорю: «Пап, ты готовишь вкуснее» - но он готовит лично мне, и это действительно так. И экскурсовод в музее должен рассказывать лично мне, а не группе из нескольких десятков усредненных граждан.

- Слово «вкусно» ты нашел очень подходящее. Рассказывать тоже нужно вкусно.

- Посетители часто говорят: «Почему мы должны идти к вам, а не в Оружейную палату?» Я отвечаю: «Вам нужно и в Оружейную палату, и в Третьяковскую галерею съездить, и в Лувре побывать. И ко мне тоже. Потому что должны работать и огромные экспозиционные центры, и маленькие частные музеи. В симбиозе».

- Давай пофантазируем, как они могли бы взаимодействовать к обоюдной пользе...

- Нужно распределить задачи. В Государственном Историческом музее экскурсантам могут заложить в голову фундаментальные основы - этакую общешкольную программу. Но у них там пять миллионов мелочей в хранилище, они не могут уделить всему внимание. Однажды я увидел там «Медаль за пьянство» и поинтересовался у экскурсовода – что это? Услышал невнятный ответ – да мол, было нечто этакое, учредил Петр I, и при Екатерине ее вроде бы вешали... Ну, в общем, давайте продолжим экскурсию. А ведь могла бы не замять эту тему, а отправить любопытствующего с его «точечным» вопросом в специализированный музей – это ко мне, в данном случае, в музей телесных наказаний. Ему бы там все рассказали от «А» до «Я». Там прозвучали бы те же имена – Петр, Екатерина – но с кучей мелких подробностей закрепились бы эта информация. А потом можно опять идти в Государственный... Или сказали бы там мимоходом, что Екатерина очень любила пряники, а после отправили в Музей Пряника – есть такой. И по поводу кружев на ее платье – в этнографический... Большой музей – это тяжелая артиллерия, которая «задвигает» по всем направлениям. А мы – снайперы, наша информация бьет прицельно. И в комплексе это работает. Все должны быть в одной обойме и выполнять единую функцию.

- То есть, должен быть единый реестр музеев государственных и частных для того, чтобы систематизировать работу так, как ты говоришь. И не просто список, лежащий мертвым грузом в чьих-то архивах – экскурсоводам нужно провести соответствующую переподготовку. Чтобы знали, куда и за какими сведениями перенаправлять посетителей. Хотя лично мне в такую дружбу верится с трудом. Чтобы высокомерные академические музеи признали равными маленькие частные лавочки... Сомнительно это.

- Сотрудничать могут не только музеи. Я не так давно разговаривал с дядечкой из Вены, он руководитель музея криминалистики. Музей частный, но с государством он в тесном контакте. Министерство внутренних дел знает, что есть такой музей криминалистики. И как только у них проходит какое-нибудь громкое и нестандартное дело – там, убил какой-нибудь мужик жену мясорубкой, например, - после закрытия дела, когда всех виновных посадили, а мясорубка уже не нужна как вещественное

В музее Валерия Переверзева

доказательство, ее отправляют в этот самый музей. Понадобится – обратно попросят.

- Валерий, извини за проведенную аналогию. Можно сказать, что ты, как журналист из желтой прессы, постоянно выискиваешь шокирующие или курьезные детали, чтобы привлечь внимание экскурсантов? Это я о скандалности некоторых твоих экспонатов – вроде Медали за Пьянство или пояса верности.

- Как говорил наш приятель Федор Шидловский, владелец музея «Ледниковый период» - одного из луч-

ших, между прочим, в Европе музеев по этой тематике - несмотря на культурно-образовательную составляющую нашей работы, мы выполняем развлекательную функцию. Развлекательную. И ничего в этом обидного нет. Просто мы хотим на этом заработать. Рядом стоит музей – Шереметевская усадьба – ему этого не надо, у него миллионные дотации от государства. Даже если не придет ни один посетитель, музею от этого ни жарко, ни холодно. Поэтому у них ходят по залам вялые экскурсоводы, сидят зрители «мистер Бин засыпает» и никто не заинтересован в улучшении ситуации. Я делаю все для того, чтобы привлечь и развлечь посетителя. И все мои коллеги поступают так же. Знаешь, посетитель чувствует себя здесь выше меня самого. Он может потребовать: «А вот расскажите-ка мне то-то и то-то», а я обязан отвечать. В государственный же музей он приходит как школьник, не выучивший урок, и смущается перед любым экскурсоводом. Это не совсем правильно...

- Как ты считаешь, проблема частных музеев интересует кого-либо, кроме их владельцев? Я задаю этот вопрос неспроста. В последние годы случилось так, что я много снимал и писал о малых музеях на Западе. Ты будешь поражен, но у них совершенно другие проблемы. Государственный протекционизм музейного дела привел к тому, что спонсоры встают в очередь, чтобы помочь. Намекают, что это связано с облегчением налогового бремени – дескать, поможешь культуре, меньше заплатишь. И эти маленькие музеи, надувая щеки, надменно и с апломбом рассуждают: «этот достоин нам помочь, а вот к деньгам этого мы даже не прикоснемся». У нас же, в наших новых странах, ситуация прямо противоположная. Могут и музей разгромить, чтобы отхватить площадь.

- Случается и такое. Но спонсор у них и спонсор у нас – это две большие разницы, как говорят в Одессе. Их спонсор хочет заработать репутацию. Наш спонсор хочет, чтобы его деньги были отработаны. Поэтому мы стараемся по возможности обходиться без чужих денег, как бы ни было трудно.

- Есть шансы, что проблема привлечет когда-нибудь массовое внимание и вот эти мечты о «музеях для посетителя» осуществляться?

- Эта тема периодически поднимается, хотя не так ча-

Экспозиция музея

сто, как хотелось бы. В частности, на телеканале «Культура» меня приглашали вместе с директорами других музеев на передачу «Пресс-клуб 21». Тема называлась «Борьба частных музеев и государственных». Я их там, этих директоров, разнес по всем корочкам... Посмотри-те.

- Есть какие-нибудь критерии для того, чтобы объявить музеем частную коллекцию? Вот мой друг собрал полторы сотни колокольчиков, очень любит он их. Что ему может помешать, к слову, открыть музей колокольчика где-нибудь на ВВЦ, с тобой по соседству. И более того,

что может помешать любому из нас обзавестись личным музеем? Пускай маленьким и неудачным, но зато собственным, с вывеской и полутора экспонатами?

- На ВВЦ как раз, к сожалению, куча палаток площадью 2x2 метра работают под музей. «Музей котят» там, например. Заходишь – сидит десяток котят, на птичьем рынке и то больше. Или «музей кривых зеркал» – купил десяток по дешевке, снял помещение и греби себе деньги. А в остальном мире существуют критерии отбора, чтобы такие палатки не работали под музей. В Лондоне, например, очень следят за этим, они молодцы. Первое – это экскурсионное обеспечение, оно обязательно. Если нет подготовленного экскурсовода – до свиданья. Второе – это площадь, она не должна быть меньше какого-то определенного минимума. И третье – цена. В Лондоне нельзя сделать выставку, билет на которую будет дешевле 11 фунтов. Это предохраняет музей от демпинга – не удастся крошечному музею пристроиться рядом с большим той же тематики и переманить посетителей низкой ценой на билет.

- Конечно, дальше уже произойдет «естественный отбор». За 30 рублей не жалко и на котят посмотреть, а вот 11 фунтов просто так не выложишь. За эти деньги человек вправе чего-то ожидать. Плохой музей просто прогорит из-за отсутствия посетителей. Не удастся обмануть всех сразу. А репутация малых музеев частенько оставляет желать лучшего в глазах общественности. Давай скажем честно: государственные музеи – они служат науке. А частные – посетителю, потребителю. Потому что существует фундаментальная наука и популярные толкования. Хотя популярные книжки иногда для начала читать лучше, чем специализированные.

- У государственных основная функция – не экспонирование, а хранение. Взять на хранение артефакт и сохранить должным образом. Более того, расскажу реальный случай, произошел в Нижнем Новгороде, где-то в 20-х годах, не помню точно. Нашли клад, замурованный в какой-то стене. Золото там, бриллианты. Весть потрясла не только нижегородцев, до самой Америки докатилась. Ну, полагается вроде бы выставить это все в музее. Что они сделали? Заказали копии всех этих монет, ювелирных изделий, разбитых горшков, в которых все хранилось. Оригиналы убрали подальше и эти копии выставили на обозрение. Ходили люди и смотрели на эти реплики. Абсолютная фальсификация, бред. Говорят вот, что хотя засудить Киркорова за то, что поет под фонограмму – а музей работают под фонограмму! Но иначе тоже сложно. Чтобы выставить настоящий клад, им нужно было нанять такую охрану, которая бы им счет выставила на полмиллиона в месяц, бронированные стекла поставить, аппаратуру всякую. И они сказали себе – зачем платить полмиллиона в месяц, если можно за полмиллиона изготовить копию клада, выставляя его и спать спокойно. Получается, музеям выгодно выставлять подделки. Это нормальная и повсеместная практика.

- Я бы подвел итоги так: институт частных музеев, о котором ты говоришь, очень нужен именно в этой исторической эпохе. А когда была война, когда была разруха – вот тогда государство должно было се централизовать, взять в железный кулак мелкие частные коллекции, сбить из них огромный музей и сохранить. Не дать разграбить. Сейчас в Египте идет война, в городе бардак, ввели войска. И что они сделали в первую очередь? Окружили бронетехникой каирский музей, где лежат мумии, где Тутанхамон и прочие реликвии... Это как чередование, как бьется сердце: систола – диастола, систола – диастола, сжалось - разжалось. Вот сейчас у нас время диастолы, нужно не сжимать кулак, а разжать ладонь, сделать много маленьких музеев. Потом, если, не дай Бог, что-то случится, надо будет снова собрать все в кулачок при помощи государства или частного инвестора...

Роб АВАДЯЕВ

Сигнахи. Башня с часами

Годердзи Чохели

ГОДЕРДЗИ ЧОХЕЛИ ЯРКИМ МЕТЕОРОМ ВОРВАЛСЯ В ГРУЗИНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ В КОНЦЕ 70-Х ГОДОВ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ. ПЕРВЫЕ ЖЕ ЕГО РАССКАЗЫ ПРИВЛЕКЛИ ВНИМАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ, КАК СПРАВЕДЛИВО ОТМЕЧАЛА КРИТИКА, ОН УТВЕРДИЛСЯ В ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ НА УЧЕНИЧЕСТВО, СРАЗУ ЖЕ ЗАЯВИВ О СЕБЕ КАК О МАСТЕРЕ. В МАЛУЮ ФОРМУ РАССКАЗА ОН УХИТРИЛСЯ ВТИСНУТЬ ОБРАЗЫ ЭПИЧЕСКОГО МАСШТАБА, И КАК ЕМУ ЭТО УДАВАЛОСЬ – ЗАГАДКА. А ЕЩЕ ГОДЕРДЗИ ЧОХЕЛИ СНИМАЛ ФИЛЬМЫ. ПО СВОИМ СЦЕНАРИЯМ. И ВСЕ О ЖИЗНИ ГОРЦЕВ. СЪЕМКИ ФИЛЬМОВ БЫЛИ, ПО ЕГО СОБСТВЕННОМУ ПРИЗНАНИЮ, ЛУЧШЕЙ ИЗ ПРИЧИН ЕГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО БЕГСТВА В ГОРЫ. ОН ТОСКОВАЛ БЕЗ НИХ. ВЫНУЖДЕННЫЙ ПО РОДУ СВОИХ ЗАНЯТИЙ ЖИТЬ В СТОЛИЦЕ ГОДЕРДЗИ ЧОХЕЛИ НИКОГДА НЕ РАССТАВАЛСЯ С НИМИ СЕРДЦЕМ. ОНИ ПИТАЛИ ЕГО ТАЛАНТ, НАПОЛНЯЛИ СИЛОЙ И ЗДОРОВЬЕМ. ОН ЛЮБИЛ ИХ. И ТЯЖЕЛО ПЕРЕЖИВАЛ, КОГДА В ГОДЫ БЕЗВРЕМЕНЬЯ БЫЛ ЛИШЕН ВОЗМОЖНОСТИ ПОДНИМАТЬСЯ В ГОРЫ. МОЖЕТ БЫТЬ ПОТОМУ ОН ТАК РАНО УШЕЛ ОТ НАС...

Из птиц воробьи и вороны особенно преданы гудамакарцам. Разумеется, и других пернатых здесь великое множество, особенно в летнее время, но с наступлением осени из страха перед здешней долгой зимой они обычно покидают Гудамакари, и в ущелье остаются лишь воробьи и вороны. Впрочем здесь зимуют и другие птицы: сойки, дрозды, орлы, галки и, по-моему, даже совы, потому что с наступлением ночи слышно, как они перекрикиваются с горы на гору:

ВОРОНА

– Абрамооо!
– Ооо! Ооо!
– Что, нашел?

– Нет, нет! – плача отвечает сова, и обреченная безысходность ее голоса леденит сердца и колени и без того обледенелых гудамакарских гор.

Сойки избегают гудамакарцев, пролетят над головой, поднимут за что-нибудь на смех и усядутся где-нибудь на ветке шиповника.

А орлов и подавно не выкуришь из скал. Галки стайками носятся в расщелинах высоких гор, им нет дела до жизни гудамакарцев, они днями напролет оглашают горные вершины своими криками: «Чкачка!»

И лишь воробьи да вороны ведут себя здесь по-домашнему. Воробьи гомонят в саманках, а вороны с высаженных возле домов деревьев ведут наблюдение за гудамакарцами: кто чем занят, кто к кому ходит в гости, похоже, им известно и то, как кого зовут. А вообще-то они лишь каркают дни напролет, мол, не требуйте от нас большего, мы знать ничего не знаем.

Раз зимой Пхукия заметил, что одна ворона тенью следует за ним, куда Пхукия, туда и ворона, опустится на ветку дерева и кричит:

– Каррр!

Поначалу Пхукия не обращал на нее внимания, но со временем так привык к ней, что если птицы не оказывалось рядом, он испытывал непонятное беспокойство.

Пришла весна.

Пхукия вынес на плоскую кровлю своего дома лоток с сыром, ячменным хлебом и маринованным чесноком. Пхукия радовался весне.

– Эй, дед, поднимайся, – крикнул он старику, – выпьем по одной!

– Напою коров и приду, – отозвался тот.

Пхукия сидит и ждет старика. Перед ним – лоток, рядом – кувшин, полный «жипитаури»

Вдруг с дерева слетела ворона и под носом у Пхукии стащила с лотка кусок сыра.

– Ты смотри на нее! – разозлился Пхукия.

А ворона, вернувшись на ветку, проглотила сыр и каркнула в адрес Пхукии:

– Каррр!

– Каррр! – передразнил ее Пхукия.

– Каррр! – вновь каркнула ворона и уставилась на Пхукию.

Потом слетела с дерева и уселась прямо перед ним. Пхукия наполнил рюмку «жипитаури» и выпил. Когда он вторично наполнил рюмку, ворона, не дав ему опомниться, опорожнил ее, и притом добавила, как это обычно делал Пхукия:

– О, хорошо!

Пхукия чуть не спятил.

– Ты, что, разговариваешь? – невольно вырвалось у него.

– Ты, что, разговариваешь?! – повторила ворона.

– Да она же чокнутая, черт возьми! – в сердцах воскликнул Пхукия.

– Да она же чокнутая! – эхом отозвалась ворона.

Жена стояла тут же и безмолвствовала.
– Валико! Валико! Поднимись на минутку!
– Что у тебя? В чем дело?! – крикнул в ответ Валико.
– Поди сюда! Я тебе такое покажу!
Поднялся Валико.
– Ну что у тебя?
– Послушай, мне это кажется или...
– В чем дело, объясни!
– Да вот эта ворона только что разговаривала.
Валико бросил на соседа подозрительный взгляд.
– Ворона!? Еще чего!
– Еще чего! – повторила ворона.
– Вот это да!
– Она на самом деле разговаривает?!
– А я о чем! Не кажется ли мне это...
– А что она сказала в первый раз?
– Пхукия!
– Господи, спаси и сохрани!
– Спаси и сохрани, – повторила ворона и выпила водку.
– Она еще и пьет, я ее...
– Я ее, – сказала ворона и перелетела на дерево.
– Пхукия! Пхукия! Пхукия! – прокричала она оттуда.
Валико ушел, и через час удивительная новость облетела все село.
Люди шли и шли к дому Пхукии.
– Нет, определенно война начнется! – пришел к заключению Эфрос.
– Нет, определенно война начнется, – передразнила его ворона и добавила, – не к добру это, когда вороны начинают трепаться!
Пхукию забросали вопросами: откуда он ее взял, как приручил, как вырастил... И Пхукия рассказал. Валико, сосед Пхукии, в тот же день притащил домой десять воронят и посадил их у цыплятам.
– Убейте эту ворону, не то война начнется, – требовал Эфрос.
Но люди скорее убили бы Эфроса, нежели ворону.
Валико сутки напролет учил своих воронят говорить, но они, чуть окрепнув, набросились на цыплят и принялись их есть. Валико терпел-терпел, а потом шуганул их из курятника.
Когда Пхукия оставался один, он вытаскивал на крышу лоток, ставил одну рюмку для себя, вторую для вороны и произносил тост:
– Давай выпьем за мир!
– Нет, нет! Определенно война начинается! Когда вороны начинают разговаривать – это к войне, – голосом Эфроса отвечала ворона.
– Что ты его слушаешь, не понимаю, пей за то, что я говорю!
– Да здравствует мир! – отзывалась ворона голосом Джгуны и опрокидывала рюмку.
Потом они пили за будущее поколение, потом – за погибших на войне, потом – за ушедших от нас, потом – за тех, кто остался.
– Что наша жизнь – пшик! Приходим, уходим и что оставляем после себя?..
– Наша жизнь – пшик, – согласилась ворона.
– Порой мне хочется улететь с земли, мне страшно, я знаю, земля съест меня, и мне страшно.
– Земля съест меня, и мне страшно, – повторила

ворона.
Пхукия закурил, выпустил через ноздри струи дыма. Положил на столик сигарету. Ворона взяла ее и тоже затынулась.

– Но я все же должен сказать правду, я люблю землю, несмотря ни на что люблю.

– Несмотря ни на что люблю, – произнесла ворона.

– Знаю, что она съест меня, но все равно люблю.

– Все равно люблю, – откликнулась ворона.

– Тебе-то что, ты вот ворона, а говорить умеешь. Вот если бы я мог летать, тогда быть может я улетел бы с земли.

Ворона взлетела в воздух и, передразнивая Эфроса, закричала:

– Нет! Нет! Определенно война начнется!

– Спускайся, выпьем еще по одной! – зовет ее Пхукия. Они выпили еще по одной.

У вороны на дереве устроено что-то вроде ложа – Пхукия постарался.

Ворона сидела на дереве и передразнивала Эфроса:

– Нет! Нет! Начнется война, если не убить эту ворону!

И не видела ворона, что Валико целится в нее.

Звук выстрела оглушил все село.

Ворона камнем упала с дерева и глухо стукнулась о землю.

– Молодец! – одобрительно крикнул Эфрос в адрес Валико. – Правильно сделал, что убил ее, не то непременно началась бы война!

Все село устремилось к дому Пхукии.

Тем временем ворона очнулась. Пулей ей оторвало лапку, и она тщетно пыталась встать. Но вот она взмахнула крылами и полетела.

Все село бежало за ней, а ворона постепенно поднималась все выше и выше. Под конец достигла края неба и растворилась в его голубизне.

– Куда она подевалась?

– Куда она могла податься?!

– Почему она не возвращается? Где она до сих пор? – спрашивают Пхукию соседи. Что-то тревожит их. Они чувствуют, что утратили нечто значительное.

– Куда она могла деться, куда?!

– Наверное, улетела с земли, – сказал однажды Пхукия.

Соседи ничего не поняли. Они прочно, надежно стояли на земле, и земля, в свою очередь, надежно вращалась в небесной бездне.

ДЕВЯТЬ ВОПРОСОВ О СУЩНОСТИ ЛЮБВИ

1.

- Простите, ваше имя?
- Гоча.
- Фамилия?
- Чопикашвили.
- Сколько вам лет, Гоча?
- Шестнадцать.
- Подружка? Чего смеешься?
- Да не знаю...
- Как зовут?
- Кого?
- Твою подружку.
- Да не знаю...
- Не знаешь имени своей подружки?
- Нет, я и видел ее всего-то раз, да и то издали.
- Как ты думаешь, что такое любовь?
- Да не знаю... Может быть это вечная мечта...

2.

- Марта Пирвели.
- Ого! Какие звучные у вас имя и фамилия!
- Правда?
- Да, мне очень нравится.
- Ой, большое спасибо.
- Марта, можно задать вам несколько вопросов о любви? Вы не рассердитесь?
- Ну что вы, я очень люблю поговорить на эту тему.
- Ну раз так скажите откровенно, вы любите кого-нибудь?
- Нет, я замужем!

3.

- Ваше имя?
- Мое?
- Коля, Николоз, а вообще-то меня зовут Никифоре.
- И какое имя вы предпочитаете?
- Я? Нико.
- А как ваша фамилия?
- Чукуртмишвили. Никифоре Чукуртмишвили.
- Жена и дети есть?
- От первой жены – сын, он сейчас в армии, вот жду от него письма. От второй жены – дочь и сын, младший в восьмом, старшая в десятом учится. Она у меня умница, а вот парень хитер, все обмануть норовит. Ну это не страшно. Парень таким и должен быть, выносливей будет в жизни. А я что не таким был? Третья жена бездетной оказалась, но ничего не поделаешь, не выгонишь же... И потом у нее такие братья, сожрут, не подавятся.

– А как вы думаете, что такое любовь?

– А ты не слышал, страх творит любовь, это так, на сто процентов. Ну что мне делать, если она родить не может, а братья у нее просто людоеды. Вот и люблю, ничего не поделаешь, выше головы не прыгнешь.

– А что скажете о любви к детям?

– О, это самое святое для меня.

– Часто видите?

– Нет, но исправно отсылаю алименты.

4.

- Ты в каком классе учишься, Ладо?
- В четвертый перехожу.
- Какие у тебя отметки?
- Да не знаю...
- А вот твоя одноклассница сказала мне, что ты двоечник, это правда?
- Двоечник? Еще чего!
- Какие же у тебя отметки?
- Пятерки, четверки, иногда тройки.
- Как твоя фамилия?
- Циклаури.
- Подружка есть?
- Подружка? Еще чего...
- А мне сказали, есть.
- Враки.
- Она твоя одноклассница?
- Кто?
- Ну та, которую ты любишь.
- Никого я не люблю!
- А мне сказали.
- Что сказали?
- Ладо, мол, любит девочку, что сидит в классе за ним.
- Не за мной, а передо мной, – вырвалось у Ладо и, вспыхнув от стыда, он опустил голову.

5.

- Что я могу сказать о любви, я уже не в том возрасте.
- В каком это?
- В том, когда думают, что любовь действительно существует.
- Вы хотите сказать, что...
- Да, да, раньше и я так думала, но, как оказалось, все это детские иллюзии.
- А как вы поняли, что любви нет?
- Очень просто. Мы расстались, когда закончили школу. Я поступила в институт, а он ушел в армию.
- Что было потом?
- Потом я вышла замуж за своего однокурсника.
- Почему, вы не любили своего парня?
- Вы прямо как мой муж рассуждаете.
- И все же?
- Любишь, не любишь, любит тебя, не любит... при чем тут слова, главное элементарно понимать друг друга, так ведь?
- И в чем же заключается это элементарное понимание?
- Думаю, во многом, ну, хотя бы в том, чтобы не требовать отчетов – где была, почему опоздала, это ведь мелочи, не так ли?
- Смотря по обстоятельствам.
- И вы туда же!

– Куда это туда же?!
– Вы рассуждаете как мой бывший муж.
– Мириться не собираетесь?
– С кем? С ним?
– Простите.
– Ничего.
– Еще один вопрос: встретить вы свою первую любовь, и предложи он вам возобновить прежние отношения, как бы поступили?
– Это вы о ком?
– О вашем однокласснике. Надеюсь, он уже вернулся из армии.
– А, вы о Гоче... А мы встретились, и он, узнав, что я развелась с мужем, предложил возобновить отношения. Так, мол, и так, без тебя жизнь не жизнь.
– А вы что?
– Я сказала, что подумаю. Это случилось 29 января, и мы договорились встретиться через месяц, 29 февраля, и я обещала дать ответ. Своего адреса я не оставила намеренно, и всех общих знакомых предупредила, чтоб не говорили ему, куда я переехала.
– Почему?
– Потому что хотела знать, любила ли я его на самом деле или нет. Если да, я безусловно встретилась бы с ним в условленном месте ровно через месяц. Но не ранее, понимаете? Я проверяла себя.
– И что же выяснилось?
– А то, что в том феврале было 28 дней.
– И вы не встретились.
– Я пришла в условленное место и 28 февраля, и 1 марта.
– Он не явился?
– Недавно я встретила его, совершенно случайно, и знаете, что он мне сказал? Прости, говорит, 29 февраля у меня было неотложное дело, и я не мог вырваться. Тогда я поняла, это было детское увлечение.
– И уже не верите в любовь?
– Ни в коем случае.
– И все же о какой любви вы мечтали бы?
– Когда есть взаимопонимание, разумеется.

6.

– Бабуля!
– Что детка?
– А что такое любовь?
– Любовь это ты, солнышко, кто же еще!

7.

– Меня зовут Аполлон.
– Фамилия?
– Мгебришвили.
– Где работаете?
– Там.
– Где там?
– Ну какое это имеет значение!
– Могли бы вы пожертвовать собой ради любви?
– Кто я?! Из-за женщины?! Чтобы ради какой-то там любви мужчина жертвовал собой?!

8.

– Нынешняя молодежь?! Они же ни стыда не знают, ни совести – любим и все тут! Прилепятся друг к другу и лижут. А на тебя и не смотрят, есть

ты. нет тебя, им все одно – они, видите ли, любят! И что же? Муж с женой нынче ходят так, как мы себе никогда не позволили бы. А разве мы не любили? Или коли они ученые, они и любят по-другому?! Да когда я просто смотрела на своего мужа, меня аж дрожь брала. Но разве я выказывала это? Что имя, но я и по имени к нему на людях не обращалась, как-то неловко было. Так он и лег в сырую землю, что я ни разу за свою жизнь не посмотрела ему в глаза. А эти? Они же почти жрут друг друга глазами. Нет, я в такую любовь не верю. Хоть убей меня, не верю, и все тут!

9.

Девятый и последний вопрос. Впрочем почему последний? Разве предыдущие ответы пролили свет на проблему? Ведь о сущности любви можно спрашивать до бесконечности. И наверное все ответы на вопрос – что есть любовь? – будут правдивыми, потому что каждый понимает ее по-своему. И в итоге вряд ли кому удастся объяснить этот феномен, так как любовь по своей природе изменчива и непостижима. Не так ли, дорогие читатели?!

Постарайтесь дать свой собственный ответ на вопрос: И все же что такое любовь, какой она природы, и хотели бы вы прожить жизнь, не познав ее?

Это продлило бы мой рассказ до бесконечности, ибо постичь природу любви невозможно.

А возражи вам кто-либо на ваш вопрос: – Докажите, что любовь существует! – вы дадите единственно возможный ответ – любовь не нуждается в доказательстве, она сама заявляет о своем приходе.

Годердзи ЧОХЕЛИ
Перевела Лиана ТАТИШВИЛИ

ДЖАЗ

ЗЕЛЕНОГО ЦВЕТА

ЕГО ИМЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ЗВУЧИТ КАК «ДОЖДЬ». ОН И ПОСВЯТИЛ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ «МУЗЫКЕ ДОЖДЯ» - ДЖАЗУ.

РАИН СУЛТАНОВ – ОДИН ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ ДЖАЗМЕНОВ НАШИХ ДНЕЙ. РОДИЛСЯ 29 АПРЕЛЯ 1965 ГОДА В БАКУ. В 17 ОСВОИЛ САКСОФОН. ПРОДОЛЖИЛ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БАКИНСКОМ МУЗЫКАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ, А ЗАТЕМ - МУЗЫКАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ. С 1985 ГОДА РАБОТАЛ С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР ПОЛАДОМ БЮЛЬ-БЮЛЬ ОГЛЫ, А В 1987 ГОДУ ЕГО ПРИГЛАСИЛ НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР РАШИД БЕЙБУТОВ. В 1989 ГОДУ РАИН СУЛТАНОВ ПРИГЛАШЕН В АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРКЕСТР «ГАЯ» ПО РУКОВОДСТВОМ ТЕЙМУРА МИРЗОЕВА. В 1995 ГОДУ СОЧИНЯЕТ СВОИ ПЕРВЫЕ КОМПОЗИЦИИ ПОД НАЗВАНИЕМ «JOKERS DANCE» И «DAY OFF». В 1996-1997 ГОДАХ СТАНОВИТСЯ УЧАСТНИКОМ ДЖАЗ-ФЕСТИВАЛЕЙ В ГЕРМАНИИ. ВЕРНУВШИСЬ НА РОДИНУ, СОЗДАЕТ ГРУППУ «СИНДИКАТ». В ЯНВАРЕ 1999 ГОДА ГРУППА ВЫПУСКАЕТ СВОЙ ПЕРВЫЙ КОМПАКТ-ДИСК ПОД НАЗВАНИЕМ «LAST MOMENT». СПУСТЯ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ РАИН ВЫПУСКАЕТ СОЛЫНЬИЙ АЛЬБОМ «МУГАМ — МЕГАМ», А В 2003 ГОДУ «CITY OF JAZZ». В 2008 ГОДУ РАИН СУЛТАНОВ ЗАВЕРШИЛ РАБОТУ НАД АЛЬБОМОМ «TALE OF MY LAND».

НЕ ТАК ДАВНО РАИН СУЛТАНОВ ПОБЫВАЛ С КОНЦЕРТАМИ В ТБИЛИСИ. ПОД ШУМ БАРАБАНОВ И ПЕРКУССИИ В ТБИЛИССКОМ «РОК КЛУБЕ» ЖУРНАЛИСТУ «РК» УДАЛОСЬ ПОГОВОРИТЬ С МУЗЫКАНТОМ ЗА НЕСКОЛЬКО МИНУТ ДО НАЧАЛА САУНД ЧЕКА

- Когда вы выступали в Грузии в последний раз?

- В мае этого года я выступил со своим квинтетом в рамках «Caucasus Jazz Festival», организованного посольствами США, Азербайджана и Армении. Летом поспешили повидать потрясающую природу всей Грузии, путешествуя на своем автомобиле вместе с семьей. В прошлом году был участником «Tbilisi Jazz Festival», выступал вместе с «Джорджиан джаз трио». С ними же выступил и в этот свой приезд в «Магги клубе».

- В чем «изюминка» сегодняшнего выступления?

- Изюминка нашего проекта - это этника и фри джаз. Мы решили использовать свободный джаз с этническими элементами. Посредством фольклорных инструментов, таких как ситара, уд, и компьютерных звуков мы создадим что-то невероятно интересное, на мой взгляд. Все ребята сами по себе очень самобытные музыканты.

- Вы предпочитаете именно этнический джаз...

- Я десяток лет играю этнический джаз с элементами мугама. Мугам – это основа нашей национальной музыки. Наверняка что-то подобное есть и в грузинской музыке. Я играю в этом стиле - сочиняю композиции, пишу альбомы, выступаю.

- А с чего вы начинали?

- Начинал я с джаз-рока и фьюжена. Меня привлекла напористая музыка, жесткая игра на саксофоне Майкла Брекера на ритмической основе. Уже к 30 годам я стал интересоваться джазовой классикой. Джон Колтрейн стал моим кумиром. Я очень много работал над собой и понял, что традиционный джаз - это фундамент.

- Бакинская джазовая школа была лучшей в Советском Союзе. Вы этой теме даже посвятили свою «Антологию джаза в Азербайджане». А как дела обстоят сейчас?

- Наша и ваша земля рождала всегда очень талантливых людей. В 50-е годы джаз был запрещен, поскольку считался буржуазной антисоветской музыкой и мог плохо

повлиять на мораль советского народа. Были строгие законы, а играть джаз иногда даже было опасно. Но, вы знаете пословицу «запретный плод сладок». Музыканты под видом «эстрады» продолжали играть джазовые композиции. Таким образом, произошло смешение джаза с национальной и эстрадной музыкой.

- Неужели нет джазовой молодежи?

- Ее очень мало, буквально два-три человека. Но наде-

юсь, что ежегодно проводимые джаз-фестивали способствуют тому, что в Баку снова появятся музыканты и джазовая публика. Я в 2002 году был организатором джаз-фестиваля, а в 2005-м и 2006-м – продюсером. В нем приняли участие звезды первой величины - Херби Хенкок, Ал Джероу, Джо Завинул, Бобо Стенсон, Мария Жоао.

- А джазмены вашего поколения?

- Не сказал бы, что их очень много. Некоторые, не выдержав переломного периода, бросили музыку, кто-то занялся коммерцией, а кто-то поменял джаз на другой жанр. Сегодня можно по пальцам пересчитать профессиональных музыкантов в Баку. Пианистов, думаю, достаточно. Дефицит в духовых, гитаристах. Учтивая, что Азербайджан многомиллионная страна, джазовых музы-

кантов очень мало.

- Тбилиси - джазовый город?

- Безусловно. Покойный Вагиф Мустафа-заде часто приезжал в Тбилиси и играл с замечательными музыкантами. Он нашел здесь свое место и, как мне известно, долго сотрудничал с джазменами. В свою очередь, могу сказать, что мне тоже очень интересно играть с грузинскими музыкантами. Они самобытные и очень любят джаз. У вас есть и молодые, очень перспективные музыканты. И, конечно, особых похвал заслуживает «Тбилиси джаз фестиваль». Это ежегодный праздник, который проводится на хорошем уровне. Я был участником «Тбилиси джаз фестиваль» в 2009 году, и мне очень понравилась организация.

- В чем вы видите проблемы в развитии джаза в вашей стране?

- Думаю, что проблема развития этой музыки есть не только в нашей стране. Она заключается в том, что джаз – не коммерческая музыка, которой можно заработать большие деньги. Как известно, джазовые музыканты в принципе не богатые люди. Их заработок составляют выступления на джаз-фестивалях и частных концертах. Сегодняшняя же молодежь стремится, скорее, к большим деньгам, которые можно быстро заработать коммерческим путем. У них нет такого фанатизма, как у старшего поколения. Джазовым музыкантам, думаю, обязательно нужна поддержка государственная, и конечно, меценаты – люди, которые готовы бескорыстно поддерживать искусство страны.

- Вы ведь и сами уезжали за границу?

- Да, я с 1996 года жил в Германии, но наступил момент, когда я решил вернуться домой. Конечно, путешествовать я очень люблю, но всегда возвращаюсь домой, в Баку.

- Сколько у вас вышло альбомов?

- Четыре. Все это - студийные работы. В планах - выпуск альбомов моих лайф-концертов. Есть очень много записей моих выступлений с такими мастерами, как трубач Кенни Виллер, пианист Бобо Стенсон и другие.

- Ваша супруга Лейла Эфендиева – редактор специализированного бакинского журнала о джазе. Как он называется и как давно выходит?

- Журнал называется «Джаз дуньясы», что значит «Джазовый мир», в нем освещаются джазовые события, происходящие не только в Азербайджане, но и во всем мире. Это один из трех джазовых журналов на постсоветском пространстве. Выходит с 2004 года. Самое интересное, что у Лейлы педагогическое образование и до нашего знакомства она работала педагогом по физике в средней школе. Но связав свою жизнь со мной, она связала ее и с джазом. Редкость, когда жены меняют профессию в связи с интересами своего мужа.

- Если одним словом, то джаз – это ...

- Адреналин. Потрясающий мегаполис, целый мир. В отличие от стабильных жанров, таких как классика, фольклор, джаз постоянно видоизменяется при том, что предыдущая форма джаза остается неизменной и не устаревает. Буквально за каких-то 100 лет джазовые музыканты создали много новых течений. Джаз постоянно сплетается то с роком, то с фольклором, то с классикой, то с испанскими мотивами и так далее, создавая новые и неповторимые стили. Одним словом можно сказать, что джаз - это быстрорастущее дерево, у которого постоянно появляются новые ветви. Вот, например, классическая музыка... Она гениальна. Но ее нельзя не то видоизменять, а надо играть со всеми штрихами, точь-в-точь как расписано. Хотя я бы сказал, что такие гениальные композиторы как Моцарт, Бетховен, Бах, тоже были импровизаторами.

- Как вы думаете, какого цвета джаз?

- Думаю, джаз все-таки зеленый.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Раин Султанов и Эл Джероу

МОЕ ЗНАКОМСТВО С ТВОРЧЕСТВОМ АНДРО ДЖИКИЯ НАЧАЛОСЬ С... КОМПАКТ-ДИСКА. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЬЮТЕРА ПОЗВОЛИЛИ СОЕДИНИТЬ ВИДЕОРЯД – СЛАЙДЫ КАРТИН ХУДОЖНИКА – С МУЗЫКОЙ ЗНАМЕНИТОЙ АНГЛИЙСКОЙ РОК-ГРУППЫ PINK FLOYD И ВЫСКАЗЫВАНИЯМИ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ, ЛАО-ЦЗЫ, ХОРХЕ ЛУИСА БОРХЕСА, АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА И ДРУГИХ. ДЖИКИЯ ОПРЕДЕЛИЛ ЭТОТ СВОЕОБРАЗНЫЙ СИНТЕЗ СЛОВСОЧЕТАНИЕМ «ШАГ В ПОЗНАНИЕ» И ПРЕДЛОЖИЛ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ ОТПРАВИТЬСЯ ВМЕСТЕ С НИМ В ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ДУХОВНОСТИ – «ПУТЕШЕСТВИЕ В ТЫСЯЧУ ЛИ». А ОНО, ПО СЛОВАМ ЛАО-ЦЗЫ, НАЧИНАЕТСЯ С ОДНОГО ШАГА ...

ЭТАЖИ ЛЮБВИ

МАЯКИ СВЕТА

С этим же необычным путешествием в царство духа связаны «Этажи любви» Андро Джикия. «Моя живопись – это маяки света и тепла наших подсознательных ощущений. Они не дают нам, большим детям, забыть, что жизнь без внутреннего спокойствия и гармонии с окружающим – это война с самим собой, где победителей нет, а есть только побежденные. Господь да хранит наши души! Человек, который проводит полжизни, делая ошибки, а вторую половину – осмысливая их, не достигнет высот светлого, нами пока не понятого, но неоспоримо Существующего. Давайте научимся ценить мгновения, когда открывается океан счастья и душевного тепла, нужного нам, как облегчительный вздох перед возможностью увидеть что-то очень близкое и спасительное. Только это даст нам наконец-то опомниться и понять, что мы – часть Вселенной и Всевышнего», - пишет художник на своем сайте.

Чтобы отправиться в это путешествие, художник предлагает нам сесть на небольшое легкое судно и отдаться на волю ветров (образ корабля часто возникает на картинах А.Джикия). А для этого нужно полностью довериться автору, расслабиться и поплыть в неведомое. В новый день, в космос, в море светлых, радостных чувств, в буйство красок...

«Искусство Андро Джикия не ставит сложных проблем, оно их и не решает, тем самым художник подчеркивает свое творческое кредо – позицию художника, искренне радующегося бытию. Он сознательно уходит от пасторальных вариаций, экспрессивными мазками строит свой живописный миропорядок, показывая при этом темперамент южанина. Каждая работа раскрывает уникальность и неповторимость мгновений бытия, воплощенных в тонкой гармонии нашего мира», - пишет искусствовед И. Заугташвили.

ИЗ ЭКОНОМИКИ – В ИСКУССТВО

Андро Джикия всегда чувствовал, что должен заниматься искусством, ведь его предки - Фома и Амвросий Джикия – были знаменитыми мастерами по обработке серебра. Человек всегда ищет сферу, где ему комфортно и где у него есть возможность максимально реализоваться как личность. Но осознание этой истины пришло к Андро не сразу.

Сначала были Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили, инженерно-экономический факультет: молодому человеку необходимо было

получить диплом, обрести серьезную специальность... После этапа учебы наступил другой: Андро работал в плановой комиссии горисполкома. Честно и грамотно выполнял свои обязанности, но при этом постоянно ощущал, что экономика - это совсем не его призвание. И в конце концов кардинально изменил свою жизнь, оставив насиженное место в Горисполкоме и став художником-реставратором по дереву и металлу в Музее народного и прикладного искусства. И ни разу не пожалел об этом!

- Это произошло совершенно естественно, с радостью, - вспоминает Андро. - Меня экономика тяготила. У каждого человека должна быть духовная пища. И когда с годами оглядываешься назад, ты должен увидеть добро, оставленное тобой, а не съеденное хинкали и выпитое вино.

Сказав себе это, Андро всецело отдался новому делу. Стал изучать и восстанавливать грузинские традиции по обработке металла, защитил диссертацию на тему национальных женских украшений. В своем творчестве стремился соединить современный стиль с грузинскими традициями – орнаментом, символикой, формой...

Андро Джикия

ЦЕНТРЫ ВОСХИЩЕНИЯ

- Для меня актуально – расширить духовный кругозор людей. Искусство должно служить обогащению души, нести позитивную энергетику, заставлять по-другому думать и воспринимать мир. А мир не исчерпывается материальной стороной. Господь, природа поставили перед нами иную цель – обогатить свою душу. Когда мы уходим из этого мира, то ничего с собой не забираем. Но при этом должны сеять добро и вечное, чтобы люди вспоминали сделанное тобой и продолжали начатое тобой дело. Вот к этому я и стремлюсь.

У меня были очень хорошие друзья, учителя, так ска-

зать, «свой круг». Это Тамаз Какабадзе, Гела Зауташвили... Грузинская абстрактная живопись – именно в этой стилистике я сегодня работаю - отличается ярким колоритом, разнообразием цветовой гаммы. Мои работы энергетически насыщены, они несут позитивный настрой. В моей жизни были радостные моменты – в Голландии, куда я выехал в 90-е годы и где меня никто не знал, купили с первой же выставки шестнадцать моих работ. Голландия - северная страна, здесь нет многообразия цветов. А я начал предлагать алый, сочно-зеленый, оранжевый... И это – притягивало. Однажды меня поблагодарил инвалид. «Когда мне плохо, я смотрю на вашу работу, и мне становится намного легче жить!» - сказал он.

Я не могу повторить одну и ту же картину. Четко разделяю мастерство и творчество. В первом случае ты можешь повторить, во втором – нет. Каждый новый день – это наше новое рождение. Ведь каждую ночь ты куда-то уходишь и таинственным образом возвращаешься обратно. И наступивший день уникален, неповторим, как и твое настроение – так что в творчестве ты просто не можешь повториться, ты ведь не такой, каким был вчера. На художника влияют многие факторы...

Я не могу сидеть, когда работаю, – должен стоять, быть как натянутая струна. Творчество - очень таинственный процесс.

Когда я занялся абстрактной живописью, мне очень трудно было уйти от формы. Осознать, что форма для меня не существует – остался только цвет. Ты работаешь с цветами, нюансами и должен их уравновесить, достичь гармонии, согласованности оттенков. Я даю людям возможность что-то дорисовывать в своем воображении, фантазировать. Мои работы разные люди видят по-разному – кто-то в одном – том же образе видит корабль, другой - лошадь, третий - облако. У человека начинает интенсивно работать воображение, не затронутые еще центры восхищения. Если этих центров как-то коснуться, то мыслящему человеку становится интересно жить, искать что-то новое. Возможно, в жизни он чего-то не находит, но, созерцая картину, питаюсь ее энергетикой, обретает новое качество миро- и самоощущения. И это для них - огромное счастье. Многие вешают мои работы в спальне. С утра просыпаемся, смотрим, и у нас хороший день! Это радует. Думаю, я не напрасно прожил все эти годы.

- На сайте не указан ваш возраст. Это не случайно?

- Я считаю, что у человека возраста нет. Есть наше бренное тело, биологический износ. А душа, по сути, не стареет.

- Хуже всего – душевный износ...

- Иногда я помогаю людям реанимировать свою душу.

- А вы откуда подпитываетесь?

После молчания:

- Происходит очень сложный, таинственный, мне самому до конца не понятный процесс. У меня ведь есть внутренняя установка: создавать людям уют, красоту, нести счастье. Человек разумный создан Богом. Первым несчастьем было, когда человек ушел далеко от природы. Вторым – то, что мужчина и женщина как бы поменялись местами. И третье несчастье – мы потеряли веру в Бога. Я стараюсь вернуть людям то, что им принадлежало и должно быть с ними. Несу это через живопись. Другой путь я не смог найти. Я люблю жизнь, людей, которые меня окружают, независимо от их убеждений, вероисповедания, профессии, возраста, пола. Я не делю людей на плохих и хороших – есть просто мои и не мои. Потому что я не имею права судить: я не Бог.

Конечно, не случайно у меня родились «Этажи любви». Ведь если не любишь, ты не человек – ты просто неодушевленный предмет. И я призываю людей: любите мир, солнце, людей, любите все, что вас окружает...

Мир образов Андро Джикия

НЕ МАСТЕР - ТВОРЕЦ

- Вы работаете, если у вас плохое настроение?

- Нет! Чтобы работать, у меня должно быть творческое настроение, я должен быть спокоен. Бывают длительные периоды, когда я вообще не могу писать. И вдруг – словно нахлынет!

- В ваших картинах – только позитивное начало. Дисгармонии не допускаете?

- Не допускаю. Я показываю в своих работах только возвышенное, от чего мы ушли, что потеряли. Чтобы люди вновь обрели утраченный рай.

- А как же единство и борьба противоположностей? Борьба добра и зла?

- Изображая светлое и радостное, я преумножаю добро.

- А заказы принимаете?

- Исключено! Повторяю, я не мастер – я творец, и на заказ не работаю. Я, кстати, к себе очень критически отношусь. Сам себе никогда не совершу. Если нужно что-то поправить в работе, ты должен это решить и сделать сам. А когда критика идет извне, я это воспринимаю как насилие.

- Часто вносите какие-то коррективы в свои работы уже впоследствии?

- Самое трудное – остановиться. Энергия просто прет из тебя! Иногда я не могу оторваться от работы, вхожу в нее все глубже и глубже. И есть реальная опасность запороть, испортить картину. Такое бывало... Вы никогда не думали о том, почему так близки музыка и живопись? В музыке – семь нот, в живописи – семь цветов. Согласитесь, это ведь не случайно. Иногда на выставках приходится слышать: «Не понимаю!» «Не надо понимать!» – говорю я. – Чувствуйте! Если можете...» Я так хочу дать людям духовную пищу.

- А как возникла музыка Pink Floyd?

- Случайно... Я всегда мечтал синтезировать музыку и визуальный ряд. Когда семь нот соединяются с семью цветами радуги, возникает чудо. Для этого я живу – чтобы люди хоть на мгновение забыли о том зле, что творится вокруг, о своих каждодневных проблемах. Человек даже в одиночестве должен быть прекрасен. Кстати, именно в одиночестве человек обретает покой. Я очень много читаю. Мне всегда было интересно не то, что лежит прямо перед тобой, на поверхности, а то, что за горами или в глубине, что создано человеческим разумом. С помощью Бога, конечно. Я считаю: мысли – это живые существа. Афоризмы, прозрения Карлоса Кастанеды, других замечательных мыслителей, личностей укрепляют позицию моих работ. Когда вы созерцаете репродукции, проекции

моих картин серии «Шаг в познание», у вас работают и слуховые, и зрительные ощущения, и интеллект. И ты начинаешь по-другому воспринимать то, что видишь. Недавно в Москве, в офисе Союза грузин в России состоялся ретроспективный показ моих работ «Fata Morgana». На выставке были представлены произведения разных периодов. Почему «Fata Morgana»? Фата-морганя - загадочная фея, которая зазывает странников призрачными видениями. Фата-морганя - уникальное оптическое явление-мираж. Таково, по сути, и мое творчество. Созерцая

мои работы на большом экране, люди забывали про все на свете... Люблю видеть счастливых людей!

- У вас ведь не только абстрактные работы, есть и образцы фигуративной живописи.

- Да, это так! Но однажды я задумался – в фигуративной живописи столько уже сделано. И какими китами! Плагиатом и копировкой я не люблю заниматься. И вот – новый шаг, абстрактная живопись. Конечно, был страх, что не воспримут. У меня ведь пространственно-космические работы. И никаких влияний! Если говорить о влиянии, то ощущаю единственное влияние: Космоса. Когда работаю, прошу окружающих не беспокоить меня. Могу работать пятнадцать, двадцать, тридцать часов! А могу написать картину за два-три часа. Если я спокоен и радостен. Вот эту свою радость я выплескиваю на холст. Кстати, нельзя делить живопись на абстрактную и фигуративную – есть просто настоящее и ненастоящее искусство, живое и неживое. Ты приходишь в выставочный зал и воспринимаешь выставленные работы как произведения, родившиеся из семи цветов... Кстати, происходят странные вещи: мои картины меняются каждый день в зависимости от освещения, погоды. Они висят в спальне не потому, что гармонируют с мебелью. От них исходит подпитывающая душу сила. У тех, кто повесил мои рабо-

ты в доме, все в семье пошло хорошо, воцарились мир и спокойствие, атмосфера уюта. Если нельзя написать картину за два дня, ее вообще нужно выкинуть. Над картиной нужно трудиться, пока она мокрая, не высохшая. Я работаю только мастихином и пальцами, кисть сейчас почти не использую. Теряю во время творческого акта много сил. И потом мне приходится долго восстанавливаться, приходиться в себя. Часто езжу в монастырь Саввы Сторожевского. Подпитка, восстановление сил, духовного равновесия происходит с Божьей помощью. В то же время отрицательно работает социум, отнимающий у тебя внимание, время.

- Однако коммерческий момент очень важен, его ведь никто не отменял, верно?

- Искусством невозможно кормиться. Если ты не вхож в определенные круги или не Зураб Церетели. Мои работы не дешево стоят, но я стараюсь не отдавать их тем, кто мне не нравится. Нередко я отказываю. Мои работы – мои дети. Они должны быть у людей, которые способны их оценить. Были случаи, когда я дарил работы, если человек просто не мог их купить. Деньги для меня важны, но это далеко не все в жизни. Есть у меня работы, которые я не продаю, – с ними я вообще никогда не расстанусь.

РОДИНА – ВСЯ ЗЕМЛЯ!

- Андро, вы счастливы?

- Счастлив – отвечаю не задумываясь!

- Вы, грузин, являетесь гражданином Голландии, живете в Москве, выставляетесь в разных странах мира. Где ваша родина?

- Моя родина – вся Земля.

- Ваши ближайшие планы.

- Хочу провести выставки в Москве и Тбилиси. Собираюсь написать книгу.

- Ваше семейное положение?

- В разводе. В связи с этим я настрадался...

- Переживания – это плохо или хорошо для творчества?

- Это портит энергетику. Но у меня уже нет места для страданий – осталось только для радости. Страдать не надо. Все, что случается, к лучшему. На все воля Божья. Это самый правильный подход к бытию. У меня замечательный девятнадцатилетний сын Никуша, красивый парень... Он правнук известного художника Александра Лактионова. Я хотел приблизить его к живописи. А Никуша начал лепить. Сегодня он учится компьютерной графике, занимается музыкой, играет на гитаре.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ЕСЛИ МНОГОЕ ДАНО...

«Все хотят быть красивыми», - написали классики. «И не только красивыми», - уточним мы. Люди мечтают.

Ну, о чем может мечтать человек? Например, жениться на красавице, иметь великолепную родословную, стать доктором наук, обладать замечательным голосом, сочинять прекрасные песни, родить талантливого сына... Да мало ли!

Нет, в том-то и дело, что не мало. Иному на всю жизнь хватило бы небольшой части всего того, что было даровано целиком и сразу одному человеку.

Этот человек – Тенгиз Чочуа.

Хотя, пожалуй, «даровано» - слово не совсем верное. Ведь если предки – это дар судьбы, талант – это дар богов, то профессию выбирают, женщину завоевывают, сына воспитывают, а славу заслуживают.

Впрочем, судите сами.

Начнем, как и полагается, с родословной. Дед нашего героя, Авксентий Мегрелидзе, исследователь и пропагандист грузинского народного творчества, основатель первых хоровых фольклорных коллективов Грузии, вошел в историю еще и тем, что воскресил и вернул к жизни великую песню «Сулико» Вареньки Церетели. Он услышал почти забытую «Сулико» в одной из деревень Западной Грузии, и в 1938 году в дни Декады грузинского искусства в Москве песня прозвучала в Большом театре СССР, имела оглушительный успех, и уже на следующий день руководителей хоровых коллективов Мегрелидзе, Пачкория и Кавсадзе пригласили на дачу к

самому главному зрителю, который присутствовал на том концерте – к Сталину. Да, на дворе стоял чудовищный 38-й... Но из песни слова не выкинешь – приглашенные спели и перед вождем, и с ним самим... А «Сулико» осталась навечно.

Бабушка Тенгиза Чочуа, Лидия Мегрелидзе-Мулайшвили, была знаменита не только тем, что писала замечательные детские стихи и рассказы, но и тем, что отличалась необыкновенной красотой, главным почитателем которой был ни кто иной, как Галактион Табидзе. Зачастую, по пути к себе домой, поэт заходил в квартиру Мегрелидзе на Земмеле, где спал на тахте, которую вскоре и прозвали «галактионовской»... Во избежание двусмысленности и справедливости ради отметим, что бабушка и дед Тенгиза развелись довольно рано, да и почитание многочисленных поклонников Лидии Мегрелидзе было платоническим. Кстати, семейное предание гласит, что галактионовская тахта – не что иное, как письменный стол, за которым работал Лермонтов, находясь в Тифлисе. У стола впоследствии отпилили ножки, он превратился в тахту со своеобразным откидным верхом.

Судьба отца нашего героя, трижды кавалера Ордена святого Георгия Доментия Чочуа, заслуживает, безусловно, отдельного рассказа. Например, это именно он в числе группы юнкеров, рискуя жизнью, защищал свою родину близ Табахмелы во время нашествия Красной Армии в 1921 году, на своих плечах вынес с поля боя тяжело раненного Нико Кецховели и сам был ранен.

Видимо, в натуре Тенгиза Чочуа проявились и вокальные таланты деда, и музыкальная одаренность матери, Елены Мегрелидзе, и интеллектуальные способности бабушки, и мужественный характер отца...

Во всяком случае, Тенгизу пришлось доказывать всей своей жизнью, каждым своим поступком не только преданность памяти предков, но и собственную даровитость. Он совмещал отличную учебу в университете с занятиями в консерватории. Его педагогами были академик Георгий Ахвледиани и легендарный грузинский певец Сандро Инашвили, о которых он с волнением и благодарностью вспоминает и по сей день.

Тенгиз был студентом второго курса, когда, пройдя отборочный тур в Тбилисской консерватории, он попал на прослушивание в Большой театр СССР – шел набор молодежной группы солистов. В жюри сидели классики оперного искусства – Козловский, Лемешев, Архипова... Прослушав выступление Чочуа (он исполнил арию из «Евгения Онегина»), глава жюри Марк Рейзен объявил, что его берут в Большой при условии, что он доучится в Московской консерватории. Преданность – в характере Тенгиза, и он попросил разрешения доучиться у Сандро Инашвили. Рейзен согласился, и талантливого студента отпустили доучиваться в Тбилиси, предварительно записав все данные для будущей совместной работы.

По окончании консерватории Тенгиз был зачислен солистом в труппу Тбилисского оперного театра имени З.Палиашвили. Он исполнял главные баритональные партии в «Евгении Онегине», «Але-

ко», «Травиате», «Даиси». Знатки справедливо отмечали широкий диапазон и красоту тембра голоса Чочуа, его умение с легкостью преодолевать вокальные сложности. А Тенгиз все-таки ожидал обещанного приглашения в Большой, но его так и не последовало. Лишь спустя много лет народный артист СССР Зураб Анджапаридзе, в те годы солист Большого театра, выступая в телепередаче, посвященной Тенгизу Чочуа, рассказал, что своими глазами видел персональное приглашение. Почему оно так и не дошло до адресата, осталось загадкой...

Тенгиз решает вернуться в университет, где начинает успешно работать по специальности – германистика и общее языкознание. Но привязанность к искусству делает свое дело – доцент Чочуа устраивает музыкальные вечера, приглашает выдающихся исполнителей, ансамбли и даже симфонические оркестры. Закономерно, что Чочуа с единомышленниками предлагает основать факультет искусств, и такой факультет был создан, Тенгиз Домонтьевич многие годы был его деканом.

Но, однако, наша история будет неполна и неправдива без появления в ней Прекрасной Дамы. В жизни Тенгиза такая дама есть – раз появившись, она осталась в ней навсегда. Тенгиз женился на Ларисе Надарейшвили – красавице и замечательной балерине. Правда, он рассказывал, что окончательного согласия Ларисы стать его женой добился, встав на перила моста над Курой и пообещав кинуться вниз... Так это было или несколько иначе, но эта пара рядом уже много счастливых лет. И есть сын Темури, одаренный кинорежиссер, и талантливая внучка Елена, и два правнука, которых, по какому-то доброму намеку судьбы, зовут так же, как звали любимых педагогов Тенгиза Домонтьевича – Георгий и Сандро... А может быть, маленькие Георгий и Сандро и есть на сегодняшний день главные учителя для Тенгиза и Ларисы?

Давно сказано, что успешного мужчину во многом делает женщина. В то же время, старая истина гласит, что, взглянув на женщину, легко догадаться, какой мужчина находится с ней рядом. А смысл этих высказываний очевиден – любящие люди отражают друг друга. Посмотрев на Тенгиза Домонтьевича, нетрудно понять, что его Прекрасная Дама действительно прекрасна. Увидев Ларису, понимаешь, что рядом с ней мужчина, который умеет сделать женщину счастливой.

Как известно, кому многое дано, с того много и спросится. Но, пожалуй, наш герой из числа таких людей, кому есть что ответить на самые сложные вопросы. Тем более, дорогой читатель, Тенгизу Чочуа достаточно сказать, что это именно он написал два легендарных грузинских шлягера, которые и сегодня являются украшением эстрады и радостью слушателя – «Маки» и «В цветах утопают».

Лариса Надарейшвили

Тенгиз Чочуа

Нина ШАДУРИ

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

«Горячая десятка» советов начинающему продюсеру

Начиная работу над очередным шедевром, вам стоит попытаться четко ответить на следующие совершенно необходимые вопросы и прислушаться к паре простеньких советов:

1. Какова целевая аудитория вашего проекта?
2. В чем уникальность вашего проекта?
3. Сколько будет стоить проект и какой на него выделен бюджет?
4. Кто финансирует ваш проект, каковы его ожидания?
5. Красочно описать идею всегда проще, чем воплотить ее в реальность.
6. Сюжет первостепенен.
7. Работайте с самыми лучшими специалистами (конечно, если они вам по карману).
8. Девиз для кастинга: «Семь раз отмерь – один раз отрежь.»
9. Не экономьте на том, что окажется на экране.
10. О ваших заслугах судят по вашему последнему проекту.

Те, кому довелось наблюдать за рабочим процессом на съемочной площадке или в павильоне теле-студии, без особого труда смогут достаточно уверенно определить функции каждого из присутствующих: сценарист пишет, режиссер ставит, оператор снимает, гри-

мер гримирует, актеры играют... Но если вы попытаетесь определить круг профессиональных обязанностей продюсера, с первой попытки вам это, наверняка, не удастся. Тем не менее, сегодня это слово на слуху у всех нас, даже и не связанных профессионально с волшебным миром кино, это ключевая фигура в процессе создания любой теле-, кино- и видеопродукции, та несущая стена, на которую опирается все это сложное сооружение.

Так кто же он – этот загадочный персонаж? А главное, какими профессиональными и личностными качествами должен обладать представитель этой относительно молодой, но такой важной сегодня профессии? Попробуем хотя бы в общих чертах набросать портрет идеального продюсера.

«Нет продюсера – нет и проекта». Насколько справедливо такое категорическое утверждение? Собственно говоря, именно продюсер является тем начальным импульсом, который и дает старт проекту в целом. И именно его задача – довести идею от самого первого смутного замысла до готового конечного «продукта». Он начинает работу первым и заканчивает последним. Портрет его весьма противоречив: он – напористый и уступчивый, уверенный в себе и сомневающийся, он творческая личность и успешный продавец... И все это он обязан органично сочетать в себе.

Продюсер – это «вечный студент», он постоянно ищет ответы на все новые вопросы или, как это модно сейчас говорить, вызовы, которые ставит перед ним его

необычная профессия. Он – трудоголик, у которого не было, нет и не будет лимитированного рабочего дня, он теоретик и практик, постоянно держащий руку на пульсе своего детища-проекта. Он – «многостаночник», который должен разбираться практически во всем, будь это компьютерный монтаж, микширование звука или работа с видеоаппаратурой – для него не должно быть «закрытых» областей на всех стадиях проекта. Сегодня, когда буквально каждый день в жизнь кино и ТВ вторгаются все новые сложнейшие технологии, это умение быть «мастером на все руки» – поистине бесценное качество продюсера.

Диапазон его талантов не ограничивается навыками, связанными непосредственно с процессом создания кинофильма или телепроекта, но простирается далеко за его рамками. Наш продюсер должен обладать солидными знаниями по истории и теории кино и телевидения, ясно представлять общую картину того, что происходит в современном кино, ТВ, радиовещании, быть в курсе последних разработок в области креативных технологий. Ему не обойтись без специальных знаний в области финансирования и маркетинга, умения рисковать и вовремя уходить от рисков, заключать договора и контракты, составлять грамотный бюджет, подводить под проект крепкую юридическую базу. На стадии «постпродакшн» все будет зависеть от его умения прорекламировать и реализовать конечный продукт на теле- или кинорынке. Именно поэтому подспорьем нашему «вечному студенту» становится буквально все: специальная литература, Интернет-сайты, профессиональные курсы и тренинги.

Существует определенная специфика продюсерской работы в зависимости от жанра, в котором он работает, скажем, различие между кино- и теле-продюсером заключается в следующем. В кино (которое, как известно, искусство режиссерское), продюсер выступает, в первую очередь, как посредник между студией и съемочной группой. Но на ТВ он – неизменно персонa номер 1, чей голос всегда остается решающим практически в любом вопросе на протяжении всей работы над проектом.

«Мне доводилось быть и продавцом, и режиссером, и видеомонтажером, и директором по кастингу, и консультантом, и даже водителем автобуса», – писал известный продюсер Д.Уолпер. Но в какой бы области ни трудился наш абстрактный продюсер, «букет» его личностных качеств должен оставаться неизменным. И кино, и телевидение – искусства массовые, сегодня в процесс кино- или теле-производства вовлечено огромное количество самых разных людей. Любой кино или телепроект – результат работы целого коллектива, а значит, одно из первейших требований к продюсеру – умение подобрать команду профессионалов, увлечь их общей идеей, повести за собой и довести проект до логического конца.

Кстати, не стоит забывать, что ему придется находить общий язык не просто с абстрактными исполнителями, а с творческими личностями, что, как известно, еще сложнее. От этого искусства зависит, будут ли работать с вами высококвалифицированные профессионалы, и сможете ли вы должным образом реализовать их творческий потенциал, найти нужное применение их профессиональным навыкам и поддерживать отношения в коллективе на высоком уровне в течение всего периода вашей совместной работы.

Помимо непосредственных участников производственного процесса, в рождении на свет очередного кино- или теле-проекта всегда задействовано множество людей из «внешнего» мира: инвесторы, рекламодатели, руководство киностудий и телеканалов и т.д. и т.д. Таким образом, умение работать с самыми разными людьми, искусство общения – один из главных та-

лантов настоящего продюсера.

Итак, наш идеальный продюсер должен:

- уметь работать в команде, находить индивидуальный подход к каждому. Открытый диалог, обсуждение общих проблем как нельзя лучше способствуют сплочению коллектива. Ученые (в частности, автор теории множественного интеллекта, профессор Гарварда Г.Гарднер) различают более 20 типов восприятия новой информации, каждый из которых эффективен по-своему. Проще говоря, все мы умные, но умны мы по-разному: у кого-то математический склад ума, у кого-то – гуманитарный, визуальный или аналитический и так далее. Кто-то мыслит глобальными категориями, а кто-то – «бог деталей»... Умение различать среди своих сотрудников эти типы, проявление строгости или щедрая похвала – по ситуации, существенно облегчит ваше общение с командой.

- быть коммуникабельным. Неустанно нарабатывать связи, уметь находить долгосрочных партнеров и убеждать их в своей надежности. Развитая речь, умение найти точные слова, дипломатические формулировки, неназойливое чувство юмора, уверенность в результате – одним словом, необходимо обладать т.н. «эмоциональным интеллектом» Этот термин, введенный в свое время Даниэлем Гоуманом, напоминает нам о том, что умение «обаять» собеседника подчас побеждает любого сумрачного интеллектуала. Ну и, конечно же, умение слушать собеседника способно творить чудеса – однако, это качество дано далеко не всем. Давая возможность другому высказаться, вы демонстрируете ему свой интерес и открываете пути к дальнейшему плодотворному сотрудничеству.

- обладать лидерскими качествами. Будучи лидером команды, продюсер должен понимать, что она состоит из конкретных личностей. Лидеру недостаточно принять чью-либо сторону в споре, он должен примирить их. Оптимизм, уверенность в результате, скромность и самоуважение, делегирование полномочий, готовность учиться у профессионалов (вместе с ненавязчивым, но неослабным контролем за происходящим) – вот черты подлинного лидера.

- обладать способностью к разрешению конфликтов. С самого начала скажите себе, что конфликты все равно неизбежны, ведь напряженная работа, какой является создание проекта – это всегда стресс. Поэтому научитесь управлять конфликтами, умейте определить источник напряжения. Помните о том, что продюсер – всегда миротворец. Будьте сдержанны, готовы пошутить, проявить сочувствие, понимание других. Следите за своими эмоциями – ведь от вашего стиля поведения зависит моральный климат во всем коллективе. Конечно, продюсер – тоже человек, и если уж в один прекрасный день вы, «сорвались», найдите силы признать это и извиниться.

- соблюдать этические нормы. Моральные нормы – это то, что улучшает творческий климат в коллективе. Ваша репутация – и личная, и деловая – целиком зависит от того, как вы будете выполнять свои обязательства (так что, поосторожнее с обещаниями!). Ответственность, честность, объективность, умение абстрагироваться от личностей, терпение, баланс профессионального и личного – вот что поможет вам в работе. Не забывайте о том, что все мы люди, и помимо работы, у нас есть своя жизнь, семья и близкие, которые не должны страдать от нашего невнимания. Умеренность, умение отдыхать, устраивать необходимую передышку себе и другим – залог того, что вам удастся избежать ненужных конфликтов и «зубовного скрежета» на пути к завершению проекта.

Стоит предупредить: как бы вы ни любили свою работу, порой вам захочется схватиться за голову: «Почему я должен знать ответы на все вопросы?.. Почему

с любыми проблемами все эти люди идут именно ко мне?...» Ответ прост: именно потому что вы – продюсер, а не звукорежиссер и не бухгалтер с четко прописанными должностными обязанностями. Будьте готовы к тому, что вас будут «доставать» проблемными вопросами и директор по кастингу, и локейшн-менеджер, и реквизитор. Время репетиций, проблемы с местом съемки, конфликт между актерами, выбор между аналоговой и цифровой камерой, интриги конкурентов, лозунг проекта для последующей презентации... Все это – ваше, раз уж вы решили выбрать делом вашей жизни такую непонятную, но такую нужную в современном мире профессию продюсера. Но в такого рода ситуациях всегда стоит помнить, что существует такое понятие, как «делегирование полномочий». Будь вы хоть сто раз гениальны, никто в этом, все более специализирующемся мире, не может знать всего и уметь абсолютно все. Поэтому не стоит доводить себя до нервного срыва, пытаясь объять необъятное и поднять неподъемное. Ваша задача – общее руководство, опирающееся на четкое представление о том, как должна быть выполнена та или иная конкретная задача. И не стоит забывать о том, что в современной кино- и телеиндустрии плодотворно работают бок о бок самые разные продюсеры: исполнительный, креативный, линейный, а есть еще такие специфические разновидности, как продюсер сегмента, продюсер «постпродакшн» и продюсер спецпроектов... Так что, и в вашей команде наверняка окажется кто-то, готовый подставить свое братское продюсерское плечо в конкретной проблемной ситуации. Повторимся еще раз: не взваливайте на себя непосильное бремя, учитесь делегировать полномочия, правильно распределять нагрузки между членами команды, оставляя за собой общий контроль за всем ходом процесса.

Отдельной строкой стоит работа с клиентами. Как известно, в условиях жесткой конкуренции их нелегко найти, но еще труднее удержать. В роли клиента может выступить и крупный телеканал, и частный инвестор с солидным банковским счетом. Помните расхожее утверждение «Клиент всегда прав» (конечно, в разумных рамках) – независимо от ваших личных творческих порывов, все-таки необходимо считаться с пожеланиями того, кто оплачивает ваши счета, а, следовательно, задает общее направление всему художественному процессу. Идите на компромисс, умейте договориться,

предложить выгодные для клиента условия договора, не забывая при этом и о собственных интересах.

Подведем итоги – окинем взглядом тот портрет, который, хочется надеяться, нам все-таки удалось в общих чертах представить в этой статье. Итак, успешный продюсер – это:

- тот, кто не боится проблем, умеет без колебаний принять нужное решение в нужный момент. Он – одновременно, и тренер, и судья, и капитан, и член команды.

- мастер на все руки. Независимо от того, снимает ли он скромный документальный фильм или масштабный сериал, он должен уметь справляться с множеством самых разных проблем.

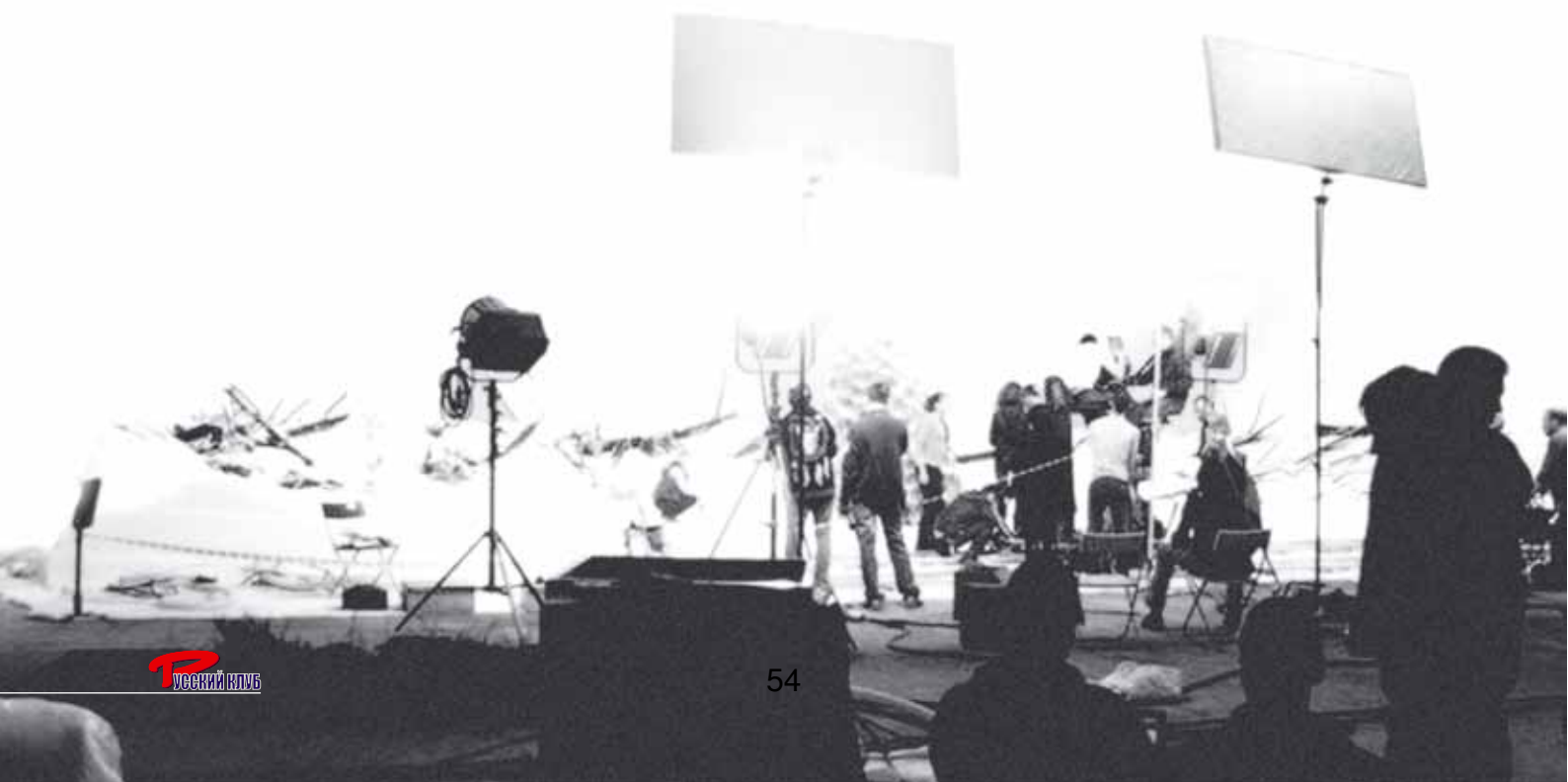
- посредник. Появляйтесь на площадке регулярно – тогда вы будете в курсе всех дел и пожеланий членов творческой группы и сможете создать нормальную рабочую обстановку.

- «почемучка». В самой основе продюсерского ремесла лежит владение информацией и умение ее правильно использовать. Индустрия продюсирования меняется практически ежедневно, поэтому вы обязаны находить время, чтобы быть в русле информационного потока, касающегося вашей профессии. Знания – отличная питательная среда для новых идей, позволяющая вырабатывать и совершенствовать профессиональное продюсерское чутье, в частности, на то, пойдет ли тот или иной продукт на кино- и телерынке.

- профессионал, влюбленный в свою работу, а не депрессивный клерк, с тоской ожидающий конца рабочего дня. Продюсер – это бизнесмен с новаторским складом ума, готовый к нестандартным решениям, взлетам и падениям, умеющий анализировать ошибки и наращивающий профессиональную «мускулатуру» от проекта к проекту.

Итак, если в вас есть творческая жилка плюс недюжинные предпринимательские способности, если вы способны идти на компромисс, открыты новым знаниям и идеям, если вы испытываете искреннюю любовь к тем, кто работает с вами в команде (или, по крайней мере, уважаете этих людей), если вы морально устойчивы и не боитесь проблем – смело идите в продюсирование, это – «ваше». Белые и голубые экраны (наряду с самыми престижными теле- и кинопремиями) по всему миру ждут все новых героев своего времени. Успехов тебе, продюсер!..

Алисагтар ГУЛИЕВ

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KINDZMARAULI MARANI

WINES

სოფელი

Shikhvi

Dry White Wine

2006

PRODUCT OF GEORGIA

Alc 11.5% Vol

0.75 L

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM